

# ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

Научный журнал  
Основан в ноябре 1999 года

2025. Том 21, № 2

---

---

## СОДЕРЖАНИЕ

### Теоретико-исторические и публично-правовые науки

- Данилов И. Б.* Генезис представлений о национально-государственном устройстве России в XIX – начале XX века 5
- Папков В. М.* Конституционное регулирование возмещения убытков от недропользования как правовой инструмент защиты прав коренных малочисленных народов России 12

### Частноправовые науки

- Болдырев В. А.* Прекращение юридических лиц: эволюция правовых оснований и динамика статистических данных 21
- Лисица В. Н., Байжуменова Р. Р., Булгакова Е. А.* Деофшоризация как экономико-правовая категория 29
- Анисимова Т. В., Пакерман Г. А.* Правовое регулирование иностранных инвестиций в сфере образования в странах группы БРИКС 36
- Карунная Я. А.* Гражданско-правовая защита от диффамации в цифровой среде 46
- Чаштанова Д. П.* Правовое регулирование информационного взаимодействия сторон социального партнерства в сфере труда 53

### Уголовно-правовые науки

- Боровских Р. Н., Шмыгина О. В.* Угроза как способ совершения преступлений против собственности: концепция «чувствительной» информации 61
- Тыдыкова Н. В., Шарапов Р. Д.* Организация занятия проституцией, совершенная в групповых формах соучастия: проблемы дифференциации уголовной ответственности и квалификации преступления 68

|                                                                                                                                 |    |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| <i>Гребенникова А. П., Корнакова С. В.</i> Основные направления профилактики женской преступности в России на современном этапе | 78 |
| <i>Нехороших М. Е.</i> Проблемы определения сроков применения мер пресечения в уголовном процессе                               | 88 |
| Информация для авторов                                                                                                          | 96 |

# JURIDICAL SCIENCE AND PRACTICE

Scientific Journal  
Since 1999, November  
In Russian

2025. Volume 21, № 1

---

---

## CONTENTS

### **Theoretical-historical and public-law sciences**

- Danilov I. B.* Genesis of Ideas about the National-State Structure of Russia in the 19th – Early 20th Centuries 5
- Papkov V. M.* Constitutional Regulation of Compensation for Damages from Subsoil Use as a Legal Instrument for Protecting the Rights of Indigenous People of Russia 12

### **Private law (civilistic) sciences**

- Boldyrev V. A.* Termination of Legal Entities: Evolution of Legal Grounds and Dynamics of Statistical Data 21
- Lisitsa V. N., Baizhumenova R. R., Bulgakova E. A.* Deoffshorization as an Economic and Legal Category 29
- Anisimova T. V., Pakerman G. A.* Legal Regulation of Foreign Investment in the Field of Education in the BRICS Countries 36
- Karunya Y. A.* Civil Protection Against Defamation in the Digital Environment 46
- Chashtanova D. P.* The Legal Regulation of Information Cooperation between Sides of Social Partnership in the Industrial Relations 53

### **Criminal law sciences**

- Borovskikh R. N., Shmygina O. V.* Threat as a Way of Committing Crimes Against Property: the Concept of “Sensitive” Information 61
- Tydykova N. V., Sharapov R. D.* Organisation of Prostitution Committed in Group Forms of Complicity: Problems of Differentiation of Criminal Liability and Qualification of the Crime 68

|                                                                                                                             |    |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| <i>Grebennikova A. P., Kornakova S. V.</i> The Main Directions of Prevention of Female Crime in Russia at the Present Stage | 78 |
| <i>Nekhoroshikh M. E.</i> Problems of Determining the Terms of Application of Preventive Measures in Criminal Proceedings   | 88 |
| Instructions for Contributors                                                                                               | 96 |

Editor in Chief V. N. Lisitsa      Associate Editor N. I. Krasnyakov  
Executive Secretary E. R. Voronkova

Editorial Board of the Series

E. B. Abdrasulov, R. S. Abdulin, A. I. Abdullin, O. I. Andreeva, A. M. Baksalova, N. I. Biyushkina,  
V. A. Boldyrev, R. N. Borovskikh, A. V. Gabov, I. G. Dudko, E. A. Zhegalov, B. V. Zmerzly,  
V. S. Kamenkov, M. I. Kleandrov, S. V. Kodan, A. A. Kondrashov, E. V. Korotysh, I. A. Kravets,  
V. I. Kruss, I. D. Kuzmina, V. A. Laptev, Dzh. S. Murtazakulov, N. V. Omelyokhina, V. N. Rudenko,  
D. A. Savchenko, I. A. Umnova-Konyukhova

Editorial Board of the Journal

M. P. Fedoruk (Chairperson), S. G. Sablina (Vice-Chairperson), D. V. Churkin (Vice-Chairperson)  
M. M. Lavrentyev (Vice-Chairperson), A. V. Arzhannikov, S. S. Goncharov, V. S. Diev, V. I. Molodin,  
G. M. Mkrtchyan  
O. N. Pervushina, M. K. Timofeeva

The journal is published quarterly in Russian since 1999  
by Novosibirsk State University Press

The address for correspondence

Law Department, Novosibirsk State University  
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation  
Tel. +7 (383) 363 42 54

E-mail address: [pravo@vestnik.nsu.ru](mailto:pravo@vestnik.nsu.ru); [urfakngu@yandex.ru](mailto:urfakngu@yandex.ru)

On-line version: <http://elibrary.ru>

Научная статья

УДК 34.09

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-5-11

## Генезис представлений о национально-государственном устройстве России в XIX – начале XX века

**Игорь Борисович Данилов**

Сибирский государственный университет геосистем и технологий  
Новосибирск, Россия

0615222@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6443-3951>

### *Аннотация*

В статье рассматривается процесс эволюции представлений о национально-государственном устройстве России в XIX – начале XX в. Устанавливаются истоки идеи федерализации государства, анализируются подходы к федерации и их развитие. Делается вывод о том, что к началу XX в. наиболее распространенной являлась идея единой и неделимой России. Радикальные изменения в подходе к национально-государственному устройству были связаны с эволюцией идеологии большевиков. Описывается и анализируется процесс ее трансформации и окончательного оформления, выявляются основные причины.

### *Ключевые слова*

национально-государственное устройство, государственно-территориальное устройство, унитарное государство, федерация, федерализм, народности, нации, самоопределение наций

### *Для цитирования*

Данилов И. Б. Генезис представлений о национально-государственном устройстве России в XIX – начале XX века. 2025. Т. 21, № 2. С. 5–11. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-5-11

## Genesis of Ideas about the National-State Structure of Russia in the 19th – Early 20th Centuries

**Igor B. Danilov**

Siberian State University of Geosystems and Technologies,  
Novosibirsk, Russian Federation

0615222@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6443-3951>

### *Abstract*

The article examines the process of evolution of ideas about the national-state structure of Russia in the 19th – early 20th centuries. The origins of the idea of federalization of the state are established, approaches to federation and their development are analyzed. It is concluded that by the beginning of the 20th century the most widespread idea was a united and indivisible Russia. Radical changes in the approach to the national-state structure were associated with the evolution of the Bolshevik ideology. The process of its transformation and final design is described and analyzed, the main reasons are identified.

### *Keywords*

National-state structure, state-territorial structure, unitary state, federation, federalism, nationalities, nations, self-determination of nations

© Данилов И. Б., 2025

*For citation*

Danilov I. B. Genesis of ideas about the national-state structure of Russia in the 19th – early 20th centuries. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 2, pp. 5–11. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-5-11

Радикальные изменения основ государственно-правового устройства России вследствие революции 1917 г. традиционно являются предметом обстоятельных научных исследований в рамках историко-правовой юридической науки. В основном внимание правоведов привлекают фактические преобразования в государственном аппарате, которые были связаны с установлением новой власти, а также соответствующие им новации в правовом регулировании. Вместе с тем источником изменений зачастую являлись идеи, оформившиеся в общественно-политическом сознании задолго до свержения монархической власти, зародившиеся еще в период империи. Представляется, что исследование генезиса подобных идей в широких хронологических рамках несет в себе значительный потенциал в плане осмысления политико-правовых процессов, развивавшихся в начале XX в. с приходом к власти большевиков.

Одной из сфер, в которых можно обнаружить подобные концепции, является национально-государственное устройство. Организация оптимальной формы совместного существования различных народов и наций в пределах единого политико-правового пространства является актуальной задачей для любого многонационального государства, особенно развивающегося в рамках имперской парадигмы. В юридической науке представлен подход, относящий империю к особой форме государства. Он основывается на установлении специфики формы правления, формы государственно-территориального устройства, а также политического режима империи. Своеобразие формы государственного устройства состоит в автономизации национально-регионального управления с установлением различного статуса регионов и особым распределением предметов ведения и пределов верховной власти в них [1, с. 27]. Традиционная модель империи, таким образом, не предполагает возможности существования федеративных связей между ее составными частями.

Вместе с тем идеи федерализации России неоднократно озвучивались еще в начале XIX в. В этот период активные дискуссии вызвали вопросы оформления отношений центральной власти с Финляндией и Польшей. В правительственных кругах высказывались разные суждения относительно оптимальной формы присоединения. Так, бывший министр иностранных дел России А. Чарторыйский, особо приближенный к Александру I, в декабре 1812 г. выступал против присоединения Польши на условиях личной унии. Он полагал, что более эффективным вариантом являлся конституционный союз, как основа общего политико-правового пространства. Чарторыйский утверждал: «Прочная федеративная система дает империи – центру этой системы, больше силы и больше гарантий безопасности, чем расширение границ» [2, с. 53]. Данная позиция была отвергнута Александром I, однако свидетельствует о существовании подобных воззрений на будущее российского государства среди высших государственных чиновников.

Популярны идеи федерализма были позднее и среди декабристов. Известный проект конституции Муравьева, согласно точке зрения, ставшей традиционной в науке, предусматривал построение федеративного государства, разделенного на самостоятельные «державы» [3, с. 161]. Вместе с тем не все исследователи согласны с представленной оценкой, полагая, что одного факта выделения более или менее самостоятельных держав недостаточно для того, чтобы констатировать установление федерации. О. И. Чистяков, например, не считал, что в данном проекте предусматривалась именно федерализация [4, с. 9].

Однозначно идеи федерализма прослеживаются во многих программных документах различных политических партий и организаций России конца XIX – начала XX в. Это представляется абсолютно закономерным, поскольку в условиях столь обширной, неоднородной и мно-

гонациональной территории ни одна политическая сила не могла обойти вниманием вопрос о национально-государственном устройстве страны. В политико-идеологическом пространстве прослеживается существование двух альтернативных концепций федерации: территориальной и национальной.

Идеи территориальной федерации были широко представлены в программах тайных политических организаций и групп. Члены «Северного союза русских рабочих» в 1878 г. в качестве цели, следующей сразу за свержением политического и экономического строя государства, провозглашали «учреждение свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права» [5, с. 239–242]. Аналогичным образом и программа революционной организации «Народная воля» 1879 г. предусматривала, что «государственное устройство должно быть основано на союзном договоре всех общин и каждая община в своих внутренних делах вполне независима и свободна». По своему замыслу община представляла собой исключительно территориальное образование и не была связана с титульными нациями. Территориальный принцип федерации устанавливался и в рамках распространенной политико-правовой теории «земского федерализма» [6, с. 59].

Альтернативной концепцией являлась теория национального федерализма, которая также была широко представлена в политических кругах. В частности, в программе партии эсеров 1905 г. провозглашалась идея национально-территориальной федерации «с широкой автономией областей». Народности должны были объединиться в «общий союз народов на равных началах (на братских) или, как говорится, на федеративных началах» [7, с. 14–27]. За всеми народами России признавалось безусловное право на самоопределение.

Программа трудовой партии 1906 г. определяла, что только на «федеративных началах» должно быть построено демократическое государство» [8, с. 13–22].

Национально-федеративной по своей сущности была программа кадетов 1905 г., которая непосредственно термин «федерация» не включала, однако основывалась на автономизации, демократическом местном самоуправлении и национально-культурном самоопределении территорий. Программная установка кадетов предполагала «установление местной автономии и областных представительных собраний, обладающих правом участия в осуществлении законодательной власти по известным предметам, соответствующим потребностям населения» [9, с. 32].

Широко отражены идеи национальной федерации были также в работах литовских социал-демократов, украинской федеративно-демократической партии, латышских и закавказских сторонников федерализации России [10, с. 9].

Концепция национально-федеративного устройства при этом очень часто подвергалась обоснованной критике, поскольку отождествлялась с нестабильностью политического устройства, национализмом и значительными предпосылками к подрыву государственного единства. Известный российский правовед, один из основоположников Конституционного права России, депутат Государственной думы I созыва от партии кадетов Ф. Кокошкин отмечал, что федерация на основе национального подхода «сделала бы невозможной организацию связи между отдельными национально-территориальными единицами ни на началах единого государства, ни на началах правильно устроенного федеративного государства, и потому в своем последовательном развитии привела бы к полному крушению государственного единства России и к установлению не федерации (союзного государства), а конфедерации (союза государств). Последнее для России означало бы разрушение государственного единства» [11, с. 554–560].

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на многообразие обсуждаемых моделей федерации, к началу XX в. наибольшее распространение в политических кругах имела все же идея единой и неделимой России. Более того, ее поддержка во многом усиливалась по мере обострения национального вопроса. К началу 1917 г. с необходимостью сохранения унитарного единства страны была солидарна большая часть политических сил. В частности, подобную

позицию разделяли консервативно настроенные кадеты, октябристы и их союзники, а также левые партии, считавшие приоритетной задачу революционного переустройства страны.

В. И. Ленин и его сторонники так же полагали, что «пока и поскольку разные нации составляют единое государство, целесообразен не федерализм, а демократический унитаризм». Федеративность допускалась ими лишь в исключительных случаях [9, с. 34]. До революции суть основной идеи Ленина сводилась к единству всех народов и их совместному движению к освобождению от буржуазной эксплуатации. Национальным различиям и интересам не придавалось особого значения.

Радикальные изменения в позиции большевиков произошли непосредственно после революции. Необходимость объединения различных оппозиционных движений в условиях Гражданской войны, а также окончательной победы над политическими противниками обусловили обращение к тезису о национальном угнетении как к идейной основе для «освобождения народов» и их объединения под знаменами революции. Благоприятные сопутствующие условия для этого были связаны с общим подъемом национального самосознания народов и их обращением к поиску национальной идентичности в указанный период. Осознавая потенциал национального самосознания народов и преследуя цель получения широкой политической поддержки от различных этносов, проживающих на территории России, в деле свержения царизма и победы над своими противниками, Ленин провозглашает идеи этнонационализма, сконцентрировавшиеся в лозунге о праве наций на самоопределение. В науке отмечается, что в перспективе указанный лозунг привлек на сторону советской власти абсолютное большинство народов и этносов России [12, с. 40]. Таким образом федерализм становится наиболее возможной и перспективной формой решения национального вопроса, а позднее – основой государственного строительства.

С конца 1917 г. основным положением теории Ленина о национально-государственном устройстве становится равноправие народов, выраженное, в частности, в равном праве на развитие и выбор своего исторического пути. Развитие данного тезиса органично предполагает и право наций на самоопределение, включая как возможность вхождения в единое советское государство, так и возможность выхода из его состава. Следует отметить, что Ленин не видел в этом угрозы для целостности государства, поскольку был убежден, что глубокая социально-культурная и экономическая взаимная интеграция народов и этносов России должна была преодолеть этнический национализм.

Распад России представлялся большевикам маловероятным и не критически опасным еще и в силу догматики учения о мировой революции. Идея преобразования всего общества в мировом масштабе предопределяла единое коммунистическое будущее для всех народов земли. Представлялось, что в конечном счете не столь важно, где конкретно будет проходить граница между государствами. Главной движущей силой и актором событий являлся мировой пролетариат со своими общими интересами, который должен был образовать интернациональный союз для борьбы с мировой буржуазией. Именно это представлялось самым главным. В науке справедливо отмечается, что для большевиков не являлось принципиальным, сколько суверенных народов войдет в Россию. Федерация приспосабливалась не только для бывших российских этносов, но и для расширения ее до вселенских масштабов [13, с. 25].

Указанные идеи впоследствии нашли свое отражение в Конституции РСФСР 1918 г. Статья 3 провозгласила основной задачей «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах»<sup>1</sup>. Позднее Конституция СССР 1924 г. в первом разделе Декларации об образовании Союза Советских Социалистических Республик определяла подобную цель: «Новое союзное

<sup>1</sup> Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

государство явится... новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику»<sup>2</sup>.

Таким образом, принцип свободы самоопределения наций, включая их право на отделение и образование собственного государства, рассматривался большевиками как временный. Развитие социалистического государства в конечном итоге должно было привести к слиянию наций, созданию единого безнационального общемирового коммунистического сообщества [14, с. 4].

Аналогичным образом временной представлялась Ленину и сама концепция федерации. Его идеи о федерализме отражали особое направление в поиске формы справедливого и прочного союза народов России. Им предлагалась совершенно новая форма государства – Советская республика. По форме государственного устройства она представляла собой симметричную национально-территориальную федерацию, учрежденную на договорной основе. Несмотря на последующее развитие государства в федеративной форме, в науке широко представлена точка зрения, согласно которой Ленин, принимая идею федерации как эффективный инструмент победы в политической борьбе, видел в ней лишь временную уступку обстоятельствам и был склонен наделять ее очевидно переходным характером. Будущее советского государства виделось им единым и унитарным, основанным на новой исторической общности – «советском народе» [15, с. 1–36].

Несмотря на подобное восприятие, концепция советской федерации с течением времени доказала свою состоятельность, став безальтернативной основой построения нового государства и организации модели национально-региональных отношений. Принципы, заложенные большевиками в начале XX в., нашли свое отражение и в поздние периоды, определив основные векторы развития российского государства на многие десятилетия вперед. Трансформация идеологии большевиков, таким образом, стала закономерным итогом длительной эволюции представлений о национально-государственном устройстве России в общественно-политической мысли XIX – начала XX в., завершив его выработкой целостной законченной концепции.

### Список литературы

1. **Красняков Н. И.** Российская империя: опыт управления национальными регионами (середина XVII – начало XX в.): моногр. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2023. 460 с.
2. **Пахомов В. Г.** Федерализм в истории политико-правовой мысли России (конец XVIII – XIX в.): в 2 ч. М., 2001. Ч. 1. Дооктябрьский период. 95 с.
3. **Вернадский Г. В.** Очерк истории права Русского государства XVIII–XIX вв.: (Период империи). Прага, 1924. 166 с.
4. **Чистяков О. И.** К вопросу о форме государственного единства России // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. 2007. №2. С. 3–35.
5. Рабочее движение в России в XIX веке: сб. документов и материалов. Ч. II. 1861–1884. М., 1950. 778 с.
6. **Пахомов В. Г.** Идеи национально-территориальной федерации в России в XIX в. // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2014. № 12. С. 58–62.
7. Программа партии социалистов-революционеров [1906 г.]: сб. программ политических партий в России; под ред. В. Водовозова. Вып. 3. СПб., 1906, с. 14–27.
8. Программа трудовой (народно-социалистической) партии [1906 г.] // Программы русских социалистических партий... с резолюциями съездов 1917 г. об отношении к войне и пр. Изд. Копельмана. Б. Г. С. 13–22.

<sup>2</sup> Постановление II Съезда Советов СССР от 31.01.1924 «Об утверждении Основного Закона (Конституции) Союза Советских Социалистических Республик» // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1924. № 2. Ст. 24.

9. **Ямалов М. Б.** Федерализм в истории России: учеб. пособие [Текст]. Уфа: Изд-во БГПУ, 2009. 172 с.
10. Национальная государственность союзных республик / Ахмедов Ф. Н., Бегиян А. З., Вихарев С. Р., Дамашевичус К. А., и др.; отв. ред.: Златопольский Д. Л. М., 1968. 567 с.
11. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. М., 2000. 831 с.
12. **Тишков В. А.** Этнология и политика: Статьи 1989–2004 гг. М., 2005. 382 с.
13. **Минеева Е. К.** Наркомнац РСФСР: цели, задачи, структура // Вестник Чуваш. ун-та. 2006. № 7. С. 23–33.
14. **Вдовин А. И.** Эволюция национальной политики СССР. 1917–1941 гг. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2002. № 3. С. 3–54.
15. **Чистяков О. И.** Проблемы организации государственного единства в истории дореволюционной России // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. 2006. № 4. С. 1–36.

### References

1. **Krasnyakov N. I.** Russian Empire: experience of governing national regions (mid-17th – early 20th century) monograph. Novosibirsk, IPC NSU, 2023, 460 p. (in Russ.)
2. **Pakhomov V. G.** Federalism in the history of political and legal thought in Russia (late 18th – 19th centuries): in 2 parts. Part 1. Pre-October period. Moscow, 2001, 95 p. (in Russ.)
3. **Vernadsky G. V.** Essay on the history of law of the Russian state in the 18th-19th centuries: (The period of the empire). Prague, 1924, 166 p. (in Russ.)
4. **Chistyakov O. I.** On the Form of State Unity in Russia. *Bulletin of Moscow University*, Series 11: Law, 2007, no. 2, pp. 3–35. (in Russ.)
5. The labor movement in Russia in the 19th century: a collection of documents and materials. Part II. 1861–1884. Moscow, 1950, 778 p. (in Russ.)
6. **Pakhomov V. G.** Ideas of a national-territorial federation in Russia in the 19th century. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, № 12, pp. 58–62. (in Russ.)
7. Program of the Socialist Revolutionary Party [1906]. Collection of programs of political parties in Russia. Ed. by V. Vodovozov. Issue 3. St. Petersburg, 1906, pp. 14–27. (in Russ.)
8. Program of the Labor (People's Socialist) Party. [1906]. Programs of Russian socialist parties... with resolutions of the 1917 congresses on the attitude toward the war, etc. Published by Kopelman. BG – Pp. 13–22. (in Russ.)
9. **Yamalov M. B.** Federalism in the History of Russia: A Textbook [Text]. Ufa, BSPU Publishing House, 2009, 172 p. (in Russ.)
10. National statehood of the union republics; Akhmedov F. N., Begiyan A. Z., Vikharev S. R., Damashyavichus K. A., et al.; Responsible. editors: Zlatopolsky D. L. M., 1968, 567 p. (in Russ.)
11. Congresses and conferences of the Constitutional Democratic Party. 1905–1920. In 3 vols. Vol. 3. Book 1. 1915–1917. Moscow, 2000, 831 p. (in Russ.)
12. **Tishkov V. A.** Ethnology and Politics: Articles from 1989–2004. Moscow, 2005, 382 p. (in Russ.)
13. **Mineeva E. K.** People's Commissariat of Nationalities of the RSFSR: goals, objectives, structure. *Bulletin of the Chuvash University*, 2006, no. 7, pp. 23–33. (in Russ.)
14. **Vdovin A. I.** Evolution of the national policy of the USSR. 1917–1941. *Bulletin of Moscow University*, Series 8. History, 2002, no. 3, pp. 3–54. (in Russ.)
15. **Chistyakov O. I.** Problems of Organization of State Unity in the History of Prerevolutionary Russia. *Bulletin of Moscow University*, Series 11: Law, 2006, no. 4, pp. 1–36. (in Russ.)

### **Информация об авторе**

**Данилов Игорь Борисович**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции Сибирского государственного университета геосистем и технологий  
SPIN 2367-4310

### **Information about the Author**

**Igor B. Danilov**, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Jurisprudence of the Siberian State University of Geosystems and Technologies  
SPIN 2367-4310

*Статья поступила в редакцию 21.02.2025;  
одобрена после рецензирования 19.03.2025; принята к публикации 21.03.2025*

*The article was submitted 21.02.2025;  
approved after reviewing 19.03.2025; accepted for publication 21.03.2025*

Научная статья

УДК 342.7

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-12-20

## **Конституционное регулирование возмещения убытков от недропользования как правовой инструмент защиты прав коренных малочисленных народов России**

**Владимир Михайлович Папков**

Сибирский федеральный университет  
Красноярск, Россия

2820277@mail.ru

### *Аннотация*

В статье рассматриваются правовые аспекты института возмещения убытков коренным малочисленным народам (КМН) от хозяйственной деятельности недропользователей в России. Особое внимание уделено генезису этого института в законодательстве Российской Федерации с 1990-х гг. Акцент сделан на региональных особенностях правового регулирования в республиках Хакасия, Саха (Якутия) и Красноярском крае. Обсуждаются проблемы правоприменительной практики, вопросы справедливого баланса прав КМН и недропользователей, а также необходимость разработки законодательных мер для улучшения механизма возмещения убытков.

### *Ключевые слова*

коренные малочисленные народы, возмещение убытков, недропользователи, традиционное природопользование, этнологическая экспертиза, традиционная хозяйственная деятельность, компенсация, территории традиционного природопользования, гарантии прав коренных малочисленных народов

### *Для цитирования*

Папков В. М. Конституционное регулирование возмещения убытков от недропользования как правовой инструмент защиты прав коренных малочисленных народов России // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 2. С. 12–20. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-12-20

## **Constitutional Regulation of Compensation for Damages from Subsoil Use as a Legal Instrument for Protecting the Rights of Indigenous People of Russia**

**Vladimir M. Papkov**

Siberian Federal University,  
Krasnoyarsk, Russian Federation

2820277@mail.ru

### *Abstract*

The article discusses the legal aspects of the institute of compensation for damages to indigenous small-numbered people (ISNP) from the economic activities of subsoil users in Russia. Special attention is paid to the genesis of this institute in Russian Federation legislation since the 1990s. The focus is on the regional peculiarities of legal regulation in the Republics of Khakassia, Sakha (Yakutia), and Krasnoyarsk region. The problems of law enforcement practice, issues of fair balance between ISNP rights and subsoil users, and the need for legislative measures to improve the compensation mechanism are also discussed.

© Папков В. М., 2025

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 2  
Juridical Science and Practice, 2025, vol. 21, no. 2

*Keywords*

indigenous small-numbered peoples, compensation for damages, subsoil users, traditional land use, ethnological expertise, traditional economic activity, compensation, territories of traditional environmental management, guarantees of the rights of ISNP

*For citation*

Papkov V. M. Constitutional regulation of compensation for damages from subsoil use as a legal instrument for protecting the rights of Indigenous people of Russia. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 2, pp. 12–20. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-12-20

С новым этапом развития технологий добычи полезных ископаемых стало разворачиваться полномасштабное промышленное освоение недропользователями территорий исконного проживания коренных малочисленных народов (далее – КМН), что потребовало пересмотра концептуальных подходов к поиску баланса их прав и законных интересов. В процессе ускоренной советской индустриализации потребности коренных народов игнорировались [1, с. 146], поскольку правосубъектность малых народов не признавалась. С формированием статуса КМН как субъекта конституционного права возникает федеральный институт возмещения убытков, причиненных коренным народам от ведения хозяйственной деятельности на исконных родовых территориях. Активно также стал развиваться и региональный компонент регулирования прав КМН на защиту традиционного образа жизни, на получение компенсации за нанесенный вред. Примером такого законодательства является Закон Республики Саха (Якутия) «Об этнологической экспертизе»<sup>1</sup>, принятый в целях определения элементов таких убытков.

Отправной точкой постсоветского этапа развития законодательства о защите прав КМН при промышленном освоении территорий их проживания является Указ Президента РФ от 22.04.1992 № 397 «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера», который объявлял места проживания и хозяйственной деятельности КМН неотъемлемым достоянием этих народов, не подлежащими отчуждению без их согласия под промышленное или иное освоение, не связанное с традиционным хозяйствованием<sup>2</sup>. Законодательство России того периода в максимальной степени ориентировалось на международно-правовые стандарты, гарантирующие права КМН на племенные земли и природные ресурсы.

Вместе с тем «официально планируемые и ожидаемые сообществом КМН правовые намерения отнюдь не обрели реальность» [2, с. 25]. По сути, законодатель отказался от «рассмотрения коренного народа как субъекта, обладающего на особом титуле территориями исконного проживания», что приводит к отсутствию публично-правовых гарантий сохранения традиционного уклада именно для коренного народа в целом [3, с. 20]. Так, профессор В. А. Кряжков указывает, что «осуществляемые изменения преимущественно направлены на изъятия положений, гарантирующих права КМН» [2, с. 26].

Эволюция законодательных решений, сложившихся к настоящему моменту, соответствующая правоприменительная практика воспринимаются в российской доктрине как «откат от правовых гарантий коренных народов на ресурсы и территории их проживания», как стагнация прав коренного народа на землю и природные ресурсы [4, с. 1578]. Вопросы справедливого баланса прав КМН и недропользователей, лесозаготовителей и иных лиц, занимающихся промышленным освоением земель традиционного природопользования, ставятся в исследо-

<sup>1</sup> Закон от 14.04.2010 820-3 № 537-IV ФЗ «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» // Якутские ведомости (прил. к газ. «Якутия») от 12.05.2010, № 30.

<sup>2</sup> Указ Президента РФ от 22.04.1992 № 397 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 1992 г., № 18, ст. 1009.

ваниях также П. В. Гоголева и А. Э. Маякунова [5], Л. А. Андриченко [6], А. Н. Слепцова [7], С. Н. Харючи [8] и др. Отдельные аспекты возмещения ущерба КМН недропользователями затрагивают и специалисты в области природоресурсного права и экологического права, например: М. В. Дудиков [9], И. А. Игнатьева [10], А. А. Транин [11] и Л. Е. Бандорин [12] и др. [13, с. 301].

Пункт 8 ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»<sup>3</sup> (далее ФЗ-82) устанавливает, что в целях обеспечения сохранения традиционной среды обитания, исторического уклада жизни, а также особенностей хозяйственной и промысловой деятельности, коренные народы вправе требовать компенсацию за нанесенный ущерб. Она предоставляется при ущербе, нанесенном их исконной среде обитания вследствие экономической деятельности юридических лиц любой организационно-правовой формы или действий физических лиц, согласно процедурам, установленным Правительством Российской Федерации.

Согласно п. 2 ст. 13 Федерального закона от 30.12.1995 № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции»<sup>4</sup> (далее – ФЗ-225) предусматривается, что лицо, инвестирующее в освоение недр, должно возмещать причиненный ущерб в связи с проведением работ, осуществляемых по договоренности с КМН, проживающими и ведущими традиционное хозяйство на своих исторических территориях. Размер компенсационных сумм и сроки их выплаты регламентируются положениями соответствующего соглашения.

Как следует из доклада Уполномоченного по правам КМН, в Красноярском крае за 2024 г. количество жалоб КМН на действия недропользователей постоянно растет, и если за 2022 г. составило 38 обращений, то за 2023 г. их насчитывалось уже 58 [14, с. 9]. Изложенное свидетельствует об обострении взаимоотношений недропользователей и КМН. В зоне риска по-прежнему остаются не только сами КМН, но и предприятия-недропользователи, которые в условиях законодательного пробела не могут в полном объеме планировать экономические последствия при недостижении соглашения с КМН.

Аналогичным образом складывается и судебная практика в Красноярском крае. Например, при наложении на территории исконного проживания и ведения традиционной хозяйственной деятельности общины с арендованным участком, на котором АО «Краслесинвест» осуществляло хозяйственную деятельность по освоению лесов (заготовке древесины) в период с 2015 по 2020 г., судом ретроспективно взысканы убытки на общую сумму 78 580 127 рублей<sup>5</sup>. Указанный размер взысканной денежной суммы безусловно является существенным для сторон спора, поэтому необходимо уделять повышенное внимание институту возмещения убытков КМН.

Согласно п. 5.2.4. Постановления Правительства Республики Хакасия от 21 октября 2016 года № 508, запрещается осуществлять хозяйственную деятельность на территориях традиционного природопользования, если она приводит к ущербу экологическим и культурным ценностям, при отсутствии следующих мер:

- соглашение о возмещении убытков между хозяйствующим субъектом и Советом представителей коренных малочисленных народов;
- фактическое возмещение убытков, причиненных малочисленным народам, в результате нанесения ущерба исконной среде обитания хозяйственной деятельностью<sup>6</sup>.

<sup>3</sup> Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 1999 г., № 18, ст. 2208.

<sup>4</sup> Федеральный закон от 30.12.1995 № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» // Собрание законодательства Российской Федерации от 1996 г., № 1, ст. 18.

<sup>5</sup> Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27.06.2023 г. по делу № А33-14096/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2025).

<sup>6</sup> Постановление Правительства Республики Хакасия от 21 октября 2016 года № 508 «Об образовании территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих в Республике Хакасия, регионального зна-

При отсутствии четких критериев определения размера причиняемых КМН убытков производственной деятельностью предприятий-недропользователей инвестиции в развитие добывающего сектора в таком регионе будут более рискованными. Недостижение соглашения о размере возмещаемых убытков КМН может привести к законному прекращению деятельности и сопутствующим крупным потерям уже для самого недропользователя.

Рассматриваемый институт возмещения убытков характеризуется рядом принципиальных особенностей.

Рассмотрим первую из них. Несомненно, такие неблагоприятные последствия возникают из-за ведения легальной хозяйственной деятельности на территории традиционного проживания коренного народа. Пункт 3 ст. 7 Федерального закона № 225 определяет, что при выполнении работ на объектах, находящихся в регионах традиционного проживания и хозяйствования КМН, инвестор должен использовать все меры, предусмотренные законодательством РФ для сохранения их исторической среды обитания и традиционного уклада жизни. Предусмотрена также обязанность по выплате компенсаций в случаях и по процедурам, определенным Постановлением Правительства Российской Федерации от 18 сентября 2020 года № 1488<sup>7</sup> (далее – Постановление Правительства № 1488).

Поскольку ущерб причиняется исконной среде обитания, в доктрине допускают применение к данным отношениям экологических презумпций [15, с. 25]. По смыслу ст. 1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»<sup>8</sup> любая хозяйственная или иная деятельность оказывает негативное воздействие на окружающую природную среду.

Между тем неприемлемо отождествлять вред, нанесенный окружающей среде, и негативные последствия для КМН от ведения хозяйственной деятельности на территории их исконного проживания. Изложенное подтверждается судьбой федеральных законопроектов, которые предлагали включить этнологическую экспертизу в состав экологической. Указанные законопроекты были отклонены Думой по причине того, что данные экспертизы имеют разные цели и процедуры проведения. Кроме того, присутствует ссылка на то, что «выделение в данном Законе особых требований по обеспечению прав на благоприятную окружающую среду какой-либо одной общности будет являться нарушением прав других и сократит сферу действия Закона»<sup>9</sup>.

Таким образом, с учетом отклонения законопроектов этнологическая экспертиза по-прежнему остается предметом самостоятельного регулирования.

Как считает Т. В. Дерюгина, в большинстве случаев правомерного причинения вреда речь идет о компенсаторном обязательстве, где возмещение связано напрямую лишь с наличием вреда [15, с. 28]. И. И. Гаранин, А. В. Лисаченко также разделяют гражданско-правовую ответственность и «восстановление права при отсутствии факта правонарушения» [16, с. 33], указывая, что «компенсация не является мерой юридической ответственности» [17, с. 120].

---

чения» (с изменениями на 2 августа 2023 года) // Официальный интернет-портал правовой информации ([www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru)) от 23.11.2016 г.

<sup>7</sup> Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1488 «Об утверждении Положения о порядке возмещения убытков, причиненных коренным малочисленным народам Российской Федерации, объединениям коренных малочисленных народов Российской Федерации и лицам, относящимся к коренным малочисленным народам Российской Федерации, в результате нанесения ущерба исконной среде обитания коренных малочисленных народов Российской Федерации хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности, а также физическими лицами» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2020 г., № 39, ст. 6065.

<sup>8</sup> Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2002 г., № 2, ст. 133

<sup>9</sup> Решение от 25.04.2007 № 109-1 Комитета Государственной Думы по экологии о проекте Федерального закона № 353031-4 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об экологической экспертизе»» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.01.2025).

Вместе с тем не исключается возмещение рассматриваемых убытков и когда хозяйственная деятельность осуществляется с нарушением закона, например, без соответствующих разрешений, с превышением установленных нормативов. Более того, если имеет место превышение юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями-недропользователями установленных нормативов допустимого воздействия, то это означает, что в результате их действий причиняется вред (ст. 3, п. 3 ст. 22, п. 2 ст. 34 Закона об охране окружающей среды, абз. второй п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49<sup>10</sup>).

Исходя из того, что убытки возникают вследствие правомерной хозяйственной деятельности, механизм их возмещения, несомненно, должен иметь большее сходство с такими институтами, как компенсация за ущерб, причиненный правомерными действиями публичных органов (ст. 16.1. ГК РФ), и за изымаемые земельные участки для государственных и муниципальных нужд (ст. 282 ГК РФ), нежели чем с моделями возмещения ущерба, связанного с неисполнением договорных обязательств или вреда, возникшего вследствие деликта.

Вторая отличительная черта института возмещения убытков КМН заключается в следующем. Установление размера подлежащих возмещению убытков КМН предполагается до начала ведения хозяйственной деятельности, т. е. речь идет не столько об ущербе, который «уже причинен», сколько, в первую очередь, о тех негативных последствиях, которые возникнут из-за намечаемой хозяйственной деятельности. В этом смысле можно говорить о сходстве данной компенсации с гражданско-правовым институтом предвидимых, заранее исчисляемых убытков [18, с. 169]. Подтверждают этот факт положения п. 1 ст. 6 ФЗ-225, где устанавливается, что одним из условий аукциона на право пользования участками недр, расположенных в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМН, является условие о выплате соответствующих компенсаций за нарушение режима традиционного природопользования.

Относительно сроков проведения экспертизы по установлению размера убытков в России нет единого законодательно установленного правила на федеральном уровне. Разумным представляется ее проведение за счет бюджетных средств еще до момента формирования аукционной документации соответствующим федеральным органом. В этом случае предпринимательские риски будут известны заранее в полном объеме, и тогда недропользователь при «чрезмерно неподъемном» размере компенсации может отказаться от участия в торгах.

В качестве альтернативы возможно проведение экспертизы уже по факту окончания работ хозяйствующего субъекта и, как следствие, получение объективных данных о причиненных убытках. Такой вариант допустим при установлении законодателем обязательной системы страхования ответственности с учетом проведения предварительных расчетов вероятных убытков на весь период отработки территорий, включая выполнение рекультивации нарушенных земель. Это позволит исключить последующее «довыскание» к изначально рассчитанному в теории размеру убытков, поскольку регулярно происходят отклонения от изначально заложенных проектных мощностей в процессе эксплуатации месторождений. Предлагаемый подход обеспечит возможность отработать до конца участки недр без приостановления или прекращения деятельности, что положительно скажется на налоговых отчислениях в бюджеты всех уровней, а также на сохранении рабочих мест.

Третий элемент специфики института возмещения убытков состоит в особенности объекта, которому причиняется ущерб.

Исходя из положений п. 1 ст. 11 Закона Красноярского края от 01.07.2003 № 7-1215, малочисленные народы вправе требовать компенсацию ущерба, нанесенного им в результате экономической или иной деятельности как предприятий, так и частных лиц<sup>11</sup>.

<sup>10</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 // Российская газета – Федеральный выпуск от 11.12.2017 №280 (7446).

<sup>11</sup> Закон Красноярского края от 01.07.2003 № 7-1215 «Основы правовых гарантий коренных малочисленных народов Севера Красноярского края» // Официальный интернет-портал правовой информации Красноярского края, (<http://zakon.krskstate.ru/doc/49795>) от 22.06.2018.

Сопоставление указанных выше положений с п. 8 ст. 8 ФЗ-82 и их буквальное толкование позволяет предположить, что с точки зрения федерального законодателя доказыванию подлежит ущерб исконной среде обитания и возникшие вследствие этого убытки, в то время как рассматриваемый региональный правовой акт делает акцент непосредственно на убытки, которые претерпевают коренные народы, и очевидно, что именно их размер требуется подтвердить.

На основе мониторинга российского законодательства и правоприменительной практики Комитет ООН по правам ребенка отметил, что российское законодательство предусматривает предоставление компенсации представителям коренных народов за ущерб окружающей среде от коммерческой деятельности<sup>12</sup>. Как отмечает Б. В. Бабин, «возмещение коренным народам за эксплуатацию природных ресурсов должно проводиться не в форме компенсации их стоимости, а как покрытие ущерба интересам КМН, в первую очередь, относительно пользования их землями» [19, с. 305].

Цели возмещения, устанавливаемого ст. 8 ФЗ-82, безусловно, состоят в восстановлении нарушенного права КМН на ведение традиционного образа жизни в местах исконного проживания, а не только в возвращении имущественного статус-кво КМН. Объект, которому причиняется вред, – конституционные права КМН на сохранение «исконной и культурно-социальной среды проживания КМН»<sup>13</sup>, влияние на которую оказывает хозяйственная деятельность.

Четвертой особенностью института возмещения убытков выступает вопрос о том, кто должен быть итоговым субъектом – получателем средств. Из-за пробелов в федеральном законодательстве сложилась практика в Республике Хакасия, когда хозяйствующий субъект для заключения соглашений с целью определения размера убытков вынужден непосредственно взаимодействовать на начальном этапе с каждой родовой общиной, зарегистрированной на территории традиционного природопользования.

Полагаю, что такая практика не является легальной, поскольку противоречит положениям п. 2 Постановления Правительства № 1488, которое наделяет полномочиями на заключение соглашения не родовые общины, а именно совет представителей КМН.

Согласно п. 1.2 положения о Совете представителей КМН при правительстве Республики Хакасия, утвержденного 29.05.2012 № 340<sup>14</sup>, Совет является межведомственным совещательным органом при Правительстве Республики Хакасия и действует на общественных началах, не имеет отдельного ИНН и своего самостоятельного расчетного счета. Тем самым допускается возможность заключения соглашения с указанием в качестве получателей денежных средств множественности общин КМН.

Взаимодействие хозяйствующих субъектов с общинами КМН не контролируется государством, что может привести к различным злоупотреблениям, в том числе к получению преференций только отдельными общинами. Следует согласиться с законодательно установленной позицией о том, что заключать соглашения необходимо именно с Советом представителей КМН, который должен быть наделен полномочиями по получению денежных средств от хозяйствующих субъектов. В последующем в его обязанности должно входить справедливое распределение полученных средств между общинами КМН.

<sup>12</sup> Заключительные замечания по объединенным четвертому и пятому периодическим докладам Российской Федерации: Доклад ООН от 25.02.2014 // CRC/C/RUS/CO/4-5. [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/778843?ln=ru&v=pdf#files> (дата обращения: 25.01.2025).

<sup>13</sup> Приказ Минвостокразвития России от 23.11.2020 № 181 «Об утверждении стандарта ответственности резидентов Арктической зоны Российской Федерации во взаимоотношениях с коренными малочисленными народами Российской Федерации, проживающими и (или) осуществляющими традиционную хозяйственную деятельность в Арктической зоне Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.01.2025).

<sup>14</sup> Положение о Совете представителей коренных малочисленных народов при правительстве Республики Хакасия от 29.05.2012 № 340 // Вестник Хакасии от 29.5.2012 г.

В результате проведенного исследования выявлены особенности правового регулирования возмещения убытков коренным народам вследствие добычи полезных ископаемых на территориях их исконного проживания.

Во-первых, отсутствие полноценного детального регулирования данного института приводит к нарушению прав и КМН, и недропользователей. Последние не могут планировать экономические затраты, а в некоторых случаях даже и приступить к освоению участка недр, если соглашение о возмещении убытков между ними не будет заключено. Убытки возникают от правомерной хозяйственной деятельности недропользователя, его правовой режим схож с институтом компенсации, выплачиваемой в соответствии со ст. 16.1 Гражданского кодекса РФ.

Во-вторых, неприемлемо отождествлять вред, который причиняют недропользователи окружающей среде, и убытки, которые возникают у представителей коренных народов от добычи полезных ископаемых на территории их традиционной жизнедеятельности. Негативные последствия сопряжены с возникшими затруднениями при реализации конституционного права представителей КМН на сохранение традиционного образа жизни.

В-третьих, в целях обеспечения прав недропользователей предварительный расчет негативных последствий, подлежащий выплате КМН, должен проводиться до проведения торгов на участок недр и включаться в обязательные сведения аукционной документации. Сумма компенсации, возможно, подлежит корректировке по завершении хозяйствующим субъектом работ.

#### Список литературы

1. **Спиридонов Д. В.** Современные проблемы реализации прав коренных народов в сфере недропользования // Недропользование XXI век. 2022. № 4 (96). С. 144–153.
2. **Кряжков В. А.** Конституционно-правовые статусы финно-угорских народов в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 24–32.
3. **Роньжина О. В.** Право коренных народов на земли в границах территории исконного проживания (право собственности на землю в свете циркумполярной теории) // Проблемы конституционно-правового регулирования статуса арктических территорий Российской Федерации: материалы круглого стола Междунар. науч.-практ. конф., Красноярск, 21–22 сентября 2017 г. Красноярск: Краснояр. гос. аграрный ун-т, 2017. С. 16–39.
4. **Кондрашев А. А., Роньжина О. В., Зенкина А. Б.** Территория традиционного природопользования как особая территориальная единица в системе территориального деления Севера, Сибири и Дальнего Востока России // Вестник Сибирского федер. ун-та. Гуманитарные и социальные науки. 2018. Т. 11, № 10. С. 1572–1592.
5. **Гоголев П. В., Маякунов А. Э.** Земля как категория конституционно-правовой политики и общественного дискурса в контексте традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 10. С. 13–19.
6. **Андриченко Л. В.** Правовой статус национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации. М.: Городец, 2005. 304 с.
7. **Слепцов А. Н.** Вопросы нормативного закрепления этнологической экспертизы в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера на примере Якутии // Юрист. 2017. № 19. С. 42–46.
8. **Харючи С. Н.** Проблемы совершенствования российского законодательства в области прав коренных малочисленных народов // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 2. С. 13–16.
9. **Дудиков М. В.** Горное право в системе отраслей права // Lex russica. 2015. № 7. С. 43–56.
10. **Игнатьева И. А.** Устойчивое развитие Арктической зоны Российской Федерации: проблемы правового обеспечения // Экологическое право. 2013. № 3. С. 20–26.

11. **Транин А. А.** Правовые проблемы экологического развития современной России: моногр. Ин-т государства и права РАН; отв. ред. М. М. Бринчук. М.: Юрлитинформ, 2015. 223 с.
12. **Бандорин Л. Е.** Проблемы охраны исконной среды обитания, окружающей среды и экологических прав коренных малочисленных народов // Экологическое право. 2007. № 5. С. 19–23.
13. Актуальные проблемы теории земельного права России: моногр. / Е. Н. Абанина, Н. Н. Аверьянова, А. П. Анисимов, Болтанова Е. С., Доржи-Горяева Э. В.; под общ. ред. А. П. Анисимова. М.: Юстицинформ, 2020. 800 с.
14. Доклад Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в Красноярском крае «О соблюдении конституционных прав и свобод коренных малочисленных народов в Красноярском крае в 2023 году». Красноярск, 2024. 199 с.
15. **Дерюгина Т. В., Чеговадзе Л. А.** О гражданско-правовых формах противоправности как условия возмещения вреда, причиненного в процессе хозяйственной деятельности // Хозяйство и право. 2023. № 1. С. 25–34.
16. **Гаранин И. И.** О механизмах компенсации и возмещения в российском гражданском праве // Цивилист. 2024. № 1. С. 30–36.
17. **Лисаченко А. В.** Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления: практика применения и научное осмысление // Российский юридический журнал. 2017. № 4. С. 116–122.
18. **Нам К. В.** Основания взыскания убытков, возникших вследствие нарушения договорных обязательств (сравнительно-правовой анализ) // Убытки и практика их возмещения: сб. статей; рук. авт. кол. и отв. ред. д-р юрид. наук М. А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 169–201.
19. **Бабин Б. В.** Право собственности народов в современном международном праве // Международное право и международные организации. 2013. № 3. С. 300–308.

### References

1. **Spiridonov D. V.** Modern Problems of the Implementation of Indigenous Peoples' Rights in the Sphere of Subsoil Use. *Subsoil Use in the 21st Century*, 2022, no. 4 (96), pp. 144–153. (in Russ.)
2. **Kryazhkov V. A.** Constitutional and Legal Statuses of Finno-Ugric Peoples in the Russian Federation. *Constitutional and Municipal Law*, 2015, no. 5, pp. 24–32. (in Russ.)
3. **Ronzhina O. V.** The Right of Indigenous Peoples to Land within the Territory of Traditional Residence (Land Ownership in the Light of the Circumpolar Theory). *Problems of Constitutional and Legal Regulation of the Status of Arctic Territories of the Russian Federation: Materials of the Round Table of the International Scientific and Practical Conference*, Krasnoyarsk, September 21–22, 2017. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Agrarian University, 2017, pp. 16–39. (in Russ.)
4. **Kondrashev A. A., Ronzhina O. V., Zenkina A. B.** Territories of Traditional Nature Use as a Special Territorial Unit in the System of Territorial Division of the North, Siberia, and the Far East of Russia. *Bulletin of the Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2018, vol. 11, no. 10, pp. 1572–1592. (in Russ.)
5. **Gogolev P. V., Mayakunov A. E.** Land as a Category of Constitutional-Legal Policy and Public Discourse in the Context of Traditional Nature Use by Indigenous Minorities of the North, Siberia, and the Far East. *State Power and Local Self-Government*, 2017, no. 10, pp. 13–19. (in Russ.)
6. **Andrichenko L. V.** Legal Status of National Minorities and Indigenous Minorities in the Russian Federation. Moscow, Gorodets publ., 2005, 304 p. (in Russ.)
7. **Sleptsov A. N.** Issues of Regulatory Consolidation of Ethnological Expertise in Places of Traditional Residence and Economic Activity of Indigenous Minorities of the North (Using Yakutia as an Example). *Lawyer*, 2017, no. 19, pp. 42–46. (in Russ.)

8. **Kharyuchi S. N.** Problems of Improving Russian Legislation in the Field of Indigenous Minorities' Rights. *Constitutional and Municipal Law*, 2009, no. 2, pp. 13–16. (in Russ.)
9. **Dudikov M. V.** Mining Law in the System of Legal Branches. *Lex Russica*, 2015, no. 7, pp. 43–56. (in Russ.)
10. **Ignatyeva I. A.** Sustainable Development of the Arctic Zone of the Russian Federation: Problems of Legal Support. *Environmental Law*, 2013, no. 3, pp. 20–26. (in Russ.)
11. **Tranin A. A.** Legal Problems of Environmental Development in Modern Russia: Monograph. Federal State Budgetary Scientific Institution, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Ed. by M. M. Brinchuk. Moscow, YurLitInform publ., 2015, 223 p. (in Russ.)
12. **Bandorin L. E.** Problems of Protection of the Indigenous Habitat, the Environment, and the Ecological Rights of Indigenous Minorities. *Environmental Law*, 2007, no. 5, pp. 19–23. (in Russ.)
13. Topical Issues of the Theory of Land Law in Russia: Monograph / E. N. Abanina, N. N. Averyanova, A. P. Anisimov, E. S. Boltanova, E. V. Dorzhi-Goryaeva; General Ed. by A. P. Anisimov. Moscow, Justitsinform publ., 2020, 800 p. (in Russ.)
14. Report of the Commissioner for the Rights of Indigenous Minorities in Krasnoyarsk Krai “On the Observance of Constitutional Rights and Freedoms of Indigenous Minorities in Krasnoyarsk Krai in 2023”. Krasnoyarsk, 2024, 199 p. (in Russ.)
15. **Deryugina T. V., Chegovadze L. A.** On Civil-Law Forms of Illegality as a Condition for Compensation of Damage Caused in the Course of Economic Activity. *Economy and Law*, 2023, no. 1, pp. 25–34. (in Russ.)
16. **Garanin I. I.** On Mechanisms of Compensation and Reimbursement in Russian Civil Law. *Civilist*, 2024, no. 1, pp. 30–36. (in Russ.)
17. **Lisachenko A. V.** Compensation for Damage Caused by Lawful Actions of State and Municipal Authorities: Practice of Application and Scientific Understanding. *Russian Law Journal*, 2017, no. 4, pp. 116–122. (in Russ.)
18. **Nam K. V.** Grounds for Recovery of Losses Arising from Breach of Contractual Obligations (Comparative Legal Analysis). In: *Losses and the Practice of Their Compensation: Collection of Articles*; Ed. and Chief Ed. Doctor of Law M. A. Rozhkova. Moscow, Statut publ., 2006, pp. 169–201. (in Russ.)
19. **Babin B. V.** Peoples' Property Rights in Modern International Law. *International Law and International Organizations*, 2013, no. 3, pp. 300–308. (in Russ.)

### Информация об авторе

**Папков Владимир Михайлович**, аспирант Сибирского федерального университета, адвокат

### Information about the Author

**Vladimir M. Papkov**, Postgraduate Student at Siberian Federal University, Department of Constitutional, Administrative, and Municipal Law, Advocate

*Статья поступила в редакцию 09.02.2025;*

*одобрена после рецензирования 10.03.2025; принята к публикации 21.03.2025*

*The article was submitted 09.02.2025;*

*approved after reviewing 10.03.2025; accepted for publication 21.03.2025*

Научная статья

УДК 347.19

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-21-28

## Прекращение юридических лиц: эволюция правовых оснований и динамика статистических данных

**Владимир Анатольевич Болдырев**

Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева, Северо-Западный филиал  
Санкт-Петербург, Россия

Новосибирский государственный университет  
Новосибирск, Россия

vabold@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1454-6886>

### Аннотация

В российском правовом порядке исключение организации из Единого государственного реестра юридических лиц по решению регистрирующего органа статистически преобладает над другими основаниями прекращения гражданской правосубъектности. Фактическими основаниями исключения из реестра являются преимущественно юридические составы, в которых пассивное поведение (бездействие) самой правосубъектной организации и ее кредиторов являются главными обстоятельствами. Наблюдается динамика позитивного права в данной области: теперь юридическое лицо может утратить гражданскую правосубъектность и по инициативе его учредителей – в результате активного поведения субъектов гражданского права. Анализ норм закона и официальных статистических данных приводит к выводу, что правила об исключении юридических лиц из реестра вкупе с гибкой правовой (регистрационной) политикой позволяют стабилизировать количество субъектов экономических отношений. Появление нормативной модели исключения юридических лиц из реестра является следствием сложных технико-экономических процессов: увеличения интенсивности гражданского оборота имущества, цифровизации общества и экономики.

### Ключевые слова

частное право, корпорация, юридическое лицо, ликвидация, исключение из реестра, правоприменительная деятельность, толкование права, предпринимательская деятельность, регистрирующий орган

### Для цитирования

Болдырев В. А. Прекращение юридических лиц: эволюция правовых оснований и динамика статистических данных // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 2. С. 21–28. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-21-28

## Termination of Legal Entities: Evolution of Legal Grounds and Dynamics of Statistical Data

**Vladimir A. Boldyrev**

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev  
Saint Petersburg, Russian Federation

Novosibirsk State University,  
Novosibirsk, Russian Federation

vabold@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1454-6886>

### Abstract

In the Russian legal order, the exclusion of an organization from the Unified State Register of Legal Entities by decision of the registration authority statistically prevails over other grounds for termination of civil legal capacity. The actual

© Болдырев В. А., 2025

grounds for exclusion from the register are mainly legal structures in which the passive behavior (inaction) of the legal entity itself and its creditors are the main circumstances. There is a dynamic of positive law in this area: now a legal entity can lose its civil legal capacity at the initiative of its founders – as a result of the active behavior of civil law entities. An analysis of the norms of the law and official statistics leads to the conclusion that the rules on the exclusion of legal entities from the register, coupled with a flexible legal (registration) policy, make it possible to stabilize the number of subjects of economic relations. The emergence of a normative model for the exclusion of legal entities from the register is a consequence of complex technical and economic processes: an increase in the intensity of civil property turnover, digitalization of society and the economy.

*Keywords*

private law, corporation, legal entity, liquidation, deregistration, law enforcement, interpretation of law, business, registration authority

*For citation*

Boldyrev V. A. Termination of legal entities: evolution of legal grounds and dynamics of statistical data // *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 2, pp. 21–28. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-21-28

Позитивное право и правоприменение должны строиться на реалистичных оценках массовых процессов, происходящих в социуме. Данный тезис справедлив для любой области правотворчества и сферы юридической практики. Правительство России планирует увеличить «продолжительность жизни» малого бизнеса с 9 до 13 лет<sup>1</sup>. Средняя продолжительность жизни малых и средних предприятий в Японии и европейских странах – 12 лет, в КНР – 3,7 года; в США 68 % предприятий закрываются в первые 5 лет, а десятилетний рубеж пересекают лишь 13 % [1, с. 190]. Известный ученый-когнитивист Даниэль Канеман отмечал, что в США вероятность выживания мелких предприятий в течение пяти лет составляет 35 %, а субъективно оценивается самими предпринимателями как составляющая 60 % [2, с. 262]. Это означает, что перспективы положительного хода дела – развития бизнеса, а не его упадка – завышаются организаторами бизнеса почти вдвое. Понятно, что субъективные оценки своих перспектив участниками гражданского оборота не могут быть основой при разработке норм гражданского законодательства и его «тонкой настройке» с учетом происходящих макроэкономических процессов. Разрабатывая систему оснований прекращения юридических лиц, государство должно принимать во внимание возможность переоценки своих организаторских и предпринимательских дарований гражданами, с одной стороны, а с другой – реальную неспособность большинства инициировать, провести и завершить желательную для гражданского оборота процедуру добровольной ликвидации юридического лица (п. 2 ст. 61 ГК РФ). Экономический инфантилизм обывателя становится основанием для правотворческого реализма законодателя.

На 1 января 2025 г. в Едином государственном реестре юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ, реестр) существуют записи о 3 232 477 действующих организаций<sup>2</sup>. Из них обществ с ограниченной ответственностью (далее – ООО) – 2 544 116, или 78,70 % от общего числа правосубъектных организаций. Если принять во внимание, что подавляющее большинство юридических лиц, прекращенных за предшествующий 2024 г., также имели организационно-правовую форму ООО (202 299 обществ из 224 215, или 90,22 % от общего числа прекращенных за год правосубъектных организаций), придем к выводу, что средний срок жизни корпорации составляет около десяти лет. Как видим, приведенная национальная статистика свидетельствует об экономико-правовых явлениях в государстве, характерных для развитых и активно развивающихся стран (см. таблицу).

<sup>1</sup> Злобин А. В правительстве пообещали увеличить «продолжительность жизни» малого бизнеса // *Forbes*. 2023. 23 октября. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/499039-v-pravitel-stve-poobesali-uvelicit-prodolzitel-nost-zizni-malogo-biznesa> (дата обращения: 18.03.2025).

<sup>2</sup> Сведения о работе по государственной регистрации юридических лиц по состоянию на 01.01.2025 – Отчет по форме № 1-ЮР (2024 год). URL: [https://www.nalog.gov.ru/rn77/related\\_activities/statistics\\_and\\_analytics/forms/14414858/](https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/14414858/) (дата обращения: 18.03.2025).

## Юридические лица, прекращенные в отчетных периодах в связи с исключением юридического лица из ЕГРЮЛ

| Год  | Юрид. лица в ЕГРЮЛ на начало след. года | Прекращено юрид. лиц по всем основаниям | Исключено из ЕГРЮЛ |                         |                                                                                           |                                               |
|------|-----------------------------------------|-----------------------------------------|--------------------|-------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------------------|
|      |                                         |                                         | по всем основаниям | недействующих юрид. лиц | в связи с наличием в ЕГРЮЛ сведений, в отношении которых внесена запись о недостоверности | в связи с решением всех участников юрид. лица |
| 2024 | 3 232 477 ↑                             | 224 215 ↓                               | 174 423 ↓          | 49 417 ↑                | 101 124 ↓                                                                                 | 23 850                                        |
| 2023 | 3 216 790 ↑                             | 276 461 ↓                               | 211 068 ↓          | 36 630 ↓                | 173 029 ↓                                                                                 | –                                             |
| 2022 | 3 197 542 ↓                             | 309 051 ↓                               | 240 169 ↓          | 63 302 ↓                | 176 808 ↓                                                                                 | –                                             |
| 2021 | 3 436 556                               | 405 578                                 | 330 368            | 98 414                  | 231 946                                                                                   | –                                             |

Примечание. Знаками «↑» и «↓» помечены периоды роста и падения показателя по отношению к предыдущему периоду.

А. В. Габов производит научную систематизацию восьми существующих к настоящему времени оснований исключения юридического лица из реестра – делит их на две группы: (а) «случаи административного прекращения юридического лица, т. е. когда инициатива исключения исходит от государственного регистрирующего органа и основанием для такой инициативы является нарушение юридическим лицом установленных нормативных требований»; (б) «случаи добровольного (не административного) прекращения юридического лица, т. е. когда инициатива исходит от самого юридического лица» [3, с. 59]. Из таблицы мы видим, что исключение из реестра юридических лиц как одно из главных направлений прекращения правосубъектности организации происходит по трем статистически значимым основаниям. Из 174 423 организаций, исключенных в 2024 г. из ЕГРЮЛ по решению налогового органа: имеющие записи о недостоверности в реестре – 101 124 (57,97 % от числа исключенных), недействующие – 49 417 (28,33 % от числа исключенных), в связи с решением участников – 23 850 (13,67 % от числа исключенных).

Как воздействует на стабильность гражданского оборота и дисциплину его участников использование регистрирующими органами полномочия исключать записи о юридических лицах из реестра? Ответ на данный вопрос не так прост. Напомним неумолимую экономическую статистику, согласно которой большая часть бизнес-субъектов прекращает свою работу в первые годы после создания даже в экономически развитых странах. Значит, если не мыслить в парадигме тотального недоверия, можно сделать вывод, что прекращение правосубъектности юридического лица на основании решения регистрирующего органа – весьма гуманный порядок, позволяющий налоговым органам сконцентрироваться на налоговых проверках тех участников гражданского оборота, которые могут и должны заплатить налоги.

Такой «предохранительный» клапан в машине публичной власти, как возможность исключать юридические лица из реестра самостоятельно в ходе деятельности, регулируемой административным [4,

р. 1552] (административно-процессуальным) [5, р. 30] правом, позволяет снизить нагрузку на арбитражные суды, рассматривающие дела о несостоятельности. Анализ показывает, что высокая нагрузка на судей предопределяет низкое качество рассмотрения любых дел, в том числе и дел о банкротстве. Значит, если часть юридических лиц, пусть даже и имеющих реальные долги перед бюджетом или участниками гражданского оборота, смогут уйти из системы экономических связей в упрощенном порядке – через процедуру административного прекращения, говорить о том, что экономика и гражданский оборот существенно пострадали от действия норм соответствующего правового субинститута, было бы неправильно. Гораздо более серьезный ущерб может наступить от правосудия и фискальной деятельности налоговых органов, если они низкого качества. Неважно, будут ли они следствием злоупотреблений или высокой нагрузки.

Тем не менее существующее положение дел не может рассматриваться как норма, во всяком случае – для тех ситуаций, когда бывшие участники юридических лиц, исключенных из реестров, обращаются в налоговые органы с новыми заявлениями о регистрации.

Для частного права как системы норм, призванных гарантировать стабильность гражданского оборота, в результате использования регистрирующим органом полномочия исключать юридические лица из реестра наступают негативные последствия. Прежде всего страдает престиж закона, поскольку он сам своим содержанием позволяет на системной основе уходить от исполнения гражданско-правовых и налоговых обязательств. Ставится под удар идея корпоративной дисциплины, частью которой является надлежащая коммуникация с государством по ключевым вопросам статуса корпораций, связанным с учреждением, реорганизацией и ликвидацией правосубъектных организаций.

Мы видим рост случаев исключения из реестра недействующих юридических лиц: в 2023 г. – 36 640 организаций, в 2024 г. – 49 417 организаций (рост на 34,87 %). Основания для прекращения недействующих юридических лиц являются достаточно строгими: исключение из реестра производится, если в течение последних двенадцати месяцев организация не представляла налоговой отчетности и не осуществляло операций хотя бы по одному банковскому счету. Впрочем, налоговые органы принимали соответствующие решения, когда были основания для исключения юридических лиц, далеко не всегда: «Учитывая, что закон не указывает, как указанные признаки фиксируются (документируются), принятие такого решения остается в настоящее время полностью на усмотрение регистрирующего органа, что подтверждается и выводами из судебной практики» [6, с. 160].

Полагаем, строгость следования букве закона для регистрирующих органов зависит от того, какие задачи считаются приоритетными на тот или иной период времени. Профессор А. В. Габов сообщает об эволюции института исключения юридических лиц из реестра в зависимости от официально декларируемых целей: если первоначально государством решалась задача очистки ЕГРЮЛ от недействующих юридических лиц, то потом оказалось, что «цели и смыслы института исключения юридического лица из ЕГРЮЛ (административного прекращения юридического лица) заключаются в обеспечении достоверности сведений, содержащихся в ЕГРЮЛ (в том числе о прекращении деятельности юридического лица), доверия к этим сведениям со стороны третьих лиц, предотвращении недобросовестного использования фактически недействующих юридических лиц и тем самым – обеспечении стабильности гражданского оборота» [7, с. 208].

Эволюция института исключения юридических лиц из реестра явила правоприменителю «резиновое» основание – оно названо в подп. «б» п. 5 ст. 21.1 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»<sup>3</sup> (далее – Закон о регистрации): юридическое лицо исключается из реестра, если в ЕГРЮЛ находится запись о недостоверности сведений, касающихся организации.

<sup>3</sup> Собрание законодательства РФ. 2001. № 33. Ч. I, ст. 3431.

Запись о недостоверности вносится в реестр, если это касается адреса юридического лица, данных об участниках или лице, выполняющем функции единоличного исполнительного органа (п. 6 ст. 11 Закона о регистрации); если в реестре находятся иные недостоверные данные, негативных последствий закон не устанавливает [8, с. 214]. Как можно понять, что юридическое лицо не находится по тому или иному адресу – большой вопрос. На практике [9, с. 27] проверяется наличие рабочего кабинета и работников<sup>4</sup>. Но главное не в этом: простор открывающегося сегодня административного усмотрения для сотрудников регистрирующих органов оказывается настолько широким, что запись о недействующем юридическом лице может быть внесена, при желании, о любой правосубъектной организации, тем более, если лица, ее контролирующие, того желают и действуют для достижения искомого эффекта – исключения из реестра.

На новом этапе эволюции института исключения юридических лиц из реестра государством была «дарована» участникам возможность использования упрощенного порядка прекращения юридического лица. По этому основанию<sup>5</sup>, предусмотренному статьей 21.3 Закона о регистрации (действующей с 1 июля 2023 г.), в 2024 г. прекращено 23 850 организаций. Соответствующие нормы предусматривают основание и порядок исключения юридического лица из ЕГРЮЛ в связи с решением учредителей (участников) о прекращении деятельности такого юридического лица. Они входят в число организаций, прекращенных по всем основаниям в представленной таблице (224 215). Новое основание исключения из ЕГРЮЛ применяется только к юридическим лицам, занесенным в соответствии с законом<sup>6</sup> в реестр субъектов малого или среднего бизнеса<sup>7</sup>, если они не являются плательщиками налога на добавленную стоимость, не имеют в собственности недвижимость или транспортные средства, между всеми участниками соответствующей корпорации имеется согласие по вопросу о прекращении юридического лица и расчеты с кредиторами завершены. Если кредиторы все же существуют, они могут обратиться в регистрирующий орган с возражениями, приложив подтверждающие долг документы, в срок, не позднее чем три месяца со дня опубликования решения о предстоящем исключении – в этом случае в исключении из ЕГРЮЛ регистрирующий орган отказывает. Новое основание исключения юридических лиц из реестра является свидетельством «неудовлетворительного состояния законодательства о ликвидации, которое не исправила даже реформа гражданского законодательства» [3, с. 68].

Мы видим, что на протяжении 2021–2024 гг. наблюдалось стабильное снижение количества прекращенных юридических лиц (405 578 → 309 051 → 276 461 → 224 215), а также стабильное снижение числа юридических лиц, исключенных из реестра (330 368 → 240 169 → → 211 068 → 174 423). Как получилось, что в 2024 г. количество прекращенных юридических лиц уменьшилось, если число недействующих лиц выросло, а кроме того, исключение из реестра стало происходить по инициативе самих участников гражданского оборота? Ответ на поставленный вопрос будет таким. Наблюдается существенное снижение числа юридических лиц, прекращенных по такому основанию, как наличие в ЕГРЮЛ сведений, относительно которых внесена запись о недостоверности: если за 2023 г. количество исключенных юридических лиц было 173 029, то в 2024 г. – 101 124 (падение на 41,55 %). Мы интерпрети-

<sup>4</sup> В научных исследованиях, содержащих анализ регистрационной практики, даже высказывается предложение о законодательном введении опции электронного (цифрового) адреса юридического лица [8, с. 228].

<sup>5</sup> Федеральный закон от 13.06.2023 № 249-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей”» и статью 3 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 25, ст. 4438.

<sup>6</sup> Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31, ст. 4006.

<sup>7</sup> URL: <https://rmsp.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 18.03.2025).

руем происшедшие изменения следующим образом: наблюдая тенденцию к снижению числа юридических лиц, регистрирующие органы реже используют свои полномочия на исключение организации из реестра по «резиновому» основанию, связанному с наличием в ЕГРЮЛ недостоверных сведений. Тем самым реализуется политика поддержания в рамках национального правового порядка количества правосубъектных организаций, за которым налоговые органы могут эффективно вести надзор.

Число юридических лиц, чья правосубъектность прекращается не в порядке ликвидации, а в упрощенном порядке – в связи с исключением из реестра – неуклонно падает, как и общее число прекращенных юридических лиц по всем основаниям. Думается, это свидетельствует о том, что регистрирующим органам удалось добиться положительной динамики на пути к наведению порядка в ЕГРЮЛ, при котором все юридические лица были бы организациями, участвующими в хозяйственной деятельности, готовыми должным образом коммуницировать с органами публичной власти и контрагентами, даже если они приостановили активную экономическую деятельность [10, с. 6].

Прежде участники (учредители), не имея возможности проявить инициативу об исключении юридического лица из реестра, бросали его на произвол судьбы, а налоговый орган был вынужден делать работу за учредителей, избегающих сложной процедуры добровольной ликвидации юридических лиц. Если ранее А. В. Габовым формулировался вопрос, не является ли процедура распределения имущества, оставшегося после административного прекращения юридического лица из реестра, «квазиликвидацией» [11, с. 140], с появлением в законе возможности исключения юридического лица по инициативе его учредителей автор говорит о соответствующем явлении, уверенно пользуясь этой категорией [3, с. 49].

Сказанное о статистике и правовой основе исключения юридических лиц из ЕГРЮЛ приводит нас к следующим выводам.

1. В основании существующей системы норм об исключении юридических лиц из реестра лежит подход, характерный для юридического реализма. Правила об исключении юридических лиц из ЕГРЮЛ вкупе с гибкой правовой (регистрационной) политикой [12, с. 42] позволяют стабилизировать число субъектов экономических отношений.

2. Фактическими основаниями исключения из реестра являются преимущественно юридические составы, в которых пассивное поведение (бездействие) самой правосубъектной организации и ее кредиторов является принципиально важным, сущностным обстоятельством. В то же время наблюдается динамика позитивного права: теперь юридическое лицо может утратить гражданскую правосубъектность и по инициативе его учредителей – в результате активного поведения субъектов гражданского права.

3. Идея упрощенного порядка исключения организации из реестра оказалась востребованной. То, что она была развита в новом направлении – для совершения регистрационных действий по инициативе участников юридического лица – не что иное, как ситуативное использование наработок законодателя последних лет. На самом высоком уровне мы видим, что идея пассивного отношения к защите своих законных интересов как к основанию утраты права на их защиту, выработанная цивилистикой для обоснования исковой давности, получает новые воплощения. Социум не может терпеть расхода любого типа энергии, в том числе ментальной энергии (внимания должностных лиц органов публичной власти и работников контрагентов) на субъектов, делающих гражданский оборот менее динамичным и необоснованно запутанным.

4. Исключение юридических лиц из реестра является частью сложных технико-экономических процессов: увеличения интенсивности гражданского оборота имущества, цифровизации общества и экономики. Поиск причин изменения закона нужно искать в меняющейся техносреде: увеличении числа функционирующих реестров и иных источников информации о фактах хозяйственной жизни юридических лиц, которые гораздо проще использовать. Без них

было невозможно ни обнаружить недействующие юридические лица, ни учесть накопленные данные о фактах несоответствия реестра реальной жизни.

5. Полагаем, что от принятия нового закона, определяющего систему оснований прекращения юридических лиц, целесообразно воздержаться. Причина проста: стремление постоянно «совершенствовать» закон приводит к тому, что социальная система не может стабилизироваться и войти в режим саморегулирования. Стремление к формальному совершенству позитивного права, его точности и непротиворечивости норм, слепое следование тропой юридического позитивизма способны разрушить сложившиеся реальные экономические отношения.

### Список литературы

1. **Худояров Р., Низаметдинов А.** Малый и средний бизнес в условиях глобализации мировой экономики // Центральноазиатский журнал образования и инноваций. 2023. Т. 2, № 6–2. С. 188–193. <https://doi.org/10.5281/zenodo.8026041>
2. **Канеман Д.** Думай медленно... решай быстро [пер. с англ.]. М.: АСТ, 2021. 653 с.
3. **Габов А. В.** Исключение юридического лица из ЕГРЮЛ как способ прекращения юридического лица: концептуальные проблемы // Тр. Института государства и права Российской академии наук. 2023. Т. 18, № 6. С. 49–74. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2023-18-6-gabov>
4. **Opyhtina E. G, Serkova J. A, Khabibullina A. S.** Some problems of the legislation on termination of legal entities in russia // Revista QUID. 2017. Special Issue. P. 1548–1553.
5. **Bolgar O., Kovbas I.** State registration in the mechanism of administrative and legal regulation // Baltic Journal of Economic Studies. 2022. Vol. 8. No. 2. P. 29–35. <https://doi.org/10.30525/2256-0742/2022-8-2-29-35>
6. **Габов А. В.** Процедуры исключения юридического лица из ЕГРЮЛ // Пермский юридический альманах. 2024. № 7. С. 153–177.
7. **Габов А. В.** Исключение юридического лица из Единого государственного реестра юридических лиц: случаи использования, порядок и последствия // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 2. С. 204–230. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(2\).204-230](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(2).204-230)
8. **Габов А. В.** Ошибки в сведениях (данных), составляющих Единый государственный реестр юридических лиц: виды и способы устранения // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 2. С. 209–230. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5\(2\).209-230](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5(2).209-230)
9. **Шабанова И. Н.** Комплаенс-эффект налоговых проверок // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16, № 4. С. 24–28. <https://doi.org/10.25205/2542-0410-2020-16-4-24-28>
10. **Болдырев В. А., Горбунов Д. В.** Прекращение трудовых договоров в случае приостановления экономической деятельности организации: учеб. пособие. М.: Юстицинформ, 2024. 108 с.
11. **Габов А. В.** Распределение обнаруженного имущества прекращенного юридического лица // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 4. С. 124–145. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2023-4-124-145>
12. **Болдырев В. А., Бодункова С. А.** Прекращение юридических лиц и правовая политика: от анализа данных к прогнозированию последствий // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 2. С. 42–54. <https://doi.org/10.61205/jrp.2024.2.1>

### References

1. **Khudoyarov R. T., Nizametdinov A. A.** Small and medium business in the conditions of globalization of the world economy. *Central Asian Journal of Education and Innovation*, 2023, vol. 2, iss. 6, part 2, pp. 188–193. (in Russ.) <https://doi.org/10.5281/zenodo.8026041>

2. **Kahneman D.** Thinking, Fast and Slow [translated from English]. Moscow: AST publ., 2021, 653 p. (in Russ.)
3. **Gabov A. V.** Exclusion of a Legal Entity from the Unified State Register of Legal Entities as a Way to Terminate a Legal Entity: Conceptual Problems. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2023, vol. 18, no. 6, pp. 49–74. (in Russ.). <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2023-18-6-gabov>
4. **Opyhtina E. G., Serkova J. A., Khabibullina A. S.** Some problems of the legislation on termination of legal entities in Russia. *Revista QUID*, 2017, Special Issue, pp. 1548–1553.
5. **Bolgar O., Kovbas I.** State registration in the mechanism of administrative and legal regulation. *Baltic Journal of Economic Studies*, 2022, vol. 8, no. 2, pp. 29–35. <https://doi.org/10.30525/2256-0742/2022-8-2-29-35>
6. **Gabov A. V.** The procedure for excluding a legal entity from the unified state register of legal entities. *Perm Law Almanac*, 2024, no. 7, pp. 153–177.
7. **Gabov A. V.** Exclusion of a legal entity from the Unified State Register of Legal Entities: cases of use, procedure and consequences. *Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 204–230. (In Russ.). [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(2\).204-230](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(2).204-230)
8. **Gabov A. V.** Errors in the information (data) contained in the Unified State Register of Legal Entities: types and methods of elimination. *Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 2, pp. 209–230. (in Russ.). [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5\(2\).209-230](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5(2).209-230)
9. **Shabanova I. N.** Compliance effect of tax audits. *Legal Science and Practice*, 2020, vol. 16, no. 4, pp. 24–28 (in Russ.). <https://doi.org/10.25205/2542-0410-2020-16-4-24-28>
10. **Boldyrev V. A., Gorbunov D. V.** Termination of employment contracts in case of suspension of the economic activity of the organization: study guide. Moscow, Yustitsinform publ., 2024, 108 p. (in Russ.).
11. **Gabov A. V.** Distribution of discovered property of a discontinued legal entity. *Legal Policy and Legal Life*, 2023, no 4, pp. 124–145 (in Russ.). <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2023-4-124-145>
12. **Boldyrev V. A., Bodunkova S. A.** Termination of Legal Entities and Legal Policy: From Data Analysis to Prediction of Consequences. *Journal of Russian Law*, 2024, vol. 28, no. 2, pp. 42–54. (in Russ.) <https://doi.org/10.61205/jrp.2024.2.1>

### Информация об авторе

**Болдырев Владимир Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики экономического факультета Новосибирского государственного университета SPIN 6155-1648

### Information about the Author

**Vladimir A. Boldyrev**, Doctor of Law, Associate Professor; Professor of the Department of Civil Law of the North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Professor of the Department of Legal Support of Market Economy of the Faculty of Economics of Novosibirsk State University SPIN 6155-1648

*Статья поступила в редакцию 25.02.2025;*

*одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 21.03.2025*

*The article was submitted 25.02.2025;*

*approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 21.03.2025*

Научная статья

УДК 346.7

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-29-35

## Деофшоризация как экономико-правовая категория

**Валерий Николаевич Лисица<sup>1</sup>**  
**Рената Ринатовна Байжуменова<sup>2</sup>**  
**Екатерина Алексеевна Булгакова<sup>2</sup>**

<sup>1</sup>Институт государства и права РАН  
Москва, Россия

<sup>2</sup>Новосибирский государственный университет  
Новосибирск, Россия

lissitsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2334-5496>  
r.baizhumenova1@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0634-8614>  
e.bulgakova3@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3403-7732>

### Аннотация

В статье рассмотрено понятие деофшоризации с позиции разных отраслевых наук. Если с экономической точки зрения акцент сделан на снижении роли офшорного фактора в российском бизнесе посредством уменьшения количества используемых офшоров или снижения в количественном значении оттока капитала, то с юридической точки зрения – это комплекс мер по государственному регулированию экономики, направленных на ограничение (прекращение) оттока капитала в офшорные юрисдикции. Обосновывается, что они должны осуществляться с использованием не только обязывающих и запретительных, но и стимулирующих правовых средств, содействующих развитию отечественных инвестиций, причем как внутренних, так и иностранных, осуществляемых российскими лицами. Отсутствие единого легального определения, неясность в содержании и юридическом значении подлежащих применению правовых средств не позволяют реализовать потенциал деофшоризации в полном объеме.

### Ключевые слова

деофшоризация, амнистия капитала, офшорные юрисдикции, государственное регулирование, предпринимательская деятельность, редомициляция, налоговая политика, экономическая безопасность

### Для цитирования

Лисица В. Н., Байжуменова Р. Р., Булгакова Е. А. Деофшоризация как экономико-правовая категория // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 2. С. 29–35. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-29-35

## Deoffshorization as an Economic and Legal Category

Valeriy N. Lisitsa<sup>1</sup>, Renata R. Baizhumenova<sup>2</sup>  
Ekaterina A. Bulgakova<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences  
Moscow, Russian Federation

<sup>2</sup>Novosibirsk State University  
Novosibirsk, Russian Federation

lisitsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2334-5496>  
r.baizhumenova1@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0634-8614>  
e.bulgakova3@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3403-7732>

### Abstract

The article examines the concept of deoffshorization from the perspective of various sciences. From an economic point of view, the emphasis is made on reducing the role of the offshore factor in Russian business by decreasing the number of offshore companies used or the quantitative value of capital outflow. From a legal point of view, that is a set of measures for state regulation of the economy, which is aimed at limiting (stopping) capital outflow to offshore jurisdictions. It is argued that they should be implemented using not only binding and prohibitive, but also stimulating legal means that promote domestic investments, both internal and external, carried out by Russian individuals and legal entities. The lack of a unified legal definition, ambiguity in the content and legal meaning of the legal means to be applied do not allow the full potential of deoffshorization to be realized.

### Keywords

deoffshorization, amnesty of capital, offshore jurisdictions, state regulation, business activity, redomicile, tax policy, economic security

### For citation

Lisitsa V. N., Baizhumenova R. R., Bulgakova E. A. Deoffshorization as an Economic and Legal Category. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 2, pp. 29–35. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-29-35

Офшоризация экономики, сопровождаемая ростом «отмывания» денег и оттоком значительных финансовых средств из России, представляет серьезную угрозу национальной экономической безопасности. Нехватка капитала внутри страны негативно влияет на социально-экономическое развитие государства, а непосредственный вывоз капитала оказывает дестабилизирующее воздействие на национальную экономику. В этой связи уже в первом десятилетии XXI в. Россия столкнулась с необходимостью принятия мер государственного регулирования в части ограничения бегства капитала [1, с. 4].

На государственном уровне понятие деофшоризации впервые прозвучало в 2012 г. в Послании Федеральному Собранию РФ, где Президент РФ подчеркнул офшорный характер российской экономики, в связи с чем поставил целью разработать систему мер по деофшоризации<sup>1</sup>. В 2023 г. он также затронул рассматриваемый вопрос и поручил подготовить дополнительные меры, способствующие ускорению процесса деофшоризации, обеспечив осуществление экономической деятельности в ключевых отраслях в российской юрисдикции<sup>2</sup>.

Следует констатировать, что легальное определение деофшоризации до сих пор отсутствует. Вместе с тем оно продолжает использоваться в официальных документах в качестве общеизвестного и зачастую рассматривается как инструмент совершенствования налоговой политики в контексте противодействия уклонению от налогообложения с использованием низ-

<sup>1</sup> Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 г. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_138990/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/) (дата обращения: 20.02.2025).

<sup>2</sup> Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_440178/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440178/) (дата обращения: 20.02.2025).

коналоговых юрисдикций<sup>3</sup>, комплекс мероприятий по «амнистии капитала» и отдельных мер в специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края<sup>4</sup>.

В отличие от законодательства, определение и выявление сущности данному понятию можно найти в литературе, в том числе и в экономической, которое трактуется по-разному и не всегда коррелирует с юридической терминологией. Так, к примеру, под ней предлагается понимать процесс снижения роли офшорного фактора в российском бизнесе, включая уменьшение количества офшоров, используемых российским бизнесом, и снижение в количественном и стоимостном выражении товарных и денежных потоков, проходящих из России и в Россию через офшоры [2].

С одной стороны, деофшоризация может рассматриваться как борьба с офшорами или ужесточение контроля за операциями в офшорных зонах, а с другой – как облегчение условий для ведения бизнеса и как фактор развития национальной экономики. При этом данные подходы не противоречат пониманию деофшоризации как государственной политики, направленной на совершенствование налоговой, законодательной, правоприменительной и информационной сфер деятельности субъектов хозяйствования в целях снижения бегства капитала и его репатриации [3, с. 46].

С юридической точки зрения деофшоризация представляет собой комплекс предпринимаемых государством мер по регулированию предпринимательской деятельности, которое относится к сфере действия предпринимательского права [4, с. 556–581]. При этом экономические цели проведения данных мер в целом понятны, но формулируются несколько по-разному, затрагивая те или иные аспекты деофшоризации.

В частности, это могут быть повышение прозрачности финансовой деятельности хозяйственных обществ, перемещение под юрисдикцию российского государства экономических операций и процессов управления активами и российскими предприятиями, противодействие уклонению от налогообложения в Российской Федерации с помощью офшорных компаний и повышение привлекательности российской экономики [5, с. 101], снижение или исключение впоследствии вовлеченности в национальный хозяйственный оборот резидентов под видом иностранных лиц или с использованием иностранных правовых конструкций, преследующих преимущественно незаконные или недобросовестные цели [6], противодействие избежанию и уклонению от уплаты налогов посредством использования иностранных юрисдикций, повышение эффективности контроля за зарубежными активами российских резидентов, создание условий для репатриации в Россию финансовых активов, минимизация или предотвращение иных негативных последствий недобросовестной налоговой конкуренции» [7, с. 34], предотвращение возможности уклонения от уплаты налогов при использовании офшорных юрисдикций, возвращение (репатриация) активов, ранее перемещенных за пределы Российской Федерации, в российскую юрисдикцию, обеспечение привлекательности использования национальной валюты России для накопления и сохранения капитала [8, с. 43] и т. д.

Как видно, деофшоризация касается не только борьбы с налоговыми правонарушениями и уклонениями от уплаты налогов, но и создания благоприятных условий для внутренних инвестиций, развития национальной экономики и повышения ее конкурентоспособности. Однако в настоящее время основным механизмом деофшоризации, применяемой в РФ, является лишь процедура амнистии капитала, известная своей масштабной периодизацией, которая прово-

<sup>3</sup> Основные направления налоговой политики на 2015 год и плановый период 2016 и 2017 годов: одобрены Правительством РФ 01.07.2014. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_126727](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126727) (дата обращения: 20.02.2025).

<sup>4</sup> Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов: утв. Минфином России. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_486923/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_486923/) (дата обращения: 20.02.2025).

дилась в соответствии с Федеральным законом от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»<sup>5</sup> и другими нормативными правовыми актами, принятыми в различные периоды времени. Считается, что на сегодняшний день было проведено шесть этапов амнистии капитала, начиная с 1993 г. [9, с. 49].

В последние годы стали предлагаться разные законопроекты, предусматривающие проведение деофшоризации в целом. Так, один из них (законопроект № 281874-8)<sup>6</sup>, внесенный в 2023 г., содержал ряд мер радикального характера, предусматривающих, в частности, что все активы, принадлежащие офшорным юридическим лицам и находящиеся на территории РФ, должны передаваться под управление федеральному органу исполнительной власти, уполномоченному Правительством РФ. При этом собственники офшоров имеют право на перерегистрацию своих долей в российских компаниях в течение 6 месяцев, в противном случае их активы подлежат конфискации в собственность РФ как бесхозное имущество. Такие меры в законопроекте справедливо вызвали большие опасения у экспертов, которые посчитали новый законопроект излишним и подверженным риску рейдерства. Действительно, предложенный способ решения проблем с офшорами является крайне радикальным и в случае его принятия он только уменьшил бы привлекательность российской экономики и ускорил еще больший отток финансовых активов за рубеж. В итоге представленный законопроект был отклонен в связи с противоречиями Конституции РФ и ст. 235 ГК РФ, которая закрепляет основания прекращения права собственности.

Несмотря на столь острую проблему «офшоризации экономики», представляется важным продолжить искать баланс между защитой национальных интересов государства, свободой экономической деятельности и поддержкой предпринимательства. Вместо жестких мер стоит рассмотреть альтернативные подходы по косвенному регулированию экономики путем стимулирования – создания более благоприятных условий для бизнеса внутри страны и установления иных мер, побуждающих субъектов предпринимательской деятельности переводить активы из офшоров обратно в Россию [10, с. 29; 11, с. 43–61].

Так, к примеру, в 2018 г. были созданы специальные административные районы в Калининградской области и Приморском крае (на о. Октябрьский и о. Русский соответственно) для привлечения капитала российских и иностранных инвесторов<sup>7</sup>. Возвращение в Россию зарубежных активов с использованием данных территорий возможно посредством редомициляции иностранных юридических лиц на основании ст. 11 Федерального закона от 03 августа 2018 г. № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах»<sup>8</sup>, которая представляет собой изменение их личного закона.

Если до 2022 г. правовой режим на территории специальных административных районов не пользовался особой популярностью (было зарегистрировано лишь 68 участников), то на сегодняшний день резидентами являются 426 международных компаний, 2 международных об-

<sup>5</sup> См.: Федеральный закон от 08 июня 2015 г. № 140-ФЗ (ред. от 09.03.2022) «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 24. Ст. 3367.

<sup>6</sup> Законопроект «О деофшоризации» № 281874-8 от 23 января 2023 г. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/281874-8>. (дата обращения: 20.02.2025).

<sup>7</sup> См.: Федеральный закон от 03 августа 2018 г. № 291-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5084.

<sup>8</sup> См.: Федеральный закон от 03 августа 2018 г. № 290-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О международных компаниях и международных фондах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5083.

щественно полезных фонда и 6 международных личных фондов. На о. Русский зарегистрировано 102 участника, из которых только в 2024 г. переехало 38 новых участников<sup>9</sup>.

Вместе с тем, как отмечается в литературе, существует ряд сложностей по использованию редомициляции, которые заключаются в отсутствии уверенности в стабильности условий, предусмотренных действующим законодательством РФ. Для их устранения необходимо разработать и законодательно закрепить механизм правовых гарантий неизменности условий деятельности иностранных компаний, редомицилированных в РФ, что следует признать первоочередной задачей в рассматриваемой сфере [12, с. 15].

Очевидно, что для привлечения иностранных компаний в российскую юрисдикцию правовой режим на территории специальных административных районов должен давать ряд преимуществ в виде налоговых или административных льгот. Однако на таких территориях действуют более строгие критерии для предоставления льгот, чем в иностранных офшорных зонах, что не может не сказаться на желании международных компаний переходить под влияние российской юрисдикции и, как следствие, на темпы деофшоризации и привлечения капитала [13, с. 598].

Представляется, что правовой режим предпринимательства в специальных административных районах может быть улучшен путем комплексного подхода, который включает в себя корректировку законодательной базы для стимулирования инвестиционной деятельности, устранение административных барьеров и снижение издержек при переходе в специальный режим, обеспечение необходимой инфраструктуры и смягчение правовых требований с учетом международных стандартов. Эти меры могут превратить не в полной мере достигший своих целей специальный режим предпринимательской деятельности в эффективный механизм государственного регулирования, способствуя улучшению инвестиционного климата и уменьшению оттока капитала за рубеж. Реализация этих мер позволит изменить баланс риска и доходности для инвесторов, обеспечивая комфортную инвестиционную среду без ущерба для бюджетов всех уровней в РФ.

Таким образом, деофшоризация как комплекс мер по государственному регулированию экономики, направленных на ограничение (прекращение) оттока капитала в офшорные юрисдикции, должна предусматривать использование не только обязывающих и запретительных, но и стимулирующих правовых средств, содействующих развитию отечественных инвестиций, причем как внутренних, так и зарубежных, осуществляемых российскими лицами.

### Список литературы

1. Кошель Ю. Г. Бегство капитала как фактор дестабилизации национальной экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2009. 26 с.
2. Глазьев С. Ю., Стариков Н. В. и др. Деофшоризация российской экономики. Пути и меры. Экспертный доклад. URL: <http://sysanalys.ru/index.php/publikacii/deofshorizacia> (дата обращения: 20.02.2025).
3. Ярыгина И. З. Деофшоризация: проблемы и решение // Экономика. Налоги. Право. 2016. № 2. С. 43–50.
4. Предпринимательское право Российской Федерации: в 2 т.; отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. Т. 1. 808 с.
5. 101 термин налогового права: крат. законодат. и доктринальное толкование / Н. Н. Балюк, В. В. Замулко, А. В. Красюков и др.; рук. авт. кол. Н. А. Соловьева. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 452 с.

<sup>9</sup> Илья Торосов: на сегодня 434 участника воспользовались режимом CAP. URL: <https://economy.gov.ru/material/news/> (дата обращения: 20.02.2025).

6. **Захаров А. С.** Деофшоризация: российский контекст // *LegalInsight*. 2013. № 5 (21). URL: <https://www.dissercat.com/content> (дата обращения: 20.02.2025).
7. **Шахмаметьев А. А.** Инструменты деофшоризации Российской экономики // *Налоги и налогообложение*. 2018. № 3. С. 33–51.
8. **Кондукторов А. С.** Деофшоризация финансовой системы Российской Федерации: понятие, цели, актуальные направления реализации // *Актуальные проблемы российского права*. 2023. № 6 (151). С. 37–51.
9. **Лисица В. Н., Зыкова О. А.** Амнистия капитала в России: от постсоветского периода до эпохи цифровой экономики // *Юридическая наука и практика*. 2023. № 4. С. 42–52.
10. **Лапина С. Б.** Деофшоризация российской экономики: сущность и способы противодействия // *Вестник Академии экономической безопасности МВД России*. 2015. № 1. С. 26–30.
11. **Лисица В. Н.** Принципы международного инвестиционного права. Новосибирск: НГУ, 2009. 246 с.
12. **Кондукторов А. С.** Редомициляция в Россию: исследование правовых и психологических мотиваций // *Lex Russica*. 2021. № 9 (178). С. 9–20.
13. **Левит Д. Д.** Специальные административные районы как способ привлечения инвестиций и поддержки предпринимателей в условиях международных санкций // *Вопросы российской юстиции*. 2022. № 18. С. 596–603.

### References

1. **Koshel U. G.** Capital flight as a factor of destabilization of national economy: autorep. dis. ... kand. econ. sciences. M., 2009, 26 p. (in Russ.).
2. **Glaziev S. Y., Starikov N. V.** et al. Deoffshoring of the Russian economy. Ways and measures. Expert report. URL: <http://sysanalys.ru/index.php/publikacii/deofshorizacia> (date of access: 20.02.2025). (in Russ.).
3. **Yarygiina I. Z.** Deoffshoring: problems and solutions. *Economy. Taxes. Law*, 2016, no. 2, pp. 43–50. (in Russ.).
4. **Gubin Y. P., Lakhno P. G.** (ed.) Business law of the Russian Federation. Moscow, Norma, INFRA-M, 2024, vol. 1, 808 p. (in Russ.).
5. 101 terms of tax law: brief legislative and doctrinal interpretation / N. N. Balyuk, V. V. Zamulko, A. V. Krasnyukov et al.; head of the authors' team N. A. Solovyova. Moscow, Infotropic Media, 2015, 452 p. (in Russ.).
6. **Zakharov A. S.** Deofshorization: Russian context. *LegalInsight*, 2013, no. 5 (21). URL: <https://www.dissercat.com/content> (date of access: 20.02.2025). (in Russ.).
7. **Shahmametyev A. A.** Tools of deoffshoring the Russian economy. *Taxes and taxation*, 2018, no. 3, pp. 33–51. (in Russ.).
8. **Konduktorov A. S.** Deoffshoring of the financial system of the Russian Federation: concept, goals, current directions of implementation. *Current problems of Russian law*, 2023, no. 6 (151), pp. 37–51. (in Russ.).
9. **Lisitsa V. N., Zyкова O. A.** Capital amnesty in Russia: from the post-Soviet period to the digital economy. *Juridical science and practice*, 2023, no. 4, pp. 42–52. (in Russ.).
10. **Lapina S. B.** Deoffshoring of the Russian economy: essence and ways of counteraction. *Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 1, pp. 26–30. (in Russ.).
11. **Lisitsa V. N.** Principles of international investment law. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2009, 246 p. (in Russ.).
12. **Konduktorov A. S.** Redomitization in Russia: study of legal and psychological motivations. *Lex Russica*, 2021, no. 9 (178), pp. 9–20. (in Russ.).

13. **Levit D. D.** Special administrative areas as a way to attract investments and support entrepreneurs in the context of international sanctions. *Issues of Russian justice*, 2022, no. 18, pp. 596–603. (in Russ.).

### Информация об авторах

**Лисица Валерий Николаевич**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН  
SPIN 6003-1410

**Байжуменова Рената Ринатовна**, магистрант экономического факультета Новосибирского государственного университета

**Булгакова Екатерина Алексеевна**, магистрант экономического факультета Новосибирского государственного университета

### Information about the Authors

**Valeriy N. Lisitsa**, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Leading Scientific Researcher of Sector of Civil and Business Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)  
SPIN 6003-1410

**Renata R. Baizhumenova**, Master's Student of the Faculty of Economics of Novosibirsk State University

**Ekaterina A. Bulgakova**, Master's Student of the Faculty of Economics of Novosibirsk State University

*Статья поступила в редакцию 03.03.2025;  
одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 21.03.2025*

*The article was submitted 03.03.2025;  
approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 21.03.2025*

Научная статья

УДК 341.63

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-36-45

## **Правовое регулирование иностранных инвестиций в сфере образования в странах группы БРИКС**

**Татьяна Владимировна Анисимова<sup>1</sup>**

**Галина Александровна Пакерман<sup>1,2</sup>**

<sup>1</sup>Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития  
и торговли Российской Федерации  
Москва, Россия

<sup>2</sup>Московский государственный институт международных отношений (университет)  
Министерства иностранных дел Российской Федерации,  
Москва, Россия

Tanisimova@vavt.ru

galina.pakerman@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3957-213X>

### *Аннотация*

Статья охватывает ключевые аспекты регулирования иностранных инвестиций в образовании в странах БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка), анализирует правовые особенности подходов каждой страны к иностранным инвестициям в образовательной сфере, а также предлагает рекомендации для улучшения инвестиционного климата и правового регулирования в этом секторе. Анализ выявляет общие черты и различия в правовых рамках этих стран, уделяя особое внимание принципам открытости, защиты прав инвесторов и соответствия международным стандартам. В статье обозначены основные вызовы, с которыми сталкиваются иностранные инвесторы, включая административные барьеры, нестабильность законодательства и культурные различия. Предложены рекомендации по улучшению правового регулирования иностранных инвестиций в образование, включая разработку многостороннего соглашения в рамках БРИКС, гармонизацию стандартов защиты прав инвесторов и поддержку образовательных технологий. Исследование делает вывод о том, что гармонизация правовых рамок в рамках БРИКС может создать стабильную среду для привлечения иностранных инвестиций и модернизации образовательных систем.

### *Ключевые слова*

иностраннные инвестиции, образование, БРИКС, правовое регулирование, международные стандарты, образовательные технологии, защита прав инвесторов

### *Для цитирования*

Анисимова Т. В., Пакерман Г. А. Правовое регулирование иностранных инвестиций в сфере образования в странах группы БРИКС // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 2. С. 36–45. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-36-45

© Анисимова Т. В., Пакерман Г. А., 2025

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 2

Juridical Science and Practice, 2025, vol. 21, no. 2

## Legal Regulation of Foreign Investment in the Field of Education in the BRICS Countries

Tatiana V. Anisimova<sup>1</sup>, Galina A. Pakerman<sup>1,2</sup>

<sup>1</sup>The Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation,  
Moscow, Russian Federation

<sup>2</sup>The Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs  
of the Russian Federation the Russian Foreign Trade Academy  
Moscow, Russian Federation

Tanisimova@vavt.ru

galina.pakerman@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3957-213X>

### Abstract

This article covers key aspects of foreign investment regulation in education in the BRICS countries (Brazil, Russia, India, China and South Africa), analyzes the legal specifics of each country's approach to foreign investment in education, and offers recommendations for improving the investment climate and legal regulation in this sector. The analysis identifies similarities and differences in the legal frameworks of these countries, paying special attention to the principles of openness, investor protection and compliance with international standards. The article identifies the main challenges faced by foreign investors, including administrative barriers, legislative instability and cultural differences. Recommendations are offered for improving the legal regulation of foreign investment in education, including the development of a multilateral agreement within the BRICS, harmonization of investor protection standards and support for educational technologies. The study concludes that harmonization of the legal frameworks within the BRICS can create a stable environment for attracting foreign investment and modernizing education systems.

### Keywords

foreign investment, education, BRICS, legal regulation, international standards, educational technologies, protection of investors' rights

### For citation

Anisimova T. V., Pakerman G. A. Legal regulation of foreign investment in the field of education in the BRICS countries. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 2, pp. 36–45. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-36-45

Страны БРИКС – Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка, а также Египет, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия, Эфиопия и др. – характеризуются быстрорастущими экономиками и активным привлечением иностранных инвестиций. Одним из ключевых направлений, где наблюдается рост интереса со стороны иностранных инвесторов, является сфера образования. Иностранные инвестиции играют важную роль в повышении качества и доступности образования, что способствует интеграции образовательных систем в мировое сообщество и стимулирует развитие на национальном уровне. Правовое регулирование иностранных инвестиций в сфере образования в странах БРИКС имеет свои особенности, зависящие от законодательных систем и политической среды каждой страны, что является актуальным, поскольку привлечение капитала помогает решать задачи модернизации образовательной инфраструктуры и внедрения инновационных программ.

В каждой стране БРИКС существуют свои уникальные аспекты регулирования иностранных инвестиций в образование, в частности:

- степень либерализации (в некоторых странах – Бразилии и России – наблюдается тенденция к улучшению условий для ведения бизнеса, что позволяет привлекать больше инвестиций);
- проверка и аккредитация (все страны требуют строгой аккредитации иностранных учебных заведений, что создает дополнительные барьеры для входа на рынок);

- создание совместных образовательных организаций (предприятий) (многие страны ограничивают возможность 100 % иностранных инвестиций, что требует от инвесторов сотрудничества с местными партнерами).

**Регулирование иностранных инвестиций в странах БРИКС основывается на нескольких общих принципах.**

1. Открытость и прозрачность законодательства. В странах БРИКС развиты правовые системы, которые стремятся обеспечить понятность и доступность нормативных актов для иностранных инвесторов. Стратегия открытости создает прозрачные условия и минимизирует потенциальные правовые риски, улучшая общий инвестиционный климат. Например, в Рамочной концепции ОЭСР в области инвестиций 2015 г. подчеркивается необходимость прозрачности законодательных актов, направленных на привлечение иностранных инвестиций.

2. Защита прав инвесторов. Принцип защиты прав инвесторов воплощается в обеспечении гарантий от экспроприации, защиты прав собственности и предоставления права на судебную защиту. Рамочная концепция ОЭСР по инвестициям 2015 г. и Вашингтонская конвенция 1965 г. устанавливают общие стандарты правовой защиты иностранных инвестиций, которые страны БРИКС адаптируют под свои национальные нужды.

3. Соответствие международным стандартам. Все страны БРИКС являются участниками Нью-Йоркской конвенции 1958 г., что обеспечивает защиту иностранных инвесторов в случае споров и конфликтов.

4. Поддержка социально значимых направлений в образовании. Особое внимание уделяется образовательным программам, направленным на развитие высоких технологий, инженерии, медицины, цифровых образовательных платформ, подготовку специалистов в области внешнеэкономической деятельности. Это объясняется необходимостью решения задач национального развития, повышения конкурентоспособности и внедрения инноваций, а также взаимодействием по различным аспектам между странами БРИКС в особых геополитических условиях [1, с. 99].

**Анализ правового регулирования иностранных инвестиций в образовании в странах БРИКС.** В России регулирование иностранных инвестиций в образовательную сферу осуществляется на основе следующих ключевых нормативных актов:

- Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»;
- Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 30.12.2006 № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций»;
- Федеральный закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации».

Для объединения усилий некоммерческого сектора, государства и бизнеса, направленных на создание фондов целевого капитала с принципиально новым подходом, а также развитие и повышение эффективности уже существующих таких фондов, разработана соответствующая Концепция.

В настоящее время в России функционирует свыше 300 фондов целевого капитала. Основная часть эндаументов создается и действует в интересах высших учебных заведений (на сегодня зарегистрированы фонды в 37 субъектах России).

Россия активно сотрудничала с международными образовательными организациями, такими как British Council и платформой EdX, которые реализовывали совместные программы и проекты [2, с. 277]. Это партнерство служило успешным примером международных образовательных инвестиций в российский сектор высшего образования, способствуя обмену знаниями и повышению качества образовательных услуг. Следует отметить, что, к сожалению, на сегодняшний день инвестиции со стороны частного бизнеса не играют заметной роли в финансировании системы образования в России, крупные объемы зарубежных инвестиций

поступают в такие отрасли, как топливная и энергетическая промышленность, металлургия, телекоммуникации и производство продуктов питания.

Задача по сохранению и восстановлению как национальной, так и глобальной экономики в настоящее время стоит перед всеми государствами, включая Россию, которая также должна найти пути ее решения. В своем Послании гражданам России от 23 июня 2020 г. Президент России подчеркнул, что «непосредственная поддержка граждан, инвестиции в образование, здравоохранение и демографическое развитие» являются «основой для роста национальной экономики и устойчивого, динамичного развития страны в целом», а также важны свободы для людей и устранение барьеров для предпринимателей и инвесторов, всех, кто занят реальной работой и созиданием [3, с. 7–8].

В отечественной литературе в качестве основных проблем, ограничивающих инвестирование в сферу образования в России, вполне обоснованно выделены:

- методологическая неразработанность понятия «инвестиции в образование»;
- некоммерческий характер большинства образовательных организаций, ограничивающий возможности привлечения частных инвестиций;
- противоречивость законодательства об образовании и об инвестициях;
- сложность практической реализации схем возвратности инвестиций и получения прибыли от предоставления платных образовательных услуг [4, с. 149–150].

На наш взгляд, легальные возможности частных инвестиций ограничены также организационно-правовыми формами негосударственных образовательных организаций (некоммерческие организации, частные учреждения), предоставляющих платные образовательные услуги, и, конечно же, существующими сейчас геополитическими реалиями. И физические лица, оказывающие платные образовательные услуги, сталкиваются с определенными ограничениями в своей деятельности. В отличие от государственных и муниципальных образовательных организаций они не наделены правом выдавать официальные документы об образовании. Как правило, физические лица предоставляют дополнительные образовательные услуги, такие как репетиторство, не конкурируя напрямую с основными образовательными программами, реализуемыми государственными и муниципальными организациями.

Наиболее перспективным направлением для частных инвестиций является рынок дополнительного профессионального образования. Для содействия привлечению частных инвестиций, включая иностранные инвестиции, в сферу образования можно ввести новый финансовый инструмент – специальную ценную бумагу (сертификат) участия в предоставлении платных образовательных услуг. Данный сертификат, как ценная бумага, будет подпадать под специальное регулирование и удостоверяет право его владельца на получение части прибыли, получаемой образовательной организацией от оказания платных услуг, при этом не предполагая участия инвестора в управлении организацией.

Кроме того, авторы видят перспективы в развитии механизма выпуска облигаций автономными образовательными учреждениями. Доход по таким облигациям должен быть привязан к эффективности реализации авторских образовательных программ, что позволит вознаграждать разработчиков востребованных образовательных продуктов и одновременно привлекать инвестиции в сферу образования.

Среди наиболее известных российских онлайн-платформ можно назвать ЕШКО, Универсариум, Лекториум OpenEdX, Uniweb [2, с. 277–278].

Несмотря на поддержку со стороны государства в развитии дистанционного обучения, нормативно-правовая база, регулирующая образовательную деятельность с применением электронных технологий, остается недостаточно четкой [5, с. 25]. Регулирование осуществляется в рамках законодательства в области информационных технологий и образования. Важно уточнить некоторые моменты, касающиеся Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Например, процесс перезачета учебных дисциплин в университетах определяется локальными нормативными актами, что создает неопре-

деленность в признании результатов обучения, полученных через дистанционные методы. Кроме того, считаем необходимым отметить, что для университетов, действующих по договорам сетевого взаимодействия и финансируемых из федерального бюджета, использование онлайн-курсов в качестве замены традиционных форм обучения не будет экономически целесообразным. Это связано с отсутствием законодательных норм, регулирующих компенсацию затрат на электронное обучение.

С целью повышения конкурентоспособности страны разработан ряд инициатив, среди которых Постановление Правительства Российской Федерации от 16.11.2020 № 1836 «О государственной информационной системе “Современная цифровая образовательная среда”». Основная идея создания данной системы в рамках реализации федерального проекта «Молодые профессионалы (Повышение конкурентоспособности профессионального образования)» национального проекта «Образование» – предоставление свободного доступа (бесплатного для участников системы) по принципу «одного окна» для всех категорий граждан, в том числе обучающихся по образовательным программам высшего образования и образовательным программам дополнительного профессионального образования, к онлайн-курсам, реализуемым различными организациями, осуществляющими образовательную деятельность, и образовательными платформами.

Представляется, что онлайн-курсы, образовательные платформы могут дополнить традиционное образование, однако говорить о полном замещении привычных форм обучения онлайн-курсами нецелесообразно. Дистанционное обучение играет важную роль в достижении ключевой глобальной цели, обозначенной в многочисленных международных документах последних лет: Дорожная карта ЮНЕСКО осуществления Глобальной программы действий по образованию в интересах устойчивого развития (Париж, 2013 г.), в которой акцентируется необходимость переориентации образовательных процессов так, чтобы каждый человек мог развивать свои знания, навыки, ценности и подходы, что в свою очередь увеличивает его возможности для участия в устойчивом развитии; Инчхонская декларация – Образование-2030: обеспечение всеобщего инклюзивного и справедливого качественного образования и обучения на протяжении всей жизни (2015 г.), которая подтвердила идею о глобальном движении за доступное образование для всех.

Возможность дистанционного обучения предоставляется практически всеми государствами, в том числе и странами группы БРИКС.

Бразилия активно привлекает иностранные инвестиции в различные секторы экономики, включая образование. Образовательная система Бразилии переживает период модернизации, что делает ее привлекательной для иностранных инвесторов, заинтересованных в развитии частных образовательных учреждений, внедрении инновационных технологий и расширении доступа к качественному образованию. Однако регулирование иностранных инвестиций в образовательной сфере Бразилии имеет свои особенности, связанные с необходимостью соблюдения национальных интересов, культурных традиций и образовательных стандартов, и основывается на нескольких ключевых нормативных актах.

Федеральная конституция Бразилии 1988 г. в ст. 205 устанавливает, что образование является правом всех и обязанностью государства и семьи, которое поощряется и продвигается при содействии общества. Это положение создает основу для участия частных и иностранных инвесторов в образовательной сфере, но с учетом государственного контроля и регулирования.

Закон о руководящих принципах и основах национального образования является основным нормативным актом, регулирующим образовательную систему Бразилии. Закон устанавливает принципы и цели образования, а также регулирует деятельность образовательных учреждений, включая частные и иностранные. Согласно ст. 20 данного Закона частные образовательные учреждения могут создаваться как юридическими, так и физическими лицами, включая иностранных инвесторов, при условии соблюдения национальных образовательных стандартов.

Национальный план образования, утвержденный Законом № 13.005/2014, устанавливает стратегические цели и задачи развития образовательной системы Бразилии (увеличение инвестиций в образование, включая привлечение частных и иностранных средств, для достижения таких целей, как повышение качества образования, расширение доступа к образовательным услугам и развитие инновационных образовательных технологий).

Закон об иностранном капитале регулирует деятельность иностранных инвесторов в Бразилии, включая инвестиции в образовательную сферу, устанавливает правила регистрации иностранных инвестиций, гарантии защиты прав инвесторов и ограничения на деятельность иностранных компаний в стратегически важных секторах экономики. Бразилия стремится создать благоприятные условия для международных кампусов и сотрудничества с зарубежными университетами, что обусловлено потребностью в модернизации образовательной инфраструктуры.

Однако, несмотря на открытость бразильской образовательной системы для иностранных инвестиций, существует ряд ограничений и требований, которые должны соблюдаться иностранными инвесторами:

- аккредитация и лицензирование (все образовательные учреждения, включая иностранные, должны пройти процедуру аккредитации и лицензирования в Министерстве образования Бразилии);
- ограничения на создание филиалов иностранных университетов (бразильское законодательство не разрешает иностранным университетам открывать филиалы на территории страны без партнерства с местными образовательными учреждениями);
- требования к преподавательскому составу (иностранное образовательное учреждение обязано нанимать определенное количество местных преподавателей и сотрудников).

Несмотря на значительный потенциал бразильской образовательной системы, иностранные инвесторы сталкиваются с рядом проблем, включая сложные административные процедуры, высокие требования к аккредитации и ограничения на деятельность иностранных компаний. Однако правительство Бразилии активно работает над созданием более благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций, включая упрощение процедур лицензирования и поддержку инновационных образовательных проектов.

Одним из перспективных направлений является развитие онлайн-образования и образовательных технологий. Бразилия активно поддерживает международное сотрудничество в этой области, что открывает новые возможности для иностранных инвесторов, заинтересованных в участии в образовательных проектах, основанных на высоких технологиях и интернет-платформах. Примеры успешных проектов включают партнерства бразильских университетов с университетами США и Европы, что способствует международному обмену и улучшению качества образовательного процесса, в частности:

- партнерство Университета Сан-Паулу (USP) с Массачусетским технологическим институтом (MIT) (инженерные науки и технологии);
- сотрудничество Федерального университета Рио-де-Жанейро (UFRJ) с Университетом Калифорнии (UC) (экологические науки, биотехнологии и устойчивое развитие);
- партнерство Университета Кампинаса (Unicamp) с Оксфордским университетом (медицина, физика и социальные науки);
- программа двух дипломов между Университетом Бразилиа (UnB) и Университетом Париж-Сакле (Франция) (инженерные науки и компьютерные технологии);
- сотрудничество Университета Рио-Гранде-ду-Сул (UFRGS) с Университетом Барселона (Испания) (гуманитарные науки, экономика и право);
- партнерство Университета Сан-Паулу (USP) с Гарвардским университетом (здравоохранение и медицинские исследования);
- программа Erasmus+ между бразильскими университетами и европейскими вузами;
- сотрудничество Университета Амазонии (UFAM) с Университетом Флориды (США) (экология и охрана окружающей среды).

Эти примеры демонстрируют, что совместные проекты, программы двух дипломов и академическая мобильность помогают бразильским университетам внедрять передовые образовательные технологии и повышать свою конкурентоспособность на международной арене.

Регулирование иностранных инвестиций в образовательной сфере Индии основывается на следующих ключевых нормативных актах:

- Закон Индии о прямых иностранных инвестициях, который устанавливает либеральный режим для иностранных инвестиций в образование, однако с определенными ограничениями, например, иностранные инвесторы могут создавать образовательные учреждения только в партнерстве с местными организациями;
- Закон о высшем образовании 2006 г., который регулирует деятельность высших учебных заведений, включая иностранные, и устанавливает требования к аккредитации и качеству образовательных программ;
- Национальная политика в области образования 2020 – документ, обозначающий стратегические цели развития образовательной системы Индии, включая привлечение иностранных инвестиций и развитие международного сотрудничества.

Согласно приведенным выше актам, иностранные университеты не могут открывать филиалы в Индии без партнерства с местными образовательными учреждениями. Кроме того, все образовательные программы должны быть также аккредитованы национальными органами, такими как Национальный совет по оценке и аккредитации (NAAC), а иностранные инвесторы обязаны нанимать определенное количество местных преподавателей и сотрудников.

В последние годы правительство Индии внедряет программы поддержки образовательных технологий и цифровизации, что открывает новые возможности для иностранных инвесторов, заинтересованных в развитии онлайн-обучения и инновационных образовательных платформ. Подобно Бразилии Индия привлекает множество иностранных вузов, которые открывают свои кампусы или сотрудничают с местными учебными заведениями. Вот несколько примеров иностранных вузов, действующих в Индии:

- партнерство с University of Chicago Booth School of Business способствует обмену знаниями и опытом, а также повышению качества образовательных программ;
- сотрудничество с Hult International Business School позволяет индийским студентам получать образование мирового уровня, не выезжая за границу;
- программы двух дипломов с Manipal University;
- партнерские программы с Tamagawa University (Япония).

SP Jain School of Global Management является индийским учебным заведением, вместе с тем оно предлагает глобальные программы с кампусами в таких местах, как Сингапур и Дубай. Некоторые программы имеют международные акценты и сотрудничество с иностранными вузами.

В 2022 г. Уральский федеральный университет совместно с партнерами открыл центр-представительство в Хайдарабаде (штат Телангана).

Регулирование иностранных инвестиций в образовательной сфере Индии отражает стремление государства к модернизации образовательной системы при сохранении контроля над национальными интересами.

Китай занимает лидирующие позиции по привлечению иностранных инвестиций в образовательную сферу, особенно в сегменты высшего образования и онлайн-обучения. Основным нормативным актом является Закон о совместных предприятиях с иностранным участием 1979 г., который требует от иностранных образовательных учреждений создавать партнерства с местными организациями. В развитие его положений в 2003 г. были приняты Положения о сотрудничестве в области образования с иностранным участием, которые регулируют создание и деятельность совместных образовательных учреждений с участием иностранных инвесторов. В 2019 г. был также принят Закон КНР об иностранных инвестициях, который продолжил традицию строгой политики в отношении иностранных инвестиций, в том числе

в образование. Данный закон регулирует условия создания новых образовательных организаций. Занятия и программы обучения подлежат строгой проверке со стороны Государственного управления по делам образования Китая. Каждая образовательная программа подлежит государственной аккредитации.

Китай активно поддерживает международное сотрудничество в области онлайн-образования, что привлекает иностранных инвесторов, заинтересованных в участии в образовательных проектах, основанных на высоких технологиях и интернет-платформах [6, с. 98–99]. Важную роль играют государственные регуляторы, которые обеспечивают соблюдение образовательных стандартов и качество предоставляемых услуг. Этот подход способствует интеграции иностранных инвестиций в китайскую образовательную систему, поддерживая национальные интересы и стимулируя развитие сферы образования [7, с. 108].

Примеры успешных проектов партнерства:

- совместные программы с University of Nottingham (Великобритания);
- партнерство с New York University (США) – программы в области гуманитарных наук и бизнеса;
- программы двух дипломов с University of Liverpool (Великобритания).

В Южной Африке регулирование иностранных инвестиций в образование осуществляется на основе Закона о высшем образовании 1997 г. и Закона о частных образовательных учреждениях 1999 г. В законодательстве предусмотрены требования к аккредитации, которую должны пройти иностранные образовательные учреждения в Департаменте высшего образования и обучения Южной Африки, и соответствию местным образовательным стандартам, что ограничивает деятельность иностранных инвесторов в этом секторе. Ключевым нормативным актом в этой сфере является Закон о компаниях 2008 г., устанавливающий общие правила для создания и деятельности компаний, включая образовательные учреждения с иностранным участием.

ЮАР стремится привлекать иностранных инвесторов на программы по развитию инженерных наук, IT и других технических направлений. Такая специализация объясняется необходимостью улучшения квалификации рабочей силы и подготовки кадров для высокотехнологичных отраслей. Южноафриканские законы ориентированы на создание программ, соответствующих местным потребностям, делая страну привлекательным рынком для иностранных инвесторов в инновационном секторе образования.

В качестве успешных проектов можно привести следующие:

- сотрудничество с University of London (Великобритания);
- партнерство с Monash University (Австралия);
- программы двух дипломов с University of Cape Town.

**Сравнительный анализ источников регулирования иностранных инвестиций в сфере образования в странах БРИКС** и практики их применения позволяет выделить несколько общих черт.

1. Ограничения на участие иностранных инвесторов. Все страны БРИКС устанавливают особый режим допуска иностранных инвесторов в образовательную сферу деятельности, что позволяет сохранять контроль над системой образования и предотвращать негативное влияние на национальные культурные и образовательные традиции.

2. Поддержка и развитие онлайн-образования и образовательных технологий. Страны БРИКС активно развивают онлайн-образование и образовательные технологии, предоставляя иностранным инвесторам возможность участвовать в создании образовательных платформ и программ дистанционного обучения.

3. Административные и регуляторные барьеры. Иностранные инвесторы часто сталкиваются с трудностями, связанными с лицензированием, аккредитацией и необходимостью соблюдения местных стандартов, что затрудняет быстрый выход на рынок, но также помогает странам защищать свои национальные интересы.

Несмотря на усилия стран БРИКС по привлечению иностранных инвесторов, те сталкиваются с рядом проблем, включая:

- а) административные барьеры (сложные процедуры лицензирования, аккредитации и ответственности местным стандартам замедляют работу иностранных компаний);
- б) нестабильность законодательства (частые изменения в правовой базе и политические риски оказывают влияние на инвестиционную стабильность, особенно для долгосрочных образовательных проектов);
- в) культурные и образовательные различия (различия в образовательных системах и подходах могут затруднять адаптацию иностранных образовательных программ к местным требованиям).

**Выводы.** С целью создания более благоприятных условий для иностранных инвесторов в странах БРИКС ниже приведен ряд предложений.

Во-первых, разработать многостороннее соглашение о правовом регулировании иностранных инвестиций в сфере образования в рамках БРИКС. Это позволит упростить процесс лицензирования и аккредитации, а также установить единые стандарты для образовательных технологий и онлайн-обучения.

Во-вторых, гармонизировать подходы к защите прав инвесторов и государств. Введение единых стандартов позволит защитить интересы как иностранных инвесторов, так и стран БРИКС, установив баланс между контролем над образовательной системой и защитой прав иностранных инвесторов.

В-третьих, осуществлять поддержку образовательных технологий. Страны БРИКС могут создать благоприятные условия для инвестиций в онлайн-образование и образовательные платформы, что улучшит доступ к образованию и ускорит интеграцию международных образовательных стандартов.

### Список литературы

1. **Оганесян А. А.** Новые формы университетского сотрудничества: международные сетевые университеты // Государственная служба. 2017. № 5. С. 94–100.
2. **Кондрахина Н. Г., Южакова Н. Е.** Специфика технологий современного дистанционного обучения иностранным языкам // Образование и право. 2020. № 9. С. 274–280.
3. **Журавлева О. О.** Финансовая поддержка людей и экономики: принцип всеобщности vs принцип адресности // Финансовое право. 2020. № 9. С. 7–11.
4. **Чеха В. В.** Механизмы инвестиций в сферу образования: проблемы и решения // Вопросы образования. 2010. № 1. С. 134–150.
5. **Арутюнова А. Е., Лазаренко Л. А., Лаврентьева А. В.** Перспективы развития дистанционного обучения в современной России // Вестник Академии знаний. 2019. № 34. С. 20–26.
6. **Гурулева Т. Л.** Совместные образовательные программы России и Китая: состояние и проблемы реализации // Высшее образование в России. 2018. №12. С. 93–103.
7. **Гурулева Т. Л.** Сотрудничество России и Китая в области создания сетевых университетов и совместных образовательных учреждений // Высшее образование в России. 2019. № 4. С. 108–123.

### References

1. **Oganesyan A. A.** New forms of university cooperation: international network universities. *Public Service*, 2017, no. 5, pp. 94–100. (in Russ.)
2. **Kondrakhina N. G., Yuzhakova N. E.** Specifics of technologies of modern distance learning of foreign languages. *Education and Law*, 2020, no. 9, pp. 274–280. (in Russ.)

3. **Zhuravleva O. O.** Financial Support for People and the Economy: the Principle of Universality vs. the Principle of Targeting. *Financial Law*, 2020, no. 9, pp. 711. (in Russ.)
4. **Chekha V. V.** Mechanisms of investment in the field of education: problems and solutions. *Questions of education*, 2010, no. 1, pp. 134–150. (in Russ.)
5. **Arutyunova A. E., Lazarenko L. A., Lavrenteva A. V.** Prospects for the Development of Distance Learning in Modern Russia. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 2019, no. 34, pp. 20–26. (in Russ.)
6. **Guruleva T. L.** Joint Educational Programs of Russia and China: Status and Problems of Implementation. *Higher Education in Russia*, 2018, no. 12, pp. 93–103. (in Russ.)
7. **Guruleva T. L.** Cooperation between Russia and China in the Field of Creating Network Universities and Joint Educational Institutions. *Higher Education in Russia*, 2019, no. 4, pp. 108–123. (in Russ.)

### Информация об авторах

**Анисимова Татьяна Владимировна**, кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации

**Пакерман Галина Александровна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С. Н. Лебедева Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; доцент кафедры международного частного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации  
SPIN 6870-4710

### Information about the Authors

**Tatyana V. Anisimova**, PhD in Historical, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, the Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation

**Galina A. Pakerman**, PhD in law, Associate Professor, associate professor of the S.N. Lebedev Department of Private International and Civil Law, the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, associate professor of the Private International Law Department, the Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation  
SPIN 6870-4710

Статья поступила в редакцию 17.03.2025;  
одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 21.03.2025

The article was submitted 17.03.2025;  
approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 21.03.2025

Научная статья

УДК 347.122

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-46-52

## Гражданско-правовая защита от диффамации в цифровой среде

**Яна Александровна Карунная**

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

advokat2631@bk.ru

### *Аннотация*

В работе рассмотрены практико-ориентированные проблемы гражданско-правовой защиты от диффамации, выделены основные правовые алгоритмы защиты от диффамации. На основе анализа нормативных положений и судебной практики автор приходит к выводу о том, что имеющиеся руководящие разъяснения по вопросам применения норм права не обеспечивают в действительности единообразия при их применении на практике. Используемая законодателем терминология характеризуется оценочностью, что создает предпосылки для расширительного и неправильного толкования положений закона, в результате чего успешность защиты от диффамации поставлена в зависимость не только от состояния правовой обеспеченности (нормативной базы), но и в значительной мере от качества правоприменения соответствующих норм права.

### *Ключевые слова*

диффамация, честь, достоинство, деловая репутация, защита от диффамации, цифровые технологии, цифровое пространство

### *Для цитирования*

Карунная Я. А. Гражданско-правовая защита от диффамации в цифровой среде // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 2. С. 46–52. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-46-52

## Civil Protection Against Defamation in the Digital Environment

**Yana A. Karunya**

Novosibirsk State University,  
Novosibirsk, Russian Federation

advokat2631@bk.ru

### *Abstract*

The paper considers practice-oriented problems of civil law protection against defamation, highlights the main legal algorithms for protection against defamation. Based on the analysis of normative provisions and judicial practice, the author comes to the conclusion that the available guidance clarifications on the application of legal norms do not actually ensure uniformity in their application in practice. The terminology used by the legislator is characterized by evaluation, which creates prerequisites for an expansive and incorrect interpretation of the provisions of the law, as a result of which the success of protection against defamation depends not only on the state of legal security (regulatory framework), but also to a large extent on the quality of law enforcement of the relevant legal norms.

### *Keywords*

defamation, honor, dignity, business reputation, protection from defamation, digital technologies, digital space

### *For citation*

Karunya Ya. A. Civil protection against defamation in the digital environment. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 2, pp. 46–52. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-46-52

© Карунная Я. А., 2025

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 2

Juridical Science and Practice, 2025, vol. 21, no. 2

В современных реалиях, когда границы использования цифровых технологий, обеспечивающих возможность трансграничной передачи информации, динамично расширяются, вопросы защиты от диффамации в цифровой среде становятся особенно актуальными, что обуславливает релевантные стимулы для их исследования с позиций науки и практики.

Справедливости ради отметим, что цивилистическое представление о диффамации имеет давнюю историю. Модели «exi stimatio», «status illesae dignitatis», «legibus ac moribus comprobatus», в прошлом заимствованные из римского права, получили свое развитие в законодательстве разных стран. Под влиянием германского понятия «Guter Leumund», традиционно распознаваемого как «хорошая репутация» и «доброе имя», в средневековом законодательстве, а в последствии и в законодательстве нового времени, укоренилось представление о праве всякого гражданина на доброе имя, а разглашение позорных фактов (ложный донос), как вид преступления против чести, постепенно расширилось, захватывая не только ложное обвинение в деяниях, составляющих преступление, но и всякие другие сообщения, обидные для чести [1].

В отечественном законодательстве не используется понятие «диффамация», однако правоприменитель констатирует необходимость при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации судам учитывать правовую позицию Европейского суда по правам человека. Согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, значение, придаваемое понятию «диффамация» в постановлениях Европейского суда, тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в ст. 152 ГК РФ<sup>1</sup>. По этой причине отсутствие в законе специальной дефиниции (понятия и определения диффамации) вряд ли можно считать дефектом, препятствующим защите чести, достоинства и деловой репутации. Представляется, что для целей правоприменительной практики, приведенных разъяснений может быть достаточно. Право на судебную защиту от диффамации по своей правовой природе может принадлежать как физическим, так и юридическим лицам. Одновременно оно выступает гарантией конституционных прав<sup>2</sup>. Баланс значимых прав человека на свободное выражение взглядов и прав на защиту чести, достоинства и деловой репутации обеспечивается основополагающими конституционными положениями. При этом гражданское законодательство не предусматривает (да и не может предусматривать) правовое регулирование конституционных прав, однако оно закрепляет именно гражданско-правовые механизмы их защиты: например, денежное возмещение морального вреда, причиненного действиями, нарушающими конституционное право гражданина на создание репутации, опровержение сведений, порочащих репутацию гражданина [2, с. 33].

Распространение диффамационной информации потенциально способно привести к негативным последствиям – умалению чести, достоинства и (или) деловой репутации, претерпеванию страданий, обиды, возникновению убытков и др. Практика показывает, что в результате интеграции цифровых технологий в процесс передачи и хранения разного рода информации

<sup>1</sup> См.: п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 508-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации»; определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2010 года № 323-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ускова Антона Игоревича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 46 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и пунктом 3 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации»; постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2013 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Крылова» // СПС «КонсультантПлюс».

обеспечивается быстрый доступ к информационным данным, в том числе и тем, которые содержат персональные данные конкретных лиц. Судебная защита чести, достоинства и деловой репутации лица, в отношении которого распространены не соответствующие действительности порочащие сведения, не исключается также в случае, когда невозможно установить лицо, распространившее такие сведения (например, при направлении анонимных писем в адрес граждан и организаций либо распространении сведений в сети Интернет лицом, которое невозможно идентифицировать). По требованию заинтересованных лиц допускается защита чести, достоинства и деловой репутации гражданина и после его смерти. Кроме того, в литературе отмечается, что в современных условиях вполне прикладной характер имеет также защита деловой репутации Российской Федерации, что важно для сохранения, поддержания и укрепления имиджа, престижа, образа, репутации Российской Федерации как внутри страны, в том числе среди российских граждан и иных лиц, так и на международной арене, в сфере международно-правовых, гражданско-правовых и прочих отношений [3, с. 65]. Право на репутацию по делам о диффамации в отношении России в сферах ее деятельности может иметь и общесоциальный характер, в силу чего Россия, как самостоятельный участник гражданско-правовых отношений, может быть субъектом диффамации наравне с гражданами и юридическими лицами [4, с. 24].

В юридической литературе диффамацию относят к межотраслевому институту права и выделяют следующие ее виды: 1) гражданско-правовая; 2) административно-правовая и 3) уголовно-правовая [5, с. 90; 6, с. 93; 7, с. 65 и др.].

С позиции гражданского права возможность защиты нематериальных благ предусмотрена статьями 150, 152 ГК РФ. Действующее правовое регулирование института защиты от диффамации устанавливает возможность заявления при предъявлении иска нескольких видов требований: об опровержении порочащих честь, достоинство или деловую репутацию сведений; о замене или отзыве документа; об удалении соответствующей информации, а также пресечении или запрещении дальнейшего распространения сведений; о признании распространенных сведений не соответствующими действительности; о возмещении убытков и компенсации морального вреда, причиненных распространением сведений. Однако к каждому виду требований применяется самостоятельный стандарт доказывания и необходимые правовые алгоритмы защиты от диффамации.

Обстоятельствами, имеющими в силу ст. 152 ГК РФ значение для дела, которые должны быть определены судом, являются: факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности. При этом обязанность доказывать соответствие действительности распространенных сведений лежит на ответчике. Истец обязан доказать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, а также порочащий характер этих сведений. Способы и формы распространения порочащих сведений могут быть различными: опубликование в печати, трансляция по радио и телевидению, демонстрация в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу. Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении, недобросовестности при осуществлении деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица<sup>3</sup>.

<sup>3</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 508-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации»; определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2010 года № 323-О-О «Об отказе в принятии к рас-

Обобщение судебной практики Верховного Суда Российской Федерации позволило выделить следующие, принципиально важные выводы. Во-первых, информация, указывающая на противоправный характер поведения лица, создает негативное впечатление о деятельности лица, следовательно, является порочащей<sup>4</sup>. Во-вторых, истец не должен доказывать наличие сформированной репутации в той или иной сфере деловых отношений, поскольку предполагается, пока не будет доказано иное, что лицо, созданное в целях ведения соответствующей деятельности, осуществляет свою деятельность и ведет ее добросовестно, а деловая репутация как нематериальное благо, наряду с честью, достоинством и добрым именем, является неотъемлемым элементом правового статуса лица<sup>5</sup>. В-третьих, при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности<sup>6</sup>. При этом наличие в каком-либо высказывании субъективной оценки само по себе не исключает присутствие в нем утверждений о факте. Выражение негативного отношения к нарушению другим лицом закона, к совершению им нечестного поступка, к нарушению деловой этики и т. д. может не исключать, а напротив, содержать утверждение о том факте. Поэтому в случае установления негативного характера оспариваемых материалов и сведений необходимо установить, являются ли они порочащими и соответствуют ли они действительности<sup>7</sup>. В-четвертых, в качестве диффамационных могут быть также верифицированы сведения, содержащиеся в обращениях в государственные и иные органы. При применении ст. 152 ГК РФ суды вправе и обязаны на основе фактических обстоятельств в каждом конкретном случае выяснять, было ли обращение в государственные органы, органы местного самоуправления обусловлено стремлением (попыткой) реализовать свои конституционные права или оно связано исключительно с намерением причинить вред другому лицу<sup>8</sup>, ибо, как справедливо отмечает С. В. Потапенко, злоупотребление субъективным правом на свободу мысли, слова, мнения и массовой информации представляет собой гражданское правонарушение (в том числе диффамационный деликт), совершаемое в рамках конкретного правоотношения по реализации субъективного права на свободу мысли, слова,

смотрению жалобы гражданина Ускова Антона Игоревича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 46 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и пунктом 3 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации»; постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2013 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Крылова» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>4</sup> См.: п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>5</sup> См.: определения Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2016 № 309-ЭС16-10730, от 18.07.2018 № 305-ЭС18-3354 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>6</sup> См.: определение № 305-ЭС21-14231 по делу № А41-54681/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>7</sup> См.: пункт 5 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16.03.2016; определения Верховного Суда Российской Федерации № 309-ЭС16-10730 от 5.08.2014 № 5-КГ14-51; п. 20 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017; п. 11 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023), утв. Президиумом Верховного Суда 15.11.2023; определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.03.2018 № 305-ЭС17-19225 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>8</sup> См.: определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28.03.2023 № 5-КГ22-147-К2; определение Верховного Суда РФ № 305-ЭС21-14231 по делу № А41-54681/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

мнения и массовой информации, но с нарушением его пределов, с намерением причинить вред другим лицам, а также путем действий в обход закона с противоправной целью и иного заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав чести [6, с. 39].

Однако анализ судебной практики показывает, что в отдельных случаях оценка оспариваемых сведений осуществляется судами без учета приведенных положений. Так, например, из решения арбитражного суда, принятого по делу о защите деловой репутации юридического лица, следует, что оспариваемые сведения «не порочат деловую репутацию истца, основаны на сведениях, ранее распространенных в сети «Интернет» на основе общественного мнения», «информация, изложенная в обращении ответчика, представляет собой интерпретацию общественного мнения, которое ответчик, в свою очередь, посредством видеозаписей, намерен донести до широких масс населения»<sup>9</sup>. Примечательно, что вместо фактической оценки сведений суд мотивировал свои выводы ссылками на «многочисленные публикации», выдаваемые в поисковой строке браузера по запросу суда, которые в материалах дела отсутствуют. В судебном акте также не приведены названия публикаций, источник их опубликования, режим доступа и другие данные, с помощью которых можно было бы их идентифицировать. Более того, как следует из материалов дела, вопрос об оценке информации из сети Интернет судом на обсуждение сторон не ставился, что указывает, по нашему убеждению, на нарушение базовых процессуальных предписаний закона и общеправового принципа, сформулированное еще в Древнем Риме: *audi alteram partem*. В постановлении апелляционной инстанции по данному делу приведен вывод о том, что «суд первой инстанции не лишен права исследовать обстоятельства дела самостоятельно, в том числе на стадии изучения материалов дела и подготовки дела к рассмотрению». Однако приведенные выводы суда представляются ошибочными, поскольку при вынесении судебного решения недопустимо основываться на доказательствах, которые не были представлены сторонам и не исследованы судом в соответствии с нормами процессуального закона<sup>10</sup>. Кроме того, судебные акты, принятые по делу, содержат взаимоисключающие, внутренне противоречивые выводы. В отношении одних и тех же оспариваемых сведений суды первой и вышестоящих инстанций, без проверки на предмет действительности, квалифицируют их по-разному: «ответчик выразил общественное мнение», «информация, является субъективным мнением автора, где он высказывает свои суждения и предположения относительно фактических событий», «информация, изложенная в обращении ответчика, представляет собой интерпретацию общественного мнения». Представляется, что закон не допускает возможности верифицировать оспариваемые сведения как интерпретацию общественного мнения, по смыслу закона оценке подлежат сами распространенные сведения. Иными словами, ссылки суда на интерпретацию общественного мнения не имеют юридического значения и не могут обосновывать фактический отказ суда от оценки самих оспариваемых сведений. Таким образом, несмотря на то, что приведенная оценка судами оспариваемых сведений вступает в противоречие с разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, ее «результаты» все же легли в основу судебных постановлений. Однако при разрешении дела судами не дано оценки тому, могут ли оспариваемые высказывания быть проверены на предмет соответствия действительности.

В литературе обоснованно отмечается, что доверие населения к судебной власти, ее рейтинг во многом основываются на прозрачности решений, принимаемых конкретными судьями,

<sup>9</sup> См.: определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2019 № 3272-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Москалева Михаила Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; решение Арбитражного суда Новосибирской области по делу № А45-4604/2014. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 01.03.2025).

<sup>10</sup> Дело № А45-14466/2024. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 01.03.2025).

что непосредственно связано со степенью обоснованности и мотивированности данных решений. Имеется ряд эмпирических исследований, результаты которых свидетельствуют о преобладающем негативном отношении современных россиян к судебной системе. Материалы прикладных социологических исследований, включивших фокус-групповые исследования, показывают, что судьи, с точки зрения граждан-респондентов, склонны мотивировать свои решения четко и обстоятельно в тех случаях, когда они проявляют честность и четкое следование законодательству. В том случае, когда, как полагают опрошенные, суд лоббирует интересы одной из сторон, мотивировка решения может быть непонятной [9, с. 192–194].

Резюмируя изложенное, важно признать, что стремительное развитие цифровых технологий и их применение практически во всех сферах общественных отношений создает все новые вызовы для правоприменителей. Анализ судебной практики показывает, что имеющиеся руководящие разъяснения по вопросам применения норм права не обеспечивают единообразие при их применении. Используемая законодателем терминология характеризуется оценочностью, что создает предпосылки для расширительного и неправильного толкования положений закона. Успешность защиты от диффамации зависит не только от состояния правовой обеспеченности (нормативной базы), но и в значительной мере – от качества правоприменения соответствующих норм права.

### Список литературы

1. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. URL: <https://foreign.slovaronline.com/4579-DIFFAMATSIYA> (дата обращения: 28.02.2025).
2. **Рожкова М. А., Глазкова М. Е., Афанасьев Д. В., Ворожевич А. С.** Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): науч.-практ. пособие; под общ. ред. д-ра юрид. наук М. А. Рожковой. М.: Статут, 2015. 270 с.
3. **Кузнецов М. Н., Тельнов А. В.** Гражданско-правовая защита репутации Российской Федерации от диффамации // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. 2022. Вып. 55. С. 48–69.
4. **Севостьянов В. В., Минеев О. А.** О гражданско-правовых механизмах защиты Российской Федерации от диффамации // Legal Concept = Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 3. С. 20–28.
5. **Родина Л. В.** Диффамация в российской юридической науке // Образование и право. 2023. № 6. С. 89–91.
6. **Невзгодина Е. Л., Парыгина Н. Н.** Диффамация как правовая категория // Вестник Омского ун-та. Серия: Право. 2016. № 2 (47). С. 86–94.
7. **Никишин В. Д.** Диффамационные правонарушения как угроза медиабезопасности: виды, признаки, особенности доказывания // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. (10). С. 61–68.
8. **Потапенко С. В.** Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации как правомерное ограничение злоупотребление правами выражения своего мнения и убеждения, на свободу мысли, слова и массовой информации // Юридический вестник Кубан. гос. ун-та. 2018. № 4. С. 35–43.
9. **Шадже А. М., Шадже М. Г.** Отношение россиян к судебной системе: факторы формирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 2. С. 191–194.

### References

1. Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes (82 volumes and 4 supplements). St. Petersburg, 1890–1907. URL: <https://foreign.slovaronline.com/4579-DIFFAMATSIYA> (date of application 02/28/2025). (in Russ.)

2. **Rozhkova M. A., Glazkova M. E., Afanasyev D. V., Vorozhevich A. S.** Protection of business reputation in cases of defamation or unlawful use (in the field of commercial relations): Scientific and practical stipend; under the general editorship of Doctor of Law M. A. Rozhkova. Moscow, Statute publ., 2015, 270 p. (in Russ.)
3. **Kuznetsov M. N., Telnov A. V.** Civil protection of the reputation of the Russian Federation from defamation. *Bulletin of the Perm University. Legal sciences*, 2022, iss. 55, pp. 48–69. (in Russ.)
4. **Sevostyanov V. V., Mineev O. A.** On civil law mechanisms for protecting the Russian Federation from defamation. *Legal Concept = The legal paradigm*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 20–28. (in Russ.)
5. **Rodina L. V.** Defamation in Russian legal science. *Education and Law*, 2023, no. 6, pp. 89–91. (in Russ.)
6. **Nevzgodina E. L., Parygina N. N.** Defamation as a legal category. *Bulletin of Omsk University, The Pravo series*, 2016, no. 2 (47), pp. 86–94. (in Russ.)
7. **Nikishin V. D.** Defamation offenses as a threat to media security: types, signs, and features of proof. *Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA)*, 2024, (10), pp. 61–68. (in Russ.)
8. **Potapenko S. V.** Civil law protection of honor, dignity and business reputation as a legitimate restriction on abuse of the rights to express one's opinion and beliefs, freedom of thought, speech and mass media. *Law Bulletin of Kuban State University*, 2018, no. 4, pp. 35–43. (in Russ.)
9. **Shadje A. M., Shadje M. G.** The attitude of Russians to the judicial system: factors of formation. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 2021, no. 2, pp. 191–194. (in Russ.)

### Информация об авторе

**Карунная Яна Александровна**, кандидат юридических наук

### Information about the Author

**Yana A. Karunya**, Candidate of Law

*Статья поступила в редакцию 11.03.2025;  
одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 21.03.2025*  
*The article was submitted 11.03.2025;  
approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 21.03.2025*

Научная статья

УДК 349.2

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-53-60

## **Правовое регулирование информационного взаимодействия сторон социального партнерства в сфере труда**

**Диана Петровна Чаштанова**

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

d.chashtanova@g.nsu.ru

### *Аннотация*

В статье исследуются вопросы правовой регламентации информационного взаимодействия сторон социального партнерства в сфере труда. Анализируются доктринальные позиции в рассматриваемой области, а также действующее российское и зарубежное законодательство. Обосновывается актуальность информационного взаимодействия не только в традиционной модели организации труда, но и в платформенной занятости. Делается вывод, что взаимное информирование сторон по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений является самостоятельной формой социального партнерства. Доказывается необходимость законодательного установления двусторонней обязанности предоставления информации. Формулируются принципы информационного взаимодействия. Предлагается и раскрывается механизм реализации информационного взаимодействия сторон социального партнерства.

### *Ключевые слова*

социальное партнерство в сфере труда, информационное взаимодействие сторон социального партнерства, принципы социального партнерства, формы социального партнерства, платформенная занятость

### *Для цитирования*

Чаштанова Д. П. Правовое регулирование информационного взаимодействия сторон социального партнерства в сфере труда. // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 2. С. 53–60. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-53-60

## **The Legal Regulation of Information Cooperation between Sides of Social Partnership in the Industrial Relations**

**Diana P. Chashtanova**

Novosibirsk State University,

Novosibirsk, Russian Federation

d.chashtanova@g.nsu.ru

### *Abstract*

The article examines the issues of legal regulation of information cooperation between sides of social partnership in the industrial relations. The doctrinal positions in the area under consideration, as well as the current Russian and foreign legislation, are analyzed. The relevance of information cooperation is substantiated not only in the traditional model of labor organization, but also in platform work. It is concluded that mutual informing between sides on issues of regulating labor relations and other relations directly related to them is an independent form of social partnership. The need for legislative establishment of a bilateral obligation to provide information is proved. The principles of information cooperation are formulated. A mechanism for implementing information cooperation between sides of social partnership is proposed and disclosed.

© Чаштанова Д. П., 2025

*Keywords*

social partnership in the industrial relations, information cooperation between sides of social partnership, principles of social partnership, forms of social partnership, platform work

*For citation*

Chashtanova D. P. The legal regulation of information cooperation between sides of social partnership in the industrial relations. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 2, pp. 53–60. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-53-60

В современных социально-экономических условиях наблюдается усиление роли информации во всех сферах жизни общества. Информация как объект правовых отношений пронизывает институты различных отраслей права, в том числе трудового. На сегодняшний день право на трудовую информацию является одним из основополагающих прав субъектов трудового права и включает в себя, прежде всего, правомочие на получение информации, правомочие на доступ к информации, правомочие на иную обработку информации [1, с. 134]. При этом информационными правами и обязанностями наделены не только работник и работодатель, но и другие участники трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, среди которых особое положение занимают стороны социального партнерства в сфере труда.

В советской доктрине отмечается, что, во-первых, информирование в трудовых отношениях осуществляется в процессе реализации неинформационных прав и обязанностей, во-вторых, нередко обязанность информировать составляет содержание трудовой функции работника и, в-третьих, информационная обязанность может закрепляться в качестве дополнительной самостоятельной обязанности участника трудовых отношений [2, с. 106–107]. В современном трудовом законодательстве взаимное информирование вытекает из иных обязанностей сторон, что свидетельствует о преемственности подходов к роли информации в трудовом праве.

В юридической литературе под информационным взаимодействием понимается «обмен информацией между субъектами отношения. То, как передается эта информация (устно, письменно либо в электронном виде), в такой ситуации не имеет смыслообразующего значения» [3, с. 30]. Институт социального партнерства в сфере труда направлен на постоянное информационное взаимодействие сторон по различным вопросам, затрагивающим их интересы. Вместе с тем на законодательном уровне регулирование информационного взаимодействия лаконично, а содержание права работников на получение информации не соответствует международным стандартам [4, с. 50–51].

Действующее трудовое законодательство предусматривает двустороннюю обязанность предоставления информации, необходимой для ведения коллективных переговоров и контроля за выполнением коллективного договора, соглашения<sup>1</sup>. В других случаях взаимное информирование сторон социального партнерства не установлено. Так или иначе, предоставление в разумные сроки полной и достоверной информации по вопросам, относящимся к предметам коллективных переговоров по заключению коллективного договора или коллективного трудового спора, способствует повышению уровня доверия между сторонами социального партнерства, без которого становится невозможным добросовестное ведение коллективных переговоров и разрешение коллективных трудовых споров [5, с. 74–75].

Одной из основных форм участия работников в управлении организацией является получение от работодателя информации по вопросам, непосредственно затрагивающим интересы работников, неисчерпывающий перечень которых приведен в ч. 2 ст. 53 Трудового кодекса

<sup>1</sup> См.: ч. 7 ст. 37, ч. 2 ст. 51 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

РФ (далее – ТК РФ). Право профсоюзов на информацию для осуществления своей уставной деятельности также нормативно закреплено<sup>2</sup>. С одной стороны, отказ законодателя от установления общей для сторон социального партнерства обязанности предоставления информации объясняется более слабым положением представителей работников в переговорном процессе, а с другой – ее отсутствие может привести к недостаточно эффективным результатам переговоров, не учитывающим интересы всех сторон.

Справедливо полагать, что информационное взаимодействие сторон социального партнерства следует понимать в широком и узком смыслах. В широком смысле такое взаимодействие осуществляется во всех формах социального партнерства в целях обеспечения согласования интересов сторон по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений. В узком смысле взаимное информирование представляет собой форму социального партнерства.

В науке трудового права высказываются различные точки зрения на включение информирования сторон в перечень форм социального партнерства в соответствии со ст. 27 ТК РФ. С. Ю. Чуча рассматривает получение информации работниками как потенциально возможную форму социального партнерства, отмечая необходимость установления процедуры передачи информации работникам и неблагоприятных правовых последствий нарушения работодателем указанной обязанности [6, с. 247]. Аналогичной позиции придерживается М. Х. Хасенов, который определяет информирование в качестве первичной формы социального партнерства, нуждающейся в более системном и четком механизме реализации [7, с. 172]. С. О. Казаков, напротив, утверждает, что получение работниками и их представителями информации представляет собой одну из основных форм участия работников в управлении организацией и необходимым условием, обеспечивающим реализацию других прав работников, и его не стоит рассматривать ни как самостоятельную форму социального партнерства, ни как средство обеспечения форм социального партнерства [8, с. 86].

Международная организация труда (далее – МОТ) выделяет три основные формы национального трехстороннего социального диалога<sup>3</sup>: 1) обмен информацией; 2) консультации; 3) переговоры. МОТ отмечает, что обмен информацией выступает первичной формой социального диалога, в рамках которой стороны еще не переходят к обсуждению вопросов, но уже готовы услышать мнения друг друга. В свою очередь, консультации предназначены не только для обмена информацией, но и для открытых дискуссий по тем или иным вопросам. Переговоры, будучи обязательной формой социального диалога, направлены на принятие решений посредством заключения соглашений между правительством и социальными партнерами [9, с. 38–44]. Тем не менее обмен информацией происходит в любой форме социального диалога и является первоосновой для последующих действий сторон.

Кроме того, в Рекомендации МОТ № 129 «О связях между администрацией и трудящимися на предприятии» провозглашено создание эффективной политики связей на предприятии, элементами которой являются подлинная и регулярная двусторонняя связь между социальными партнерами, надлежащие каналы связи, подходящие средства связи, характер информации и ее форма. По мнению МОТ, быстрое распространение и обмен более полной и объективной информацией по различным аспектам жизни предприятия и социальных условий трудящихся способствуют созданию атмосферы взаимопонимания и доверия на предприятии<sup>4</sup>. Подход

<sup>2</sup> См.: ст. 17 Федерального закона от 12.01.1996 № 10-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 148.

<sup>3</sup> В международной практике термины «социальный диалог» и «социальное партнерство», как правило, являются синонимами.

<sup>4</sup> Рекомендация № 129 МОТ «О связях между администрацией и трудящимися на предприятии» (принята в г. Женеве 28.06.1967 на 51-й сессии МКТ) // Конвенции и рекомендации, принятые МКТ. 1957–1990. Т. II. Женева: МБТ, 1991. С. 1521–1524.

МОТ примечателен тем, что обязанностью предоставления информации наделяются не только работодатель и его представители, но и работники и их представители.

На уровне стран – участников СНГ действуют два модельных закона, носящих рекомендательный характер и регулирующих информационное взаимодействие сторон социального партнерства, – Модельный трудовой кодекс для государств – участников СНГ (далее – МТК)<sup>5</sup> и Модельный закон СНГ о социальном партнерстве<sup>6</sup>. Указанные модельные законы закрепляют взаимное информирование сторон в качестве одного из основных принципов социального партнерства, при этом в Модельном законе СНГ о социальном партнерстве указан конкретный предмет информирования – изменение ситуации, а также выделен еще один принцип в контексте информационного взаимодействия – полное информирование сторон в целях выполнения задач социального партнерства. Кроме того, право беспрепятственно получать информацию для осуществления взаимодействия в рамках социального партнерства также установлено, между тем в Модельном законе СНГ о социальном партнерстве отмечены дополнительные характеристики информации – полнота и достоверность, а в МТК содержится уточнение, согласно которому распространение и (или) предоставление информации не должно быть ограничено законодательством. Следовательно, положения анализируемых модельных законов нельзя назвать полностью дублирующими друг друга. Помимо ранее обозначенных отличий, МТК не устанавливает срок предоставления информации по запросу. В то же время Модельный закон СНГ о социальном партнерстве данный срок определяет – не позднее двух недель со дня получения соответствующего запроса. Стоит подчеркнуть, что рассматриваемые модельные законы ограничивают право на получение информации: сведения, относящиеся к охраняемой законом тайне, не должны быть разглашены.

В некоторых странах – участниках СНГ приведенные рекомендации были учтены при разработке национального трудового законодательства. Трудовой кодекс Республики Беларусь относит взаимное информирование сторон переговоров об изменении ситуации к одному из основных принципов социального партнерства<sup>7</sup>. В Трудовом кодексе Республики Армения проведение взаимных консультаций и взаимный обмен информацией являются формами социального партнерства, а работники и их представители наделены правом на получение информации<sup>8</sup>.

Важно обратить внимание, что информационное взаимодействие имеет существенное значение не только в традиционной модели организации труда, но и в новых формах занятости, появление которых обусловлено повсеместным развитием цифровых технологий. Более того, в научной литературе высказывается мнение, что, «возможно, весь институт социального партнерства станет более цифровым в части информационного взаимодействия» [10, с. 35]. Как следствие, цифровизация привела к массовому распространению платформенной занятости, правовое регулирование которой является неопределенным и находится на стадии обсуждения как в России, так и за рубежом.

В рамках поставленного вопроса интересным представляется подход Европейского союза, где действует рамочная Директива Европейского парламента и Совета Европейского со-

<sup>5</sup> Модельный Трудовой кодекс для государств – участников СНГ (принят в г. Санкт-Петербурге 27.11.2020 Постановлением № 51-4 на 51-м заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ. 2022. № 73.

<sup>6</sup> Модельный закон СНГ о социальном партнерстве (принят в г. Санкт-Петербурге 16.11.2006 Постановлением № 27-14 на 27-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ. 2007. № 39 (ч. 2).

<sup>7</sup> Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26.07.1999 № 296-3 (ред. от 05.12.2024) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 80. 2/70.

<sup>8</sup> Трудовой кодекс Республики Армения от 14.12.2004 № ЗР-124 (ред. от 11.11.2024) // Официальные ведомости Республики Армения. 2004. № 69 (368). Ст. 1385.

юза 2002/14/ЕС от 11 марта 2002 г. об установлении общих положений об информировании и консультировании работников в Европейском сообществе (далее – Директива ЕС 2002 г.), ключевой целью которой является повышение роли представителей работников в принятии работодателем управленческих решений. Директива ЕС 2002 г. определяет минимальные требования к праву работников на информацию и консультации, среди которых осуществление практических механизмов получения информации и консультаций (предоставление информации о существующих и планируемых изменениях в сроки, позволяющие провести надлежащее исследование вопроса и подготовиться при необходимости к консультациям, и др.), защита конфиденциальной информации, защита представителей работников, ответственность за невыполнение обязательств<sup>9</sup>. Вместе с тем, как указывает Н. Л. Лютов, Директива ЕС 2002 г. «в основном сводится к унификации законодательства, а не установлению принципиально новых прав работников» [11, с. 114].

Применительно к труду лиц, занятых посредством платформ, в дополнение требований Директивы ЕС 2002 г. была разработана Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза 2024/2831 от 23 октября 2024 г. об улучшении условий труда в рамках платформенной занятости (далее – Директива ЕС о платформенной занятости), вступившая в силу с 1 декабря 2024 года. Директива ЕС о платформенной занятости распространяет на платформенных занятых гарантии, связанные с осуществлением платформами алгоритмического управления. Так, платформенные занятые, независимо от характера договорных отношений, должны иметь доступ к информации о том, как работают алгоритмы, какие персональные данные используются или как поведение этих лиц влияет на решения, принимаемые автоматизированными системами. При этом в отношении платформенных работников, состоящих с платформами в трудовых отношениях, действуют положения об информировании и консультировании в соответствии с Директивой ЕС 2002 г. Отмечается, что информация и консультации должны также охватывать вопросы, которые могут привести к внедрению или существенным изменениям в использовании автоматизированных систем мониторинга или автоматизированных систем принятия решений. Однако на платформенных занятых, имеющих гражданско-правовой статус, и их представителей нормы об информировании и консультировании не распространяются, данная категория занятых наделена правами, касающимися прозрачности автоматизированных систем мониторинга и автоматизированных систем принятия решений, ограничений на обработку или сбор персональных данных, человеческого контроля и пересмотра важных решений<sup>10</sup>. Примечательно, что ранее Европейский парламент заявлял о высокой актуальности распространения на платформенных трудящихся независимо от статуса занятости положений Директив ЕС о коллективных трудовых правах, в том числе Директивы ЕС 2002 г.<sup>11</sup>

До принятия Директивы ЕС о платформенной занятости уже предпринимались локальные инициативы ее регламентировать. В 2016 г. профсоюзы из Швеции, Германии, Австрии, Дании, США подписали Франкфуртскую декларацию о платформенной работе, которая включает платформенных занятых независимо от статуса занятости в политику обмена данными и информацией на предприятии. Среди предлагаемых стратегий взаимодействия стоит выделить установление прозрачности в отношении внутренних процессов работы платформ (назначение

<sup>9</sup> Directive 2002/14/EC of the European Parliament and of the Council of 11 March 2002 establishing a general framework for informing and consulting employees in the European Community // Official Journal of the European Communities L 80/29. 23 March 2002.

<sup>10</sup> Directive (EU) 2024/2831 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on improving working conditions in platform work. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/2831/oj/eng> (дата обращения: 10.03.2025).

<sup>11</sup> The platform economy and precarious work. URL: <http://www.europarl.europa.eu/supporting-analyses> (дата обращения: 17.03.2025).

заданий, условия отключения от платформы и др.)<sup>12</sup>. Также в отдельных странах можно было наблюдать положительную правоприменительную практику по обозначенному направлению. В Италии в 2023 году Суд по трудовым спорам Палермо обязал платформу предоставить профсоюзам информацию о работе алгоритмов, за исключением охраняемой законом тайны. Иное, по мнению суда, противоречит свободе объединения [12, р. 69].

Можно сделать вывод, что взаимное информирование сторон по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений следует рассматривать в качестве самостоятельной формы социального партнерства. Информационное взаимодействие охватывает весь институт социального партнерства и не ограничивается только локальным уровнем. Кроме того, обязанность предоставления информации должна быть двусторонней и возлагаться как на работодателя и его представителей, так и на работников и их представителей. Действующие нормы не обязывают работников уведомлять работодателя о создании профсоюза, о членстве в профсоюзе, об особом правовом статусе членов профсоюза, о смене вышестоящего профсоюза и др., что может привести к злоупотреблениям со стороны работников. Так, работники вправе создать профсоюз после получения уведомления о проведении сокращения численности или штата, в результате чего повышается риск нарушения работодателем гарантий, связанных с расторжением трудового договора по соответствующему основанию.

В связи с недостаточным регулированием информационного взаимодействия на законодательном уровне существует необходимость определения фундаментальных основ такого взаимодействия посредством установления его принципов. К принципам информационного взаимодействия следует отнести обязательность, достоверность информации, полноту информации, доступность информации, своевременность передачи и получения информации, соблюдение установленной законом формы, непричинение вреда интересам сторон, соблюдение охраняемой законом тайны, ответственность сторон за немотивированный отказ в предоставлении информации и нарушение сроков предоставления.

Механизм реализации информационного взаимодействия также нуждается в нормативном регулировании. Прежде всего необходимо предусмотреть порядок предоставления информации, заключающийся в направлении запроса стороной социального партнерства и последующим предоставлением ответа на запрос другой стороной, за исключением предоставления информации без предварительного запроса в случаях, предусмотренных законом<sup>13</sup>. Представляется, что в запросе следует отразить срок предоставления ответа – не менее двух недель со дня поступления соответствующего запроса. При этом, если в законе предельный срок информирования по тому или иному вопросу установлен<sup>14</sup>, правило о минимальном двухнедельном сроке не применяется. Также запрос может содержать цель получения информации и ее обоснование со ссылкой на правовые основания, указание на конкретную форму, в которой нужно предоставить информацию (например, в форме отчета), или истребуемые документы и др. Сторона социального партнерства вправе направить мотивированный отказ в предоставлении информации. Причинами для отказа могут служить следующие основания: 1) сторона не обладает запрашиваемой информацией; 2) содержание запроса не позволяет установить требуемую информацию; 3) информация ранее была предоставлена; 4) информация относится к сведе-

<sup>12</sup> Frankfurt Paper on Platform-Based Work: Proposals for platform operators, clients, policy makers, workers, and worker organizations. URL: <https://resources.platform.coop/resources/frankfurt-paper-on-platform-based-work/> (дата обращения: 17.03.2025).

<sup>13</sup> См., например: ч. 5 ст. 47 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.; п. 2 ст. 12 Федерального закона от 12.01.1996 № 10-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 148.

<sup>14</sup> См., например: ч. 2 ст. 51, ч. 2 ст. 370 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

ниям ограниченного доступа, включая сведения о частной жизни сторон; 5) предоставление информации может причинить вред интересам сторон; 6) иные основания.

В заключение следует согласиться с немецким ученым-трудовиком М. Вайсом, по мнению которого в современных условиях участие работников и их представителей в принятии управленческих решений особенно важно. Чем больше работников будут вовлечены в процесс уже на ранних этапах, тем выше будет легитимность принятия решений. Сказанное относится также ко всем представителям цифрового труда [13, р. 22–23]. Без налаженных информационных связей сложно представить эффективное участие работников в управлении организацией и развитие института социального партнерства в целом.

### Список литературы

1. **Лушников А. М., Лушникова М. В.** Трудовые права в XXI веке: современное состояние и тенденции развития. М.: Проспект, 2022. 272 с.
2. **Савич В. И.** Управление трудом и трудовое право. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. 224 с.
3. **Туманов А. А.** Электронное взаимодействие субъектов трудовых и непосредственно связанных с ними отношений: правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 211 с.
4. **Лютлов Н. Л., Герасимова Е. С.** Международные трудовые стандарты и российское трудовое законодательство. М.: Центр социально-трудовых прав, 2015. 190 с.
5. **Воронкова Е. Р.** Понятие и принципы социального партнерства в сфере труда // Юридическая наука и практика. 2016. Т. 12, № 2. С. 71–79.
6. **Чуча С. Ю.** Обеспечение и защита социально-трудовых прав в условиях трансформации сферы труда и занятости. М.: Проспект, 2024. 448 с.
7. **Хасенов М. Х.** Совершенствование нормативно-правовой основы социального партнерства в государствах Евразийского экономического союза с учетом международных трудовых стандартов // Lex russica. 2020. № 1. С. 160–175.
8. **Казаков С. О.** Основные формы социального партнерства в России и Германии: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 225 с.
9. Национальный трехсторонний социальный диалог. Руководство МОТ по эффективному управлению / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. М.: МОТ, 2014. 296 с.
10. **Лушников А. М.** Цифровизация трудового права и трудовые отношения // Закон. 2022. № 10. С. 28–37.
11. **Лютлов Н. Л.** Консультации и информирование работников в праве Европейского союза // Российский юридический журнал. 2009. № 4(67). С. 108–117.
12. Realizing decent work in the platform economy. Geneva: ILO, 2024. 129 p.
13. Weiss M. Challenges for Workers' Participation // The Collective Dimensions of Employment Relations. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. P. 15–28.

### References

1. **Lushnikov A. M., Lushnikova M. V.** Labor rights in the 21st century: current state and development trends. Moscow, Prospect publ., 2022, 272 p. (in Russ.)
2. **Savich V. I.** Labor management and labor law. Tomsk, Publishing house of Tomsk University, 1986, 224 p. (in Russ.)
3. **Tumanov A. A.** Electronic cooperation of subjects of labor relations and relations directly related to them: legal aspect: dissertation ... candidate of legal sciences. Yekaterinburg, 2018, 211 p. (in Russ.)

4. **Lyutov N. L., Gerasimova E. S.** International labor standards and Russian labor legislation. Moscow, Center for Social and Labor Rights, 2015, 190 p. (in Russ.)
5. **Voronkova E. R.** Concept and principles of social partnership in the industrial relations. *Legal Science and Practice*, 2016, vol. 12, no. 2, pp. 71–79. (in Russ.)
6. **Chucha S. Yu.** Ensuring and protecting social and labor rights in the context of the transformation of the sphere of labor and employment. Moscow, Prospect, 2024, 448 p. (in Russ.)
7. **Khasenov M. Kh.** Improving the Legal Framework for Social Partnership in the Eurasian Economic Union States under International Labor Standards. *Lex russica*, 2020, no. 1, pp. 160–175. (in Russ.)
8. **Kazakov S. O.** The main forms of social partnership in Russia and Germany: a comparative legal analysis: dissertation ... Cand. of Law. Moscow, 2015, 225 p. (in Russ.)
9. National tripartite social dialogue: an ILO guide for improved governance / ILO Decent Work Technical Support Team and Country Office for Eastern Europe and Central Asia. Moscow, ILO, 2014, 296 p. (in Russ.)
10. **Lushnikov A. M.** Digitalization of labor law and labor relations. *Law*, 2022, no. 10, pp. 28–37. (in Russ.)
11. **Lyutov N. L.** Employees informing and consulting in the European Union law. *Russian Law Journal*, 2009, no. 4 (67), pp. 108–117. (in Russ.)
12. Realizing decent work in the platform economy. Geneva: ILO, 2024, 129 p.
13. **Weiss M.** Challenges for Workers' Participation. In: *The Collective Dimensions of Employment Relations*. Cham Palgrave Macmillan, 2021, pp. 15–28.

### Информация об авторе

**Чаштанова Диана Петровна**, аспирант Института философии и права Новосибирского государственного университета  
SPIN 9061-5027

### Information about the Author

**Diana P. Chashtanova**, postgraduate student of the Institute of Philosophy and Law of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)  
SPIN 9061-5027

*Статья поступила в редакцию 17.02.2025;  
одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 21.03.2025*

*The article was submitted 17.02.2025;  
approved after reviewing 05.03.2025; accepted for publication 21.03.2025*

Научная статья

УДК 343.713

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-61-67

## Угроза как способ совершения преступлений против собственности: концепция «чувствительной» информации

Роман Николаевич Боровских<sup>1</sup>

Ольга Валерьевна Шмыгина<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Новосибирский государственный университет  
Новосибирск, Россия

<sup>2</sup>Сибирский университет потребительской кооперации  
Новосибирск, Россия

<sup>1</sup>mail@rborovskih.ru

<sup>2</sup>olga78an1@rambler.ru

### Аннотация

В статье рассматриваются актуальные проблемы юридической оценки использования различного рода информации при совершении преступлений против собственности. В результате проведенного исследования сформулировано несколько критериев, которые наделяют определенную информацию качеством «чувствительность». Делается вывод о том, что качество угрозы может приобрести любая информация, исходя из ее содержания, формы, выражения и трансляции адресату, а также особенностей субъективного восприятия адресатами такой информации.

### Ключевые слова

угроза, шантаж, имущество, информация, информационная безопасность, stalking, уголовная ответственность

### Для цитирования

Боровских Р. Н., Шмыгина О. В. Угроза как способ совершения преступлений против собственности: концепция «чувствительной» информации // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 2. С. 61–67. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-61-67

## Threat as a Way of Committing Crimes Against Property: the Concept of “Sensitive” Information

Roman N. Borovskikh<sup>1</sup>, Olga V. Shmygina<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Novosibirsk National Research State University  
Novosibirsk, Russian Federation

<sup>2</sup>Siberian University of Consumer Cooperation  
Novosibirsk, Russian Federation

<sup>1</sup>mail@rborovskih.ru

<sup>2</sup>olga78an1@rambler.ru

### Abstract

The article discusses the current problems of legal assessment of the use of various types of information in the commission of crimes against property. As a result of the conducted research, several criteria have been formulated that endow certain information with the quality of “sensitivity”. It is concluded that any information can acquire the quality

of a threat based on its content, form, expression and transmission to the addressee, as well as the peculiarities of the addressees' subjective perception of such information.

*Keywords*

threat, blackmail, property, information, information security, stalking, criminal liability

*For citation*

Borovskikh R. N., Shmygina O. V. Threat as a way of committing crimes against property: the concept of "sensitive" information. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 2, pp. 61–67. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-61-67

В современном обществе, в условиях повсеместной информатизации, компьютеризации, роботизации, виртуализации, цифровизации и т. п., многие сущности, в том числе правовые, должны рассматриваться через «призму» информации, концепт информации. Является закономерным, что концепт «информация» широко представлен исследованиях, посвященных вопросам правового регулирования и правовой охраны общественных отношений, и уголовно-правовые исследования также не являются исключением.

Разумеется, информация – еще не есть угроза. Далеко не любая информация, доведенная до сведения человека, становится для него угрожающей. Здесь даже возможны любопытные противоположности: так, негативная информация о человеке, т. е. объективно содержащая для него угрозу, нередко не воспринимается им в таком качестве (например, когда адресат не имеет оснований опасаться такой угрозы); и, наоборот, часто вполне нейтральные либо, в ряде случаев, положительные сведения могут быть для их адресата серьезной угрозой (например, информация о человеке как владельце крупного денежного приза и т. д.). В современной правоприменительной практике можно обнаружить немало примеров вымогательских требований и других преступных действий, совершаемых под угрозой придания гласности информации о каких-либо конфиденциальных обстоятельствах личной и общественной жизни человека. Свежи в памяти примеры вымогательства в отношении высокопоставленных лиц и медийных персон, совершенные администраторами телеграм-каналов и владельцев пабликов в социальных сетях [1].

Информационный портал лаборатории Касперского называет подобные деяния доксингом – от англ. сленговых слов «drop dox» (скинуть документы), «dox» (документы). Речь идет о ситуациях, когда требование передачи имущества сопровождается угрозой собирать из открытых источников и распространять (делать «вбросы» в информационное пространство) разнообразной информации о человеке, не относящейся к личной или иной тайне (его хобби, увлечениях, приобретениях, посещениях им публичных мест, знакомствах, награждении, работе и пр.). Важно отметить, что уголовно-правовая оценка содеянного как вымогательства в таких случаях не всегда является возможной. Причиной тому является формальное несоответствие той информации, которую злоумышленники обещают придать огласке, пониманию угрозы в традиционном уголовно-правовом смысле [2, с. 144]. В уголовно-правовой литературе подобное преследование со стороны недобросовестных журналистов и других лиц иногда называют сталкингом или сталкерством [3, с. 29–35].

В Интернете можно найти много примеров рассматриваемых общественно опасных практик, когда в целях совершения преступлений против собственности злоумышленниками используется определенная (часто внешне безобидная) информация: использование шерентинга (размещения родителями чрезмерного контента о детях в социальных сетях), груминга (тесной дружба для дальнейшей эксплуатации), «темных» паттернов (вводящих в заблуждение дизайнов интерфейсов) и другой дезинформации. Специалисты предупреждают, что серьезным имущественным ущербом угрожает обернуться обладание и использование хакерами такой незначительной информации, как адрес личной электронной почты.

Весьма любопытны в рассматриваемом плане исследования, которые показывают, что пригодную для целей шантажа информацию злоумышленники могут получить на основании контент-анализа любой информации, «потребляемой» человеком в информационном пространстве, поскольку такая информация есть форма проявления идентичности человека, т. е. информация о нем самом [4, с. 98–119].

Из приведенных примеров и рассуждений следует вывод о том, что качество угрозы может приобрести любая информация, исходя из определенных факторов: конкретного содержания, формы и нюансов выражения и трансляции адресату, а также особенностей субъективного восприятия адресатами такой информации. Возникает вопрос: возможно ли существование некой интегративной характеристики всех подобных факторов, которая определяла бы конвертацию определенной информации в угрозу и являлась бы пригодной для целей уголовно-правовой характеристики соответствующих имущественных и иных преступлений.

Существующее в научной литературе понимание того, когда определенная информация может становиться уголовно-релевантной угрозой, в основном связано с критериями оценки реальности такой угрозы. Имеющиеся подходы к определению реальности угрозы можно классифицировать как субъективный, объективный, субъективно-объективный. Данная классификация зависит от того, какой смысл вкладывают сторонники того или иного подхода в оценку реальности угрозы.

Возможно выделить следующий классический перечень критериев реальности угрозы:

1) основания опасаться ее исполнения: эти основания обусловлены субъективной оценкой обстоятельств получения угрозы, а также иных сведений, имеющихся в распоряжении потерпевшего, лица, к которому эта угроза была обращена;

2) форма угрозы: оценка потерпевшим угрозы как реальной может быть связана со способом получения требования вымогателя, но этот способ не влияет на квалификацию действий как вымогательства, хотя форма угрозы, например, конклюдентные действия, может свидетельствовать о намерении вымогателя привести ее в исполнение (например, виновный подошел к потерпевшим с ружьем, произвел выстрел в землю, потребовал передачи ему денежных средств; угрозы он не высказывал, но потерпевшие имели основания опасаться наступления отрицательных последствий, обусловленных последующими действиями со стороны виновного)<sup>1</sup>;

3) угроза необязательно может быть реализована незамедлительно, это могут быть действия, совершаемые виновным в последующем, если потерпевший не выполнит его требования.

Показательна ситуация массовой, многоадресной рассылки электронных писем о якобы имевшем место аморальном поведении адресата, с требованием передачи денежных средств за неразглашение таких сведений. Злоумышленник действует в таком случае наугад. Получатель информации уверен, что угроза в такой информации реально не осуществима (например, аморального поведения с его стороны не было), но и транслятор информации-угрозы не имеет достаточных оснований считать, что его угроза возымеет действие. При всем этом рассылаемая информация, очевидно, получает «эффект», качество угрозы. Критерий реальности угрозы в таких случаях оказывается не вполне пригодным. Следовательно, повторим, качество угрозы информация приобретает далеко не только исходя из критерия реальности соответствующей угрозы. В этой связи полагаем и предлагаем, что искомой интегративной характеристикой может выступать категория «чувствительности» информации или концепт «чувствительной» информации.

<sup>1</sup> Приговор Коченевского районного суда Новосибирской области от 25.09.2019 по делу № 1-147/2019 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебныерешения.рф/44473737> (дата обращения: 20.02.2025).

Словосочетание «чувствительная информация», при всем очевидном скепсисе в ее юридическом измерении, в последнее время стало весьма популярным в информационном пространстве [5] и научной литературе [6, с. 42–46].

Как правило, термин «чувствительная информация» используется в сфере финансов: это информация, несанкционированное раскрытие, модификация или сокрытие которой может привести к ощутимому убытку или (денежному) ущербу.

В российском нормативном поле данный термин в настоящее время отсутствует, однако следует упомянуть об отдельных попытках законодателей предложить законопроекты, где данный термин использовался.

Так, например, по информации главы комиссии Совета Федерации РФ по защите государственного суверенитета А. Климова, в 2020 г. парламентариями был разработан законопроект об изменениях в УК РФ, который предусматривал «...норму о наказании для физлиц, занимающихся сбором информации чувствительного характера и нарушающего законодательство об иноагентах» [7]. В результате в соответствующем законопроекте была исключена формулировка «чувствительные данные», а сам законопроект снят с рассмотрения<sup>2</sup>.

Однако в правоприменительной практике можно встретить судебные решения, где термин «чувствительная информация» упоминается<sup>3</sup>.

Полагаем верным исходить из того, что «чувствительная» информация – это, прежде всего, информация ограниченного доступа.

С учетом сказанного сформулируем далее несколько критериев, которые, на наш взгляд, наделяют определенную информацию качеством «чувствительность».

Во-первых, характер информации (здесь укажем, что такой характер может быть негативным, социально нейтральным и, в ряде случаев, социально положительным). Это могут быть клеветнические заявления и диффамационные сведения о порочащих поступках, а также иная компрометирующая человека информация. Также следует обратить внимание на проблему оценки высказанных суждений как личного мнения или утверждения о факте. В современной практике негативная информация часто передается огласке с оговоркой о личном мнении, что в ряде случаев нейтрализует возможности ее юридической оценки как компрометирующей и, как следствие, уголовно-релевантной [8, с. 129–133].

Не менее проблематичными являются ситуации, когда характер информации при угрозе предстает в социально нейтральном либо даже социально положительном свете. Здесь показателен пример, связанный с информацией о поведении человека в сфере электронной коммерции.

Так, специалисты утверждают, что любой человек, как потенциальный или реальный покупатель товаров и услуг в Интернете, оставляет определенную информацию – так называемый «экономический след», которую возможно использовать как угрозу.

Видно, что большинство из указанных сведений носят, как правило, социально нейтральный характер, но вполне могут быть использованы злоумышленником в качестве «чувствительной» информации и конвертированы в угрозу при совершении вымогательства или другого преступления против собственности. То же самое можно сказать о случаях, когда в преступных целях как угроза может быть использована социально-положительная информация (например, о человеке как об участнике специальной военной операции либо как о победителе лотереи, получателе крупного денежного приза и т. п.).

<sup>2</sup> Законопроект № 1057914-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия угрозам национальной безопасности» // Портал «Система обеспечения законодательной деятельности». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1057914-7> (дата обращения: 22.02.2025).

<sup>3</sup> Определение № А40-132453/2021 от 18.05.2022 Арбитражного Суда Московского округа // Чувствительная информация – гражданское законодательство и судебные прецеденты. URL: <https://lawnotes.ru/podborki-gk-rf/chuvstvitelnaya-informatsiya> (дата обращения: 22.02.2025).

Таким образом, характер информации – важный, но не единственный критерий отнесения информации к категории «чувствительная».

Во-вторых, контекст передачи (объективации, выражения, трансляции) информации, учитывающий форму и обстановку выражения, а также сопутствующую транслируемым сведениям дополнительную информацию (фон). Например, весьма распространенным явлением является так называемый «шерентинг» (от англ. sharenting – сочетание англ. слов share – совместное использование и parenting – воспитание), представляющий собой практику родителей публиковать большое количество потенциально конфиденциального контента о своих детях на интернет-платформах. Как верно указывают специалисты, «шерентинг таит в себе и много опасностей, таких как кража персональных данных и потенциальное внимание со стороны злоумышленников. Кроме того, шерентинг может привести к негативным последствиям для ребенка, когда он вырастет. Например, повлиять на возможности его трудоустройства»<sup>4</sup>. В частности, такая информация может быть конвертирована преступником в угрозу путем направления потерпевшему фотографий и видеозаписей о его детях и близких, без какого-либо текста, но с «намёком» на слежку за ребенком, его преследование, контроль за ним, сексуальный интерес и т. п.

В-третьих, особенности субъективного восприятия конкретным адресатом информации. Здесь важную роль играют мотивы, эмоции, установки и социальный опыт человека; когнитивные процессы (когда человек осмысливает информацию, руководствуясь необходимостью сформировать понятную ему картину реальности, подчиняя осмысление фактов эмоциям и потребностям); социально-культурные особенности человека, его половозрастные характеристики и т. д.

Специалисты отмечают, что информационная безопасность является серьезной психологической проблемой, поскольку «особенности информационного воздействия состоят в том, что, кроме специальных технологий воздействия, используются приемы, направленные на запугивание людей и, что самое главное, на нивелирование их собственной активности, направленной на проверку поступающей информации и ее селекцию» [9, с. 45–46].

Сказанное убеждает в том, что субъективно воспринимаемая информация часто является для конкретного человека чувствительной и, как следствие, может использоваться для формирования угрозы в отношении этого человека.

С учетом изложенного представляется возможным определить понятие «чувствительная информация» следующим образом: это информация негативного, социально нейтрального либо, в ряде случаев, социально положительного характера, которая в зависимости от контекста ее передачи адресату и его субъективного восприятия данной информации при распространении (огласке) представляет угрозу правам и законным интересам адресата, его близких либо иных лиц, а также способна причинить указанным лицам моральный вред и (или) имущественный ущерб.

### Список литературы

1. **Александров А.** Блок не помешал процессу. Администраторов Telegram-каналов судят за вымогательства // Коммерсантъ. 2024. 3 янв. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6428797> (дата обращения: 27.02.2025).
2. **Овсяков Д. А.** Использование информационно-телекоммуникационных сетей при совершении вымогательства // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 16, № 2. С. 144.

<sup>4</sup> О чем должны подумать родители, прежде чем публиковать фотографии детей в Интернете // Информационный портал «Kaspersky». URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/children-photos-and-online-safety> (дата обращения: 27.02.2025).

3. **Куликов А. В., Егорычева Е. А.** Проблемы и перспективы криминализации stalking в России // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. № 3. С. 29–35.
4. **Шилова В. А., Яковлева А. А.** Потребление информации как форма проявления идентичности (ч. 1) // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2021. Т. 6, № 2. С. 98–119.
5. Чувствительные данные: как отделить важное от обычного. Информационный портал «Securitymedia.org». URL: <https://securitymedia.org/info/chuvstvitelnye-dannye-kak-otdelit-vazhnoe-ot-obychnogo.html> (дата обращения: 27.02.2025).
6. **Сидак А. А.** Вопросы применения на объектах критической информационной инфраструктуры инновационных автоматизированных рабочих мест Интернет, обеспечивающих защиту чувствительной речевой и визуальной информации // Информационные войны. 2023. № 4 (68). С. 42–46.
7. В Совфеде предложили сажать иноагентов за сбор чувствительной информации // Информационный портал «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/society/27/11/2020/5fc14a0d9a79476ebc96b739> (дата обращения: 22.02.2025).
8. **Гаджиалиева Н. Ш., Абдурахманов Д. К.** Разграничение утверждений о фактах и оценочных суждений при разрешении диффамационных споров // Вестник Дагестан. гос. ун-та. Серия 3: Общественные науки. 2018. № 3. С. 129–133.
9. **Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е., Падун М. А., Хажуев И. С., Казымова Н. Н., Быховец Ю. В., Дан М. В.** Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности; под общ. ред. Н. Е. Харламенковой. М.: Институт психологии РАН, 2017. С. 45–46.

### References

1. **Alexandrov A.** Blok did not interfere with the process. Administrators of Telegram channels are being tried for extortion. *Kommersant newspaper*. 2024. 3 Jan. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6428797> (date of request: 02/27/2025).
2. **Ovsyukov D. A.** The use of information and telecommunication networks in the commission of extortion. *Actual problems of Russian law*, 2022, vol. 16, no. 2, pp. 144. (in Russ.)
3. **Kulikov A. V., Egorycheva E. A.** Problems and prospects of criminalization of stalking in Russia. *Izvestiya TulSU. Economic and legal sciences*, 2022, no. 3, pp. 29–35. (in Russ.)
4. **Shilova V. A., Yakovleva A. A.** Information consumption as a form of identity manifestation (part 1). *Communications. Media. Design*, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 98–119. (in Russ.)
5. Sensitive data: how to separate the important from the ordinary. Information portal “Securitymedia.org”. URL: <https://securitymedia.org/info/chuvstvitelnye-dannye-kak-otdelit-vazhnoe-ot-obychnogo.html> (date of request: 02/27/2025). (in Russ.)
6. **Sidak A. A.** Issues of the use of innovative automated Internet workstations at critical information infrastructure facilities that protect sensitive speech and visual information. *Information Wars*, 2023, № 4(68), pp. 42–46. (in Russ.)
7. The Federation Council proposed to imprison foreign agents for collecting sensitive information. *RBK Information Portal*. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/11/2020/5fc14a0d9a79476ebc96b739> (date of request: 02/22/2025).
8. **Gadzhialieva N. S., Abdurakhmanov D. K.** Differentiation of statements about facts and value judgments in resolving defamation disputes. *Bulletin of Dagestan State University*. Series 3: Social Sciences, 2018, no. 3, pp. 129–133. (in Russ.)
9. **Tarabrina N. V., Kharlamenkova N. E., Padun M. A., Khazhiev I. S., Kazymova N. N., Bykhovets Yu. V., Dan M. V.** Intense stress in the context of psychological safety; ed. by N. E. Kharlamenkova. Moscow, Publishing House “Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences”, 2017, pp. 45–46. (in Russ.)

### Информация об авторах

**Боровских Роман Николаевич**, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Новосибирского государственного университета

**Шмыгина Ольга Валерьевна**, старший преподаватель Сибирского университета потребительской кооперации

### Information about the Authors

**Roman N. Borovskikh**, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of Novosibirsk National Research State University Novosibirsk, Russian Federation

**Olga V. Shmygina**, Senior Lecturer, Siberian University of Consumer Cooperation (SibUPK) (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 18.03.2025;  
одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 21.03.2025*

*The article was submitted 18.03.2025;  
approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 21.03.2025*

Научная статья

УДК 343.545

DOI 10.25205/2542-0410-2025- 21-2-68-77

**Организация занятия проституцией,  
совершенная в групповых формах соучастия:  
проблемы дифференциации уголовной ответственности  
и квалификации преступления**

**Надежда Владимировна Тыдыкова<sup>1</sup>**

**Роман Дмитриевич Шарапов<sup>2,3</sup>**

<sup>1</sup>Алтайский государственный университет  
Барнаул, Россия

<sup>2</sup>Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)  
Университета прокуратуры Российской Федерации  
Санкт-Петербург, Россия

<sup>3</sup>Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации,  
Санкт-Петербург, Россия

academnauka@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7889-9314>  
Srd72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9834-1174>

*Аннотация*

В статье рассматриваются проблемы дифференциации уголовной ответственности за организацию занятия проституцией (ст. 241 УК РФ) и квалификации этого преступления, когда оно совершено в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы. На основе анализа судебной статистики авторы аргументируют предложение о необходимости использования в качестве инструмента для дифференциации уголовной ответственности за организацию занятия проституцией квалифицирующих обстоятельств совершения преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Отдельное внимание уделяется вопросам квалификации организации занятия проституцией, совершенной в групповых формах соучастия, таким как установление признаков организованной группы, необходимость дополнительной квалификации преступной деятельности по статьям о бандитизме и организации преступного сообщества.

*Ключевые слова*

организация занятия проституцией, дифференциация ответственности за организацию занятия проституцией, организация занятия проституцией группой лиц по предварительному сговору, организация занятия проституцией организованной группой, наказание за организацию занятия проституцией

*Для цитирования*

Тыдыкова Н. В., Шарапов Р. Д. Организация занятия проституцией, совершенная в групповых формах соучастия: проблемы дифференциации уголовной ответственности и квалификации преступления // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 2. С. 68–77. DOI 10.25205/2542-0410-2025- 21-2-68-77

© Тыдыкова Н. В., Шарапов Р. Д., 2025

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 2  
Juridical Science and Practice, 2025, vol. 21, no. 2

## Organisation of Prostitution Committed in Group Forms of Complicity: Problems of Differentiation of Criminal Liability and Qualification of the Crime

Nadezhda V. Tydykova<sup>1</sup>, Roman D. Sharapov<sup>2,3</sup>

<sup>1</sup>Altai state university,  
Barnaul, Russian Federation

<sup>2</sup>St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation,  
St. Petersburg, Russian Federation

<sup>3</sup>St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,  
St. Petersburg, Russian Federation

academnauka@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7889-9314>  
Srd72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9834-1174>

### Abstract

The article is devoted to the consideration of the problem of differentiation of criminal liability for organising prostitution (Article 241 of the Criminal Code of the Russian Federation) and qualification of this crime when it is committed as part of a group of persons by prior conspiracy or an organised group. Based on the analysis of judicial statistics, the authors argue the need to use as a tool for differentiating criminal liability for organising prostitution the qualifying circumstances of committing the crime by a group of persons by prior conspiracy or an organised group. Special attention is paid to the issues of qualification of organisation of prostitution committed in group forms of complicity, such as the establishment of signs of an organised group, the need for additional qualification of criminal activity under articles on banditry and organisation of a criminal association.

### Keywords

organisation of prostitution, differentiation of responsibility for organisation of prostitution, organisation of prostitution by a group of persons by prior conspiracy, organisation of prostitution by an organised group, punishment for organisation of prostitution

### For citation

Tydykova N. V., Sharapov R. D. Organisation of prostitution committed in group forms of complicity: problems of differentiation of criminal liability and qualification of the crime. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 2, pp. 68–77. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-68-77

В практике уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с эксплуатацией проституции, наблюдается устойчивая тенденция квалификации преступных посягательств фигурантов уголовных дел этой категории по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 240 УК РФ (вовлечение в занятие проституцией) и ст. 241 УК РФ (организация занятия проституцией). Как правило, последнее из инкриминируемых преступлений, учитываемая сложный характер преступной деятельности, совершается в групповых формах соучастия.

Уголовная ответственность за вовлечение в занятие проституцией дифференцирована в зависимости от того, совершено это преступление единолично или группой лиц по предварительному сговору (п. «в» ч. 2 ст. 240 УК РФ), организованной группой (ч. 3 ст. 240 УК РФ). В ст. 241 УК РФ уголовная ответственность за организацию занятия проституцией в зависимости от видов соучастия не дифференцирована. В юридической литературе ставился вопрос о введении в качестве квалифицирующего и особо квалифицирующего признаков этого состава преступления совершение его группой лиц по предварительному сговору и организованной группой [1, с. 69]. Однако долгое время теоретическое предложение не воспринимается законодателем.

Одним из основных правил законодательного конструирования квалифицированных составов преступлений, разработанных в теории дифференциации уголовной ответственности, является то, что «обстоятельства, которым придается статус квалифицирующих признаков, не должны быть нормой для большинства преступлений с основным составом» [2, с. 36; 3,

с. 183]. Должна быть нехарактерность отягчающего обстоятельства, претендующего на роль квалифицирующего признака, для большинства случаев совершения данного преступления, предусмотренного в основном составе [4, с. 266]. Поэтому можно предположить, что невосприимчивость законодателя к использованию в ст. 241 УК РФ указанных и достаточно востребованных в других уголовно-правовых нормах инструментов дифференциации уголовной ответственности обусловлена тем, что такое преступление совершается в подавляющем большинстве случаев именно в группе лиц, что не предполагает необходимости дифференциации уголовной ответственности в зависимости от этого признака. Однако анализ статистических данных показывает, что организация занятия проституцией совершается лицами как единолично, так и в соучастии, при этом количество случаев совершения этого преступления в составе группы не составляет преимущественного большинства, что заставляет критически относиться к вышеупомянутому аргументу о нецелесообразности дифференциации уголовной ответственности в зависимости от этого обстоятельства (табл. 1).

Таблица 1

Количество осужденных по частям 1 и 2 ст. 241 УК РФ в 2020–2023 гг. в РФ<sup>1</sup>

| Показатели                 | 2023 г.           |                   | 2022 г.           |                   | 2021 г.           |                   | 2020 г.           |                   |
|----------------------------|-------------------|-------------------|-------------------|-------------------|-------------------|-------------------|-------------------|-------------------|
|                            | ч.1 ст. 241 УК РФ | ч.2 ст. 241 УК РФ | ч.1 ст. 241 УК РФ | ч.2 ст. 241 УК РФ | ч.1 ст. 241 УК РФ | ч.2 ст. 241 УК РФ | ч.1 ст. 241 УК РФ | ч.2 ст. 241 УК РФ |
| Всего осуждено             | 315               | 20                | 309               | 10                | 212               | 26                | 198               | 32                |
| Из них в группе лиц        | 170<br>(54 %)     | 15<br>(75 %)      | 189<br>(61 %)     | 8<br>(80 %)       | 90<br>(42 %)      | 14<br>(53 %)      | 91<br>(46 %)      | 27<br>(84 %)      |
| В том числе, в орг. группе | 97<br>(30 %)      | 8<br>(40 %)       | 125<br>(40 %)     | 1<br>(10 %)       | 41<br>(19 %)      | 8<br>(30 %)       | 56<br>(28 %)      | 14<br>(43 %)      |

Вместе с тем назначение наказания, например, в пределах санкции ч. 1 ст. 241 УК РФ, не позволяет учесть повышенную общественную опасность такого преступления, совершенного группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Анализ статистических данных показал, что для 38–50 % осужденных по ч. 1 ст. 241 УК РФ в последние годы избирается штраф, а для 36–59 % осужденных назначенное наказание в виде лишения свободы суд постановляет считать условным (табл. 2). С учетом особенностей анализируемой нормы в число этих осужденных входят и те, кто совершил преступление в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, избирая при осуждении по ч. 1 ст. 241 УК РФ в качестве наказания лишение свободы и назначая его к реальному отбыванию, суды в подавляющем большинстве случаев определяют его срок как не превышающий 1 год или в интервале от 1 года до 2 лет (табл. 3).

Заслуживает внимания и то, что санкции частей 2 и 3 ст. 240 УК РФ, предусматривающие наказание за вовлечение в занятие проституцией, в том числе группой лиц по предварительному сговору и организованной группой, не содержат наказания в виде штрафа. Оба состава преступления относятся к категории тяжких. Если по ч. 1 ст. 240 УК РФ реальное лишение

<sup>1</sup> Отчет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ за 12 месяцев 2020–2023 гг. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 18.06.2024).

Таблица 2

Количество осужденных по частям 1 и 2 ст. 241 УК РФ в 2020–2023 гг. в РФ и назначенных им наказаний\*

| Показатели                                                              | 2020 г.       |              | 2021 г.       |              | 2022 г.         |             | 2023 г.       |             |
|-------------------------------------------------------------------------|---------------|--------------|---------------|--------------|-----------------|-------------|---------------|-------------|
|                                                                         | ч. 1          | ч. 2         | ч. 1          | ч. 2         | ч. 1            | ч. 2        | ч. 1          | ч. 2        |
| Всего осуждено                                                          | 198           | 32           | 212           | 26           | 309             | 10          | 315           | 20          |
| Назначено лишение свободы (реальное)                                    | 11<br>(5 %)   | 12<br>(37 %) | 15<br>(7 %)   | 10<br>(38 %) | 27<br>(8 %)     | 4<br>(40 %) | 23<br>(7 %)   | 8<br>(40 %) |
| Назначено лишение свободы (условное)                                    | 117<br>(59 %) | 20           | 110<br>(51 %) | 10           | 153<br>(49,5 %) | 4           | 114<br>(36 %) | 6           |
| Назначен штраф                                                          | 66<br>(33 %)  | 0            | 81<br>(38 %)  | 0            | 119<br>(38 %)   | 0           | 161<br>(51 %) | 0           |
| Освобождено от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа | 47            | 47           | 58            | 0            | 8               | 0           | 19            | 0           |

\* Отчет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета slo-жения) за 12 месяцев 2020–2023 гг. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 18.06.2024).

Таблица 3

Сроки лишения свободы, назначенного осужденным по частям 1 и 2 ст. 241 УК РФ в 2020–2023 гг. в РФ\*

|      | Лишение свободы на срок до 1 года |      |      |      | Лишение свободы на срок свыше 1 года до 2 лет |      |      |      | Лишение свободы на срок свыше 2 лет до 3 лет |      |      |      | Лишение свободы на срок свыше 3 лет до 5 |      |      |      |
|------|-----------------------------------|------|------|------|-----------------------------------------------|------|------|------|----------------------------------------------|------|------|------|------------------------------------------|------|------|------|
|      | 2023                              | 2022 | 2021 | 2020 | 2023                                          | 2022 | 2021 | 2020 | 2023                                         | 2022 | 2021 | 2020 | 2023                                     | 2022 | 2021 | 2020 |
|      | ч. 1                              | 14   | 11   | 0    | ч. 1                                          | 14   | 11   | 0    | ч. 1                                         | 14   | 11   | 0    | ч. 1                                     | 14   | 11   | 0    |
| ч. 1 | 0                                 | 0    | 0    | 0    | 8                                             | 9    | 8    | 5    | 1                                            | 3    | 4    | 1    | 0                                        | 4    | 0    | 1    |
| ч. 2 | 0                                 | 0    | 1    | 0    | 2                                             | 1    | 5    | 5    | 1                                            | 0    | 3    | 6    | 5                                        | 3    | 1    | 1    |

\* Отчет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о сроках лишения свободы и размерах штрафов за 12 месяцев 2020–2023 гг. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 18.06.2024).

свободы назначается примерно 5–8 % осужденных, то по ч. 2 ст. 240 УК РФ – уже 10–37 % осужденных, а по ч. 3 ст. 240 УК РФ – 34–60 % осужденных (табл. 4).

Следует обратить внимание на то, что сроки лишения свободы, назначенного к реальному отбыванию лицам, осужденным по частям 2 и 3 ст. 240 УК РФ, выше, чем осужденным по ч. 1 ст. 241 УК РФ (табл. 5).

В совокупности приведенные данные дают основание полагать, что отказ законодателя от использования для дифференциации уголовной ответственности за организацию занятия проституцией признаков, связанных с видами соучастия, предусмотренными ст. 35 УК РФ, приводит к тому, организация занятия проституцией, совершенная группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, может наказываться (и фактически наказывается) более мягко, чем вовлечение в занятие проституцией, совершенное в тех же видах соучастия. При этом нет видимых оснований для утверждения о том, что первое из указанных преступлений обладает меньшей степенью общественной опасности, чем второе, о чем можно судить по степени строгости санкций, предусмотренных в частях первых статей 240 и 241 УК РФ.

Отсутствие в ст. 241 УК РФ квалифицирующих признаков, связанных с совершением этого преступления в соучастии, не стимулирует правоприменительную практику к их тщательному установлению, так как они не оказывают существенного влияния на квалификацию (за исключением решения вопроса об оценке действий соучастника как соисполнителя или иного соучастника преступления), а учет соответствующих обстоятельств в качестве отягчающих наказание не предполагает назначение наказания более строгого, чем предусмотрено санкцией ч. 1 ст. 241 УК РФ (при отсутствии иных квалифицирующих признаков). Это объясняет весьма распространенные в практике случаи, когда по уголовному делу организация занятия проституцией инкриминируется двум или более лицам, совместно участвующим в преступлении, однако оценка их действий с позиции видов соучастия, предусмотренных ст. 35 УК РФ, не дается. Как результат, фактически групповой способ преступления не учитывается в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ<sup>2</sup>. В тех случаях, когда факт совершения рассматриваемого преступления в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы устанавливается, это обстоятельство далеко не всегда оказывает влияние на назначение наказания. Так, К. совершила преступление в составе группы лиц по предварительному сговору, что также было указано в обвинительном заключении, но судом указанное обстоятельство не признано отягчающим наказание и оценка ему в приговоре не дана. Суд апелляционной инстанции изменил приговор, указав, что на основании п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельством, отягчающим наказание осужденной, является совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 241 УК РФ, группой лиц по предварительному сговору, но это также не повлекло за собой усиление назначенного осужденной наказания<sup>3</sup>.

Анализ практики квалификации организации занятия проституцией демонстрирует различие в оценках групповых видов соучастия в совершении данного преступления, совершенного при однотипных обстоятельствах. Различие это обусловлено сложностью установления ключевого признака организованной группы – ее устойчивости.

Согласно одному из первых после принятия УК 1996 г. судебных разъяснений устойчивости организованной группы, которое дано применительно к банде как устойчивой вооруженной группе: «Об устойчивости банды могут свидетельствовать, в частности, такие признаки, как стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность ее существования

<sup>2</sup> Например, постановление Президиума Новосибирского областного суда от 18.07.2014 по делу № 44у-123/2014 года // СПС КонсультантПлюс.

<sup>3</sup> Апелляционное постановление Московского городского суда от 26.10.2016 по делу № 10-16752/2016 // СПС КонсультантПлюс.

Таблица 4

Количество осужденных по ч.ч. 2 и 3 ст. 240 УК РФ в 2020–2023 гг. в РФ и назначенных им наказаний\*

| Показатели                          | 2020 г.      |              |  | 2021 г.     |              |  | 2022 г.      |              |  | 2023 г.     |              |  |
|-------------------------------------|--------------|--------------|--|-------------|--------------|--|--------------|--------------|--|-------------|--------------|--|
|                                     | ч. 2         | ч. 3         |  | ч. 2        | ч. 3         |  | ч. 2         | ч. 3         |  | ч. 2        | ч. 3         |  |
| Всего осуждено                      | 14           | 28           |  | 9           | 44           |  | 19           | 46           |  | 8           | 26           |  |
| Назначено лишение свободы (реально) | 4<br>(28 %)  | 17<br>(60 %) |  | 2<br>(22 %) | 14<br>(34 %) |  | 2<br>(10 %)  | 16<br>(34 %) |  | 3<br>(37 %) | 12<br>(46 %) |  |
| Назначено лишение свободы (условно) | 10<br>(72 %) | 11<br>(40 %) |  | 7<br>(78 %) | 29<br>(66 %) |  | 15<br>(79 %) | 29<br>(63 %) |  | 5<br>(62 %) | 13<br>(50 %) |  |

\* Отчет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета slo- жения) за 12 месяцев 2020–2023 гг. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 18.06.2024).

Таблица 5

Данные о сроках лишения свободы, назначенных лицам, осужденным по ч.ч.2 и 3 ст. 240 УК РФ в 2020–2023 гг. в РФ\*

|      | Лишение свободы до 1 года |      |      |      |  | Лишение свободы свыше 1 года до 2 лет |      |      |      |  | Лишение свободы свыше 2 до 3 лет |      |      |      |  | Лишение свободы свыше 3 до 5 лет |      |      |      |  | Лишение свободы свыше 5 до 8 лет |      |      |      |  |
|------|---------------------------|------|------|------|--|---------------------------------------|------|------|------|--|----------------------------------|------|------|------|--|----------------------------------|------|------|------|--|----------------------------------|------|------|------|--|
|      | 2023                      | 2022 | 2021 | 2020 |  | 2023                                  | 2022 | 2021 | 2020 |  | 2023                             | 2022 | 2021 | 2020 |  | 2023                             | 2022 | 2021 | 2020 |  | 2023                             | 2022 | 2021 | 2020 |  |
| ч. 2 | 0                         | 0    | 0    | 0    |  | 2                                     | 1    | 1    | 0    |  | 1                                | 1    | 1    | 0    |  | 0                                | 0    | 0    | 4    |  | 0                                | 0    | 0    | 0    |  |
| ч. 3 | 0                         | 0    | 0    | 0    |  | 1                                     | 3    | 1    | 2    |  | 3                                | 6    | 3    | 8    |  | 7                                | 7    | 8    | 6    |  | 1                                | 0    | 2    | 1    |  |

\* Отчет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о сроках лишения свободы и размерах штрафов за 12 месяцев 2020– 2023 гг. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 18.06.2024).

и количество совершенных преступлений»<sup>4</sup>. В последующем Пленум Верховного Суда России неоднократно обращался к вопросу об устойчивости организованной группы, давая соответствующие разъяснения по различным категориям уголовных дел. Но всякий раз вышеупомянутые критерии устойчивости, несмотря на различные вариации в их описании, в сущности, оставались прежними. Группа считается устойчивой, если функционирует длительное время, имеет преступный профиль и стабильный состав участников, заранее распределивших между собой функции [5, с. 354].

В целом в практике по уголовным делам для подтверждения вывода об устойчивости группы лиц, принимавших участие в организации занятия проституцией, правоприменитель стремится описать признаки, указывающие на вышеназванные критерии. Например, каждый участник группы выполнял отведенную ему роль, что свидетельствует о четком распределении обязанностей, согласованности действий<sup>5</sup>. Однако часто в материалах уголовных дел мотивировка рассматриваемого признака содержит указание на обстоятельства, которые напрямую не корреспондируют критериям устойчивости организованной группы. Например, соблюдение участниками группы принципов конспирации и безопасности, в том числе путем придания противоправным действиям вида законной деятельности по оказанию массажных услуг<sup>6</sup>, наличие имущественного фонда – «общака»<sup>7</sup>, существование членов организованной группы на денежные средства, добытые преступным путем<sup>8</sup>, в том числе когда незаконно вырученные денежные средства являлись для них основным или единственным источником материального дохода<sup>9</sup>, особый механизм совершения преступления<sup>10</sup>, действия каждого участника с единой для всех целью – получения как можно большего дохода от преступной деятельности<sup>11</sup>, вовлеченность в группу значительного круга лиц (как членов организованной группы, так и лиц, занимающихся проституцией), что обеспечивает продолжение функционирования группы в случае временного отсутствия или постоянного выбытия кого-либо из ее членов (например, водителей)<sup>12</sup>.

Встречаются судебные решения, в которых учитывается в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 241 УК РФ в составе организованной группы, однако достаточных обоснований не приводится. Так, по одному из уголовных дел суд надзорной инстанции удовлетворил требование стороны процесса

<sup>4</sup> О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3.

<sup>5</sup> Кассационное определение Верховного Суда РФ от 28.06.2011 по делу № 50-О11-33 // СПС КонсультантПлюс.

<sup>6</sup> Постановление Президиума Красноярского краевого суда от 31.07.2018 по делу № 44у-176/2018 // СПС КонсультантПлюс.

<sup>7</sup> Приговор Ленинского районного суда г. Ставрополя от 13 июля 2020 г. по делу № 1-323/2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GT557eE0eVLt/> (дата обращения: 15.12.2024).

<sup>8</sup> Приговор Октябрьского районного суда г. Барнаула от 23 января 2020 года по делу № 1-50/20. URL: [https://oktabrsky--alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=doc&number=59421507&delo\\_id=1540006&new=0&text\\_number=1](https://oktabrsky--alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=59421507&delo_id=1540006&new=0&text_number=1) (дата обращения: 12.06.2024).

<sup>9</sup> Приговор Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 23 августа 2021 года. URL: [https://industrialny--alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=case&case\\_id=310365951&case\\_uid=189752cf-29c6-40f4-884d-499283861f9c&delo\\_id=1540006](https://industrialny--alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=310365951&case_uid=189752cf-29c6-40f4-884d-499283861f9c&delo_id=1540006) (дата обращения: 12.06.2024).

<sup>10</sup> Приговор Самарского областного суда от 03.12.2012 по делу № 2-82/2012 (Кассационным определением Верховного Суда РФ от 28.02.2013 № 46-013-8 оставлен без изменения) // СПС КонсультантПлюс.

<sup>11</sup> Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11.09.2014 по делу № 46-АПУ14-24 // СПС КонсультантПлюс.

<sup>12</sup> Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.03.2015 по делу № 81-АПУ15-7 // СПС КонсультантПлюс.

об исключении из приговора за организацию занятия проституцией указания на отягчающее наказание обстоятельство – совершение преступления в составе организованной группы, так как в материалах дела отсутствовали доказательства, свидетельствующие о фактических обстоятельствах создания осужденными организованной группы, наличия юридических признаков организованной группы: распределение ролей в преступной деятельности, выполнение кем-либо из соучастников функций организатора<sup>13</sup>.

Несмотря на то что установление признаков организованной группы не повлияет на квалификацию преступления по ст. 241 УК РФ, а наказание будет назначено в пределах санкции нормы, все же видится необходимым в досудебном судопроизводстве уделять внимание вопросу о форме соучастия, в которой совершено указанное преступление. Это важно не только для индивидуализации наказания. Установление признаков организованной группы вкупе с ее вооруженностью может повлечь необходимость дополнительной квалификации содеянного по ст. 209 УК РФ. Если вооруженная организованная группа создавалась в целях нападения на лиц женского пола для их вовлечения в занятие проституцией и последующей организации такой деятельности, то необходима дополнительная квалификация преступных действий виновных по ст. 209 УК РФ. В судебной практике отмечаются прецеденты того, когда банда создавалась для совершения различных преступлений, в частности, предусмотренных статьями 241, 162, 105 УК РФ и др.<sup>14</sup> Однако правоприменители не всегда тщательно анализируют признаки банды, что ведет к квалификационным ошибкам. Например, по одному из уголовных дел исключено осуждение по ст. 209 УК РФ, так как суд, указывая на наличие признаков банды, не привел в приговоре доказательства, подтверждающие их наличие<sup>15</sup>.

Признаки, которыми обладает организованная группа лиц, совершивших организацию занятия проституцией, могут свидетельствовать о необходимости дополнительной квалификации их преступной деятельности по ст. 210 УК РФ<sup>16</sup>. Так, в одно из решений по такому делу указано, что для наиболее оптимальной организации деятельности преступного сообщества, созданного для совершения тяжких преступлений, М. разработал план, который заключался в создании и объединении на территории трех городов Приморского края организованных преступных групп – территориально обособленных подразделений, входящих в единую иерархическую систему построения преступного сообщества и действующих под его единым руководством. Территориально обособленные подразделения были созданы для увеличения и расширения сфер преступного влияния, за счет чего увеличивался доход преступного сообщества. Преступное сообщество было создано для организации занятия проституцией другими лицами и вовлечения в занятие проституцией, в том числе и заведомо несовершеннолетних лиц, для оказания услуг сексуального характера неопределенному кругу лиц. Каждое обособленное подразделение являлось самостоятельным по отношению к смежным подразделениям, и структурно организованная преступная группа состояла из условно именуемых терминами «фирм досуга» и притонов, которые включали руководителя структурного подразделения преступного сообщества, администраторов организационной деятельности, условно именуемых в преступном сообществе «диспетчерами», транспортного обеспечения – водителей, а также

<sup>13</sup> Постановление Президиума Псковского областного суда от 02.09.2011 по делу № 44у-22/11 // СПС КонсультантПлюс.

<sup>14</sup> Например, Кассационное определение Верховного Суда РФ от 18.08.2010 по делу № 83-О10-15СП // СПС КонсультантПлюс.

<sup>15</sup> Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 июля 2017 г. по делу № 49-АПУ17-8. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20072017-n-49-apu17-8/> (дата обращения: 15.12.2024).

<sup>16</sup> Например, апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2014 г. по делу № 56-АПУ 14-3. URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/b73a1ad5e2fa8a33cefcc74b6f275011/> (дата обращения: 15.12.2024).

лиц, непосредственно оказывавших услуги сексуального характера за денежное вознаграждение, т. е. занимавшихся проституцией<sup>17</sup>.

Таким образом, использование в качестве инструмента для дифференциации уголовной ответственности за организацию занятия проституцией квалифицирующих обстоятельств совершения преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой могло бы обеспечить уровень наказуемости таких деяний, соответствующий степени их общественной опасности, а также способствовало бы минимизации правоприменительных ошибок и формированию единообразной практики.

### Список литературы

1. **Алихаджиева И. С.** Квалифицирующие признаки вовлечения в занятие проституцией и организации занятия проституцией: теория и судебная практика // Журнал российского права. 2010. № 2. С. 62–70.
2. **Козаченко И. Я., Костарева Т. А., Кругликов Л. Л.** Преступления с квалифицированными составами и их уголовно-правовая оценка. Екатеринбург, 1994. 59 с.
3. **Кругликов Л. Л., Васильевский А. В.** Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2002. 300 с.
4. **Шарапов Р. Д.** Вопросы квалификации и законодательной регламентации составов общеуголовных преступлений, совершаемых в интернет-пространстве // Сибирские правовые чтения: государство и право в условиях глобальных ограничений. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2021. С. 265–268.
5. Уголовное право: Общая часть: учебник; под науч. ред. А. В. Сумачева, Р. Д. Шарапова. М.: ИНФРА-М, 2025. 721 с.

### References

1. **Alikhadzhieva I. S.** Qualifying signs of involvement in prostitution and organisation of prostitution: theory and judicial practice. *Journal of Russian Law*, 2010, № 2, pp. 62–70. (in Russ.)
2. **Kozachenko I. Y., Kostareva T. A., Kruglikov L. L.** Crimes with qualified elements and their criminal-legal assessment. Ekaterinburg, 1994, 59 p. (in Russ.)
3. **Kruglikov L. L., Vasilievsky A. V.** Differentiation of responsibility in criminal law. St. Petersburg, 2002, 300 p. (in Russ.)
4. **Sharapov R. D.** Issues of qualification and legislative regulation of general criminal offences committed in the Internet space. *Siberian Legal Readings: State and Law in the context of global constraints*. Tyumen, Tyumen State University, 2021, pp. 265–268. (in Russ.)
5. Criminal Law: General part: textbook; under the scientific editorship of A.V. Sumachev, R.D. Sharapov. Moscow, INFRA-M publ., 2025, 721 p. (in Russ.)

### Информация об авторах

**Тыдыкова Надежда Владимировна**, доктор юридических наук, доцент Алтайского государственного университета

**Шарапов Роман Дмитриевич**, доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института Университета прокуратуры Российской Федерации; Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации

<sup>17</sup> Приговор Приморского краевого суда от 26.09.2013 (Апелляционным определением Верховного Суда РФ от 18.02.2014 по делу N 56-АПУ14-3 оставлен без изменения) // СПС КонсультантПлюс.

### Information about the Authors

**Nadezhda V. Tydykova**, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Altai state university, Barnaul, Russian Federation

**Roman D. Sharapov**, Doctor of Legal Sciences, Professor, St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation

*Статья поступила в редакцию 03.03.2025;  
одобрена после рецензирования 18.03.2025; принята к публикации 21.03.2025*

*The article was submitted 03.03.2025;  
approved after reviewing 18.03.2025; accepted for publication 21.03.2025*

Научная статья

УДК 343.85

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-78-87

## **Основные направления профилактики женской преступности в России на современном этапе**

**Анастасия Павловна Гребенникова<sup>1</sup>**

**Светлана Викторовна Корнакова<sup>2</sup>**

<sup>1</sup>Оренбургский государственный университет  
Оренбург, Россия

<sup>2</sup>Байкальский государственный университет  
Иркутск, Россия

<sup>1</sup>map\_289@mail.ru

<sup>2</sup>Svetlana-kornakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6506-795X>

### *Аннотация*

В статье рассматриваются актуальные вопросы профилактики женской преступности как наиболее гуманного и рационального способа борьбы с преступностью. Анализируются основные направления профилактики женской преступности, к которым относятся правовые, экономические, политические, социальные, идеологические и психологические меры. Указываются причины недостаточной эффективности действующих мер профилактики женской преступности. Проведенный анализ послужил основанием для формулирования на его основе некоторых рекомендаций по повышению эффективности профилактики женской преступности, в частности, о создании отдельного подразделения, занимающегося конкретно изучением и профилактикой данного вида преступности и координирующего деятельность ее субъектов. Сделан вывод о необходимости совместной разработки более совершенного механизма взаимодействия всех субъектов профилактической деятельности между собой, поскольку меры профилактики могут быть эффективными лишь при комплексном подходе.

### *Ключевые слова*

женская преступность, борьба с преступностью, профилактика женской преступности, общие профилактические меры, специальные профилактические меры, уровень качества жизни женщин, условия эффективности профилактических мер

### *Для цитирования*

Гребенникова А. П., Корнакова С. В. Основные направления профилактики женской преступности в России на современном этапе // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 2. С. 78–87. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-78-87

© Гребенникова А. П., Корнакова С. В., 2025

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 2  
Juridical Science and Practice, 2025, vol. 21, no. 2

## The Main Directions of Prevention of Female Crime in Russia at the Present Stage

Anastasia P. Grebennikova<sup>1</sup>, Svetlana V. Kornakova<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Orenburg State University,  
Orenburg, Russian Federation

<sup>2</sup>Baikal State University,  
Irkutsk, Russian Federation

<sup>1</sup>map\_289@mail.ru

<sup>2</sup>Svetlana-kornakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6506-795X>

### Abstract

The article discusses current issues of preventing women's crime as the most humane and rational way to combat crime. The main directions of female crime prevention are analyzed, which include legal, economic, political, social, ideological and psychological measures. The reasons for the insufficient effectiveness of current measures to prevent women's crime are indicated. The analysis provided the basis for the formulation of some recommendations on its basis to improve the effectiveness of the prevention of women's crime, in particular, the creation of a separate unit specifically engaged in the study and prevention of this type of crime and coordinating the activities of its subjects. It is concluded that it is necessary to jointly develop a more advanced mechanism for the interaction of all subjects of preventive activities among themselves, since preventive measures can be effective only with an integrated approach.

### Keywords

women's crime, combating crime, prevention of women's crime, general preventive measures, special preventive measures, women's quality of life, conditions for the effectiveness of preventive measures

### For citation

Grebennikova A. P., Kornakova S. V. The main directions of prevention of female crime in Russia at the present stage. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 2, pp. 78–87. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025- 21-2-78-87

Женская преступность является одной из составляющих преступности в целом, а также одним из показателей состояния криминогенной обстановки в стране. На протяжении достаточно долгого времени ученые не рассматривали данный вид преступности в качестве отдельной разновидности, поскольку предполагалось, что он не несет в себе высокой общественной опасности. Но изучение данного вопроса показало, что женская преступность, напротив, несет в себе еще большую общественную опасность, поскольку она затрагивает не только общественные отношения, охраняемые уголовным законом, но и нравственное состояние, основополагающее устои, культуру и духовное развитие общества [1, с. 90]. Кроме того, она неразрывно связана с таким явлением, как преступность несовершеннолетних, которое находится в прямой зависимости от девиантного поведения со стороны женщин.

Профилактика и предупреждение преступности, в том числе и женской, располагают необходимыми средствами и методами, разработанными учеными-криминологами и юристами-практиками. Основной целью всех профилактических мер женской преступности является оказание помощи женщинам в процессе социализации и реализации своих возможностей. Современные направления профилактики женской преступности претерпели значительные перемены по сравнению с мерами, применяемыми ранее, поскольку они были адаптированы под расширение социальных ролей женщины и изменение ее места в структуре общественных отношений [2, с. 16].

Профилактика и предупреждение женской преступности представляют собой обширный комплекс мер, который должен затрагивать различные аспекты жизнедеятельности женщин в целях предостережения их от совершения преступных деяний. При этом «деятельность правоохранительных органов по профилактике женской преступности должна охватывать такие сферы жизни, в которых происходит формирование негативных черт личности женщины, в которых они наиболее часто совершают преступления, т. е. в семейно-бытовой сфере, на производстве и проч.» [3, с. 13].

Профилактика любой преступности, в том числе и женской, играет большую роль в целостной системе борьбы с данным негативным явлением. Профилактика как мера воздействия реализуется на ранних этапах деятельности субъектов и способна предотвратить их девиантное поведение без причинения вреда общественным отношениям. Поэтому данный метод борьбы с преступностью является самым важным, гуманным и рациональным, поскольку недопущение совершения преступлений оказывает более эффективное влияние на уровень преступности, чем работа по исправлению лиц, уже совершивших преступление.

Основными задачами профилактики женской преступности являются оказание социальной поддержки населению женского пола в целях улучшения их уровня жизни, защита от аморального и противоправного влияния других членов социума и привитие норм и правил правомерного поведения женщинам, находящимся в группе высокого риска [4, с. 36]. Главный принцип, который заложен в основу всех реализуемых профилактических мер, – это понимание социальной природы происхождения женской преступности [5, с. 118].

На современном этапе в России существует комплексная система профилактики женской преступности. Данная система реализуется на основе анализа объектов, на которые направлены преступные деяния, совершаемые женщинами, и уровня женской преступности в зависимости от изменения обстановки в стране. Учитывая прогрессивный характер женской преступности, можно утверждать, что существующая в настоящее время система нуждается в трансформации и совершенствовании. В этой связи представляется целесообразным анализ действующих направлений профилактики женской преступности для формулирования на его основе некоторых рекомендаций по повышению их эффективности.

Основные направления профилактики преступности классически подразделяют на общие и специальные. Общие направления призваны оказывать предупредительное воздействие на преступность в целом, включая ее различные виды, в том числе и женскую. Специальные направления разрабатываются в соответствии с причинно-следственным комплексом женской преступности и особенностями личности женщины для профилактики конкретно данного вида преступности. Все указанные направления можно разделить по области их воздействия. В большей степени такое деление затрагивает общие направления профилактики. К таким направлениям относятся:

- правовые или законодательные меры;
- экономические меры;
- политические меры;
- социальные меры;
- идеологические и культурные меры;
- психологические меры.

Несмотря на то что общие направления профилактики преступности считаются эффективными средствами по борьбе со всеми видами преступности, они все же имеют специфику по отношению к лицам женского пола. Сущность и содержание данных мер заключается в реализации государственных социально ориентированных программ, которые оказывают воздействие на криминогенные факторы в различных областях жизнедеятельности. Относительно профилактики женской преступности данные программы направлены на укрепление и развитие института семьи в системе общественных отношений.

Правовое направление профилактики женской преступности реализуется посредством принятия и соблюдения норм международного и отечественного права. Правовую основу государственной политики в области обеспечения прав и свобод женщин и предупреждения женской преступности составляют: Всеобщая декларация прав человека<sup>1</sup>, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Международный пакт о гражданских и полити-

<sup>1</sup> Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. № 67.

ческих правах<sup>2</sup>, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах<sup>3</sup>, Конвенция ООН о политических правах женщин<sup>4</sup>, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин<sup>5</sup> и иные документы международно-правового характера. Так, в соответствии со ст. 14 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод «пользование правами и свободами должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола»<sup>6</sup>.

Ст. 3 Международного пакта о гражданских и политических правах закрепляет «равное для мужчин и женщин право пользования всеми гражданскими и политическими правами».

Ст. 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах защищает право женщин на равные условия труда: «Женщинам должны гарантироваться условия труда не хуже тех, которыми пользуются мужчины, с равной платой за равный труд».

Конвенция ООН о политических правах женщин закрепляет равенство политических прав женщин, а также их право занимать любые должности и выполнять любые функции в общественно-государственной сфере.

Российская правовая система также имеет ряд нормативных правовых актов, направленных на оказание поддержки женщинам, особенно из категории наименее защищенных слоев населения. К такой категории относятся матери-одиночки, многодетные матери, безработные женщины, страдающие от алкоголизма и наркомании, и другие категории. Профилактические меры в отношении таких женщин регламентированы соответствующими нормативными правовыми актами, начиная с Конституции РФ и заканчивая актами органов местного самоуправления. Ст. 38 Основного Закона государства определяет, что «материнство и детство, семья находятся под защитой государства».

Общесоциальные профилактические меры содержатся в Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». В данном законе закреплены как меры общей профилактики, так и специальные. К ним относятся социальная адаптация, ресоциализация и социальная реабилитация. Данные меры направлены на оказание психологической, правовой, экономической, медицинской помощи лицам, в частности, женщинам и несовершеннолетним, оказавшимся в трудной жизненной ситуации с целью улучшения их социального положения и семейно-бытовых условий<sup>7</sup>.

Другой законодательный акт является специализированным и касается исключительно лиц женского пола. Это Постановление Правительства РФ «О концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации»<sup>8</sup>. Данный документ затрагивает основные вопросы, которые влияют на реализацию женщинами своих прав (в области охраны здоровья, противодействия насилия в отношении женщин, образования и обеспечения рабочими местами и т. п.). Основной акцент в данном нормативном правовом акте делается на недопущение дискриминации прав женщин во всех сферах общества, в частности управленческой и трудовой. В этом

<sup>2</sup> Международный пакт о гражданских и политических правах: принят в Нью-Йорке 16 декабря 1966 г.: СССР подписал Пакт 18 марта 1968 г. // ВВС СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

<sup>3</sup> Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят в Нью-Йорке 19 декабря 1966 г.: СССР подписал Пакт 18 сентября 1973 г. // Ведомости ВС СССР. 1976. № 17 (1831).

<sup>4</sup> Конвенция о политических правах женщин: принята в Нью-Йорке 31 марта 1953 г.: СССР подписал Пакт 18 марта 1954 г. // ВВС СССР. 1954. № 12. Ст. 361.

<sup>5</sup> Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Заклучена 18.12.1979) (с изм. от 22.05.1995) // Ведомости ВС СССР. 23 июня 1982 г. № 25. Ст. 464.

<sup>6</sup> Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005: принята 04 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163

<sup>7</sup> Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3851.

<sup>8</sup> О концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 08 января 1996 г. № 6 (ред. от 26.07.2004) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 185.

документе отражены некоторые способы, направленные на упрощение процесса развития личности женщин и их реализации: создание специальных программ по правовому образованию женщин в целях повышения уровня их юридической грамотности; развитие сферы СМИ в целях ведения пропагандистской деятельности, направленной на активизацию участия женщин в общественной и государственной деятельности и социально-экономических преобразованиях; контроль за ценообразованием продуктов питания и иных товаров, необходимых для обеспечения нормального существования беременных женщин и кормящих матерей и т. д.

На улучшение условий жизни женщин направлены и иные нормативные акты, например, Федеральный закон «О государственной социальной помощи», регулирующий выплату пособий малоимущим семьям<sup>9</sup> или Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», который регулирует порядок выплаты материнского капитала<sup>10</sup>.

В направлении противодействия бытовому насилию в отношении женщин также разрабатываются необходимые для этого меры. Так, во внесенном на рассмотрение в Государственной Думе законопроекте Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия» перечислены основные субъекты профилактики, в числе которых органы внутренних дел, органы прокуратуры РФ, Уполномоченный по правам человека в РФ, Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка, органы государственной власти субъектов РФ; кризисные центры, центры психологической помощи и другие, а также полномочия каждого субъекта, которые они обязаны исполнять для предотвращения случаев бытового насилия и оказания помощи в случае его совершения<sup>11</sup>.

Приведенный объем законодательной базы свидетельствует о том, что государство со своей стороны принимает необходимые меры, направленные на улучшение уровня качества жизни женщин, увеличение возможностей для беспрепятственной реализации женщинами своих прав и потенциала, а также на исключение вероятности совершения ими преступлений для удовлетворения первичных потребностей.

Однако на практике имеют место ситуации, не соответствующие тем целям, достижение которых заложено в приведенных документах. Например, проект ФЗ «О профилактике семейно-бытового насилия» уже почти десять лет находится в разработке, движения по нему не происходит, что обусловлено, в том числе, и низким качеством документа. В частности, по мнению ученых, многие положения законопроекта не имеют механизмов реализации, раскрыты поверхностно, использована неудачная законодательная техника, отсутствует системная взаимосвязь как положений внутри законопроекта, так и их самих с действующим законодательством [6, с. 478; 7, с. 50].

Процедуры по получению социальных выплат и льгот обременены бюрократизацией и бумажной волокитой, а выплата материнского капитала породила новый вид мошенничества в сфере получения выплат, уровень которого в последнее время продолжает расти быстрыми темпами.

Кроме того, многие организации, а также управленческие органы власти открыто нарушают трудовые права женщин, особенно в возрасте от 20 до 30 лет, не имеющих детей, отказывая им в приеме на работу по надуманным причинам, для того чтобы избежать приема работника, который может уйти в декретный отпуск. Женщин, которые имеют детей, особенно малолетних, также неохотно трудоустраивают по причине возможных постоянных пропусков

<sup>9</sup> О государственной социальной помощи: Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ (ред. от 29.10.2024) // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3699.

<sup>10</sup> О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СЗ РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 19.

<sup>11</sup> Проект Федерального закона № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6> (дата обращения: 25.11.2025).

на работе по болезни ребенка. В связи с этим полагаем, что действующая в настоящее время нормативная база, которая регламентирует социальное положение женщин, нуждается в совершенствовании, а также в контроле на всех стадиях его исполнения.

Экономические меры профилактики женской преступности направлены, в первую очередь, на обеспечение финансовой стабильности в целом по стране, что также должно искоренять причины женской преступности. Как известно, экономические детерминанты являются основополагающими для развития женской преступности, поскольку женщины сами по себе в большей степени озабочены благосостоянием, чем мужчины, а также имеют инстинкты, отвечающие за поддержания благополучия для себя и своих близких. Поэтому, как подчеркивается учеными, «при исследовании преступного поведения женщин необходимо использовать гендерный подход, акцентируя внимание на женщине, прежде всего, как на личности, необходимо учитывать те ее потребности и особенности, которые отличают ее от мужчины [8, с 14; 9, с. 521].

Также одним из главных детерминирующих факторов для женской преступности является высокий уровень безработицы среди женщин, которая в настоящее время вошла в перечень глобальных проблем общества. Россия на протяжении более 15 лет проводит активную политику, направленную на преодоление стагнации экономической деятельности, введение новых льготных выплат для наименее материально защищенных слоев населения и борьбу с безработицей в стране.

Среди женщин к наиболее уязвимым к нищете и безработице относятся такие категории, как матери-одиночки, многодетные матери, женщины, имеющие на иждивении детей и родственников с инвалидностью, молодые девушки, не имеющие трудового опыта, жены военных и иных профессий, из-за которых женщины должны постоянно менять место жительства, женщины предпенсионного возраста. Одной из мер, которые позволяют в некоторой степени разрешить данные проблемы, является введение специального налогового режима.

В этом отношении с 2019 г. законодателем введено понятие «самозанятый», что позволило многим женщинам превратить свое хобби в работу и при этом не совершать правонарушений и преступления в налоговой сфере<sup>12</sup>. При этом налоговая ставка для самозанятых составляет 4 % от доходов, полученных от физических лиц, и 6 % от доходов, полученных от индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, в то время как налоговая ставка для работников по найму составляет 13 %. На наш взгляд, такая экономическая мера является удачной, что доказано практикой ее применения.

Кроме того, думается, что законодателю стоит рассмотреть варианты внедрения в действующее трудовое законодательство положений, дающих возможность работодателям направлять женщин, не имеющих опыта, или женщин, долгое время находившихся в декретном отпуске и отпуске по уходу за ребенком, на бесплатное профессиональное обучение и повышение квалификации по востребованным на рынке труда профессиям. А для такой категории граждан, как студенты, ввести положение об обязательном направлении их на специализированную практику в период обучения, которая не только, как сейчас, позволит им освоить учебную программу, но и будет засчитана в трудовой стаж. Указанные профилактические меры предоставят женщинам возможность преодолевать свои материальные трудности легальными способами, не нарушая при этом закон.

Политические меры профилактики женской преступности направлены на повышение эффективности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в рамках осуществления женщинами своих прав; контроль за соблюдением равенства и справедливости по отношению к женщинам, желающим осуществлять свою трудовую дея-

<sup>12</sup> О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7494.

тельность в политической или управленческой сфере; развитие эффективного механизма социального лифта для женщин, желающих повысить свой социальный статус в данных сферах.

Особую роль в профилактике женской преступности в России также играют идеологические и культурные меры, которые являются пропагандой законопослушного поведения путем распространения информации через социальные сети, СМИ. Данные меры направлены на создание у женщин осознанного отказа от решения собственных проблем путем совершения преступления [10, с. 38]. Также положительно повлиять на формирование личности женщины могут кружки по интересам, учреждения дополнительного образования, мастер-классы и т. п., что позволит ей реализовать свои внутренние потенциалы, самоутвердиться, завести полезные знакомства. Но такой досуг доступен не всем женщинам, поэтому их интересы сужаются до ведения асоциального образа жизни в маргинальных компаниях. Кроме того, в настоящее время в нашем государстве отсутствует единая идеология, что ведет к размытию нравственных ориентиров и формированию ложной системы ценностей.

Психологические меры оказывают эффективное профилактическое воздействия лишь при их реализации в малых группах. Это позволяет осуществлять общий контроль за поведением всех членов группы. В малых группах всегда есть пример правомерного поведения, которому все участники группы невольно следует. К сожалению, такая же ситуация происходит и в группах, склонных к антиобщественному поведению и маргинальному образу жизни. Благоприятными для развития личности женщины являются такие малые группы, как семья, трудовой и учебный коллектив, а также группы по интересам. Нормальное становление системы ценностей возможно только при благополучном микроклимате в группе.

В средних учебных заведениях для контроля за лицами женского пола работают психологи, которые проводят мониторинг за изменениями личности девочек, выявляют лиц, склонных к совершению противоправных поступков, помогают в организации досуга и налаживании контактов со сверстниками, проводят пропаганду здорового образа жизни. Психологи, как правило, работают в тесном контакте с правоохранительными органами.

Социальные профилактические меры – это симбиоз правовых, психологических, экономических и идеологически-культурных мер. Основная цель социальных мер – оказание помощи и поддержки женщинам в различных сферах их жизнедеятельности с акцентом на первостепенную роль женщины в системе общественных отношений как матери и хранительницы домашнего очага.

Вышеуказанные направления профилактики женской преступности, существующие в России, на практике, к сожалению, не работают в совокупности, а являются отдельно взятыми мероприятиями.

Специальные меры профилактики, в свою очередь, подразделяются на общие (призваны воздействовать на всех лиц женского пола) и индивидуальные (призваны воздействовать на личность одной конкретно взятой женщины). Специальные направления профилактической деятельности не имеют такого большого арсенала, как общие. Например, Е. В. Кунц выделяет следующие направления специальной профилактики женской преступности: «...определение негативного влияния на женщин в неблагополучных семьях; устранение социальной и бытовой конфликтности; проведение профилактических мер по отношению к семьям, члены которой могут оказывать десоциализирующее воздействие; оказание социальной помощи малообеспеченным семьям; организация работы телефонов доверия; создание реабилитационных центров для женщин – жертв домашнего насилия; помощь женщинам в ресоциализации после освобождения из мест лишения свободы» [11, с. 264].

По своей сути, все эти направления можно свести в одно: сплоченная и комплексная деятельность различных государственных и общественных организаций, правоохранительных органов, которая направлена на общую и специальную превенцию женской преступности. В число субъектов такой деятельности входят участковые уполномоченные, инспекторы по делам несовершеннолетних, органы опеки, службы занятости населения и другие. Их полно-

мочия состоят в следующих действиях: проведение профилактических воспитательных бесед с лицами, находящимися в группе высокого риска, обследование семейно-бытовых условий, выявление случаев семейного насилия, пропаганда здорового образа жизни, информирование населения через СМИ и многое другое.

Для повышения степени эффективности профилактики женской преступности необходимо совершенствование порядка и механизма взаимодействия и объединения усилий вышеуказанных субъектов, взаимодействия между такими субъектами, а также добросовестное выполнение своих служебных обязанностей каждым должностным лицом.

Такая же работа должна проводиться не только с женщинами, которые по своим жизненным обстоятельствам могут совершить преступления или уже привлекались за совершение административных правонарушений, но и с теми, кто уже совершил преступление и освобожден из мест лишения свободы. С такими женщинами должна проводиться особая работа в целях предупреждения рецидива, поскольку их нравственные ценности в значительной степени искажены или нарушены. С учетом того, что специальные меры по профилактике женской преступности входят в полномочия различных субъектов, а их взаимодействие на практике оставляет желать лучшего, то можно наблюдать низкий уровень профилактической работы с женщинами в целом по стране.

Для того чтобы данный механизм работал эффективно не только в теории, но и на практике, система нуждается в создании одного подразделения, занимающегося конкретно изучением и профилактикой данного вида преступности и координирующего деятельность в данной области вышеуказанных субъектов. В частности, по мнению действующей судьи Арбитражного суда г. Москвы Е. Р. Абызовой, необходимо создать подразделение на уровне районных отделов, которое будет профилироваться на женской преступности. В их деятельность должны входить следующие полномочия: «подведение статистики женской преступности по территориальному признаку, доведение до ведома региональных органов власти о преступлениях, совершенных женщинами, а также выявление причин и условий, способствующих их криминальному поведению; организация и контроль за профилактической работой участковых инспекторов; организация социальной помощи нуждающимся женщинам; взаимодействие с другими субъектами профилактики и внесение предложений в их деятельность по проведению превентивных мероприятий» [12, с. 157]. С таким предложением нельзя не согласиться.

Таким образом, несмотря на ориентацию нашего государства на оказание максимальной поддержки женскому населению в различных областях, на практике существующие направления профилактики пока не дают ожидаемого результата. Меры профилактики могут быть эффективными лишь при комплексном подходе, для этого руководителям министерств внутренних дел, юстиции, труда и социальной защиты необходимо совместно разработать более совершенный механизм взаимодействия субъектов профилактической деятельности между собой, а также механизмы контроля за исполнением законодательства.

### Список литературы

1. **Кичигина О. Ю.** Криминологические особенности женской преступности // Теория и практика социогуманитарных наук. 2021. № 3 (15). С. 86–95.
2. **Щербакова Л. М.** Особенности предупреждения преступлений, совершаемых женщинами. Региональный аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 1999. 193 с.
3. **Лелеков В. А.** О предупреждении женской преступности мерами общесоциальной профилактики // Вестник Воронеж. ин-та МВД России. 2014. № 2. С. 13–19.
4. **Явчуновская Т. М., Степанова И. Б.** Феминизация современной преступности женщин и ее причины // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон; под ред. А. И. Долговой. М.: Государство и право, 2001. 280 с.

5. **Сарычева Н. В.** Женская преступность и ее предупреждение (на примере Ставропольского края): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 167 с.
6. **Кунц Е. В.** Уголовная политика и ее значение в сфере борьбы с женской преступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 5. С. 473–481.
7. **Романов А. А.** Научный комментарий к проекту Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2020. № 2 (2). С. 44–50.
8. **Пархоменко С. В., Синьков Д. В.** Развитие знаний о женской преступности и ее современное состояние в России // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7, № 5.
9. **Кунц Е. В.** Научное обоснование проблемы преступного поведения женщин // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 6. С. 514–522.
10. **Петин И. А.** Формирование и предупреждение преступного поведения: идеологические аспекты // Российский следователь. 2011. № 14. С. 37–40.
11. **Кунц Е. В.** Преступность среди женщин и ее предупреждение в современной России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 371 с.
12. **Абызова Е. Р.** Криминологическое исследование личности женщин, совершающих преступления, и предупреждение их преступного поведения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 203 с.

### References

1. **Kichigina O. Y.** Criminological features of female criminality. *Theory and Practice of Socio-humanitarian sciences*, 2021, no. 3 (15), pp. 86–95. (in Russ.)
2. **Shcherbakova L. M.** Features of the prevention of crimes committed by women. Regional aspect: dissertation of the cand. jurid. sciences'. Stavropol, 1999, 193 p. (in Russ.)
3. **Lelekov V. A.** On the prevention of female crime by measures of general social prevention. *Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 2, pp. 13–19. (in Russ.)
4. **Yavchunovskaya T. M., Stepanova I. B.** Feminization of modern crime of women and its causes. *Patterns of crime, strategy of struggle and the law* / edited by A.I. Dolgova. Moscow, Gosudarstvo i parvo publ., 2001, 280 p. (in Russ.)
5. **Sarycheva N. V.** Female crime and its prevention (on the example of the Stavropol Territory): dissertation of the cand. jurid. sciences'. Moscow, 2016, 167 p. (in Russ.)
6. **Kunts E. V.** Criminal policy and its significance in the fight against women's crime. *All-Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 5, pp. 473–481. (in Russ.)
7. **Romanov A. A.** Scientific commentary on the draft federal law "On the prevention of domestic violence in the Russian Federation". *Society, law, statehood: a retrospective and perspective*, 2020, no. 2 (2), pp. 44–50. (in Russ.)
8. **Parkhomenko S. V., Sinkov D. V.** The development of knowledge about women's crime and its current state in Russia. *Baikal Research Journal*, 2016, vol. 7, no. 5. (in Russ.)
9. **Kunts E. V.** Scientific substantiation of the problem of criminal behavior of women. *All-Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 6, pp. 514–522. (in Russ.)
10. **Petin I. A.** Formation and prevention of criminal behavior: ideological aspects. *The Russian investigator*, 2011, no. 14, pp. 37–40. (in Russ.)
11. **Kunts E. V.** Crime among women and its prevention in modern Russia: dissertation by Dr. jurid. sciences'. Moscow, 2009, 371 p. (in Russ.)
12. **Abyzova E. R.** Criminological research of the personality of women who commit crimes and the prevention of their criminal behavior: dissertation of the cand. jurid. sciences'. Moscow, 2007, 203 p. (in Russ.)

### **Информация об авторах**

**Гребенникова Анастасия Павловна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Оренбургского государственного университета

**Корнакова Светлана Викторовна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета

### **Information about the Authors**

**Anastasia P. Grebennikova**, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Organization of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities, Orenburg State University

**Svetlana V. Kornakova**, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Baikal State University

*Статья поступила в редакцию 22.02.2025;  
одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 21.03.2025*

*The article was submitted 22.02.2025;  
approved after reviewing 05.03.2025; accepted for publication 21.03.2025*

Научная статья

УДК 343.13

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-88-95

## **Проблемы определения сроков применения мер пресечения в уголовном процессе**

**Михаил Евгеньевич Нехороших**

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Новосибирск, Россия

mihaneh\_92@mail.ru

### *Аннотация*

В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с законодательным определением сроков применения мер пресечения в уголовном процессе. Подробно анализируются предельные сроки применения запрета определенных действий, залога, домашнего ареста и сроки содержания под стражей. На основе проведенного анализа предлагаются изменения уголовно-процессуального законодательства, связанные с конкретизацией сроков применения мер пресечения при расследовании уголовного дела в форме дознания; установлением сроков применения всех запретов определенных действий; закреплением в законе предельных сроков применения залога; определением конкретных периодов времени, на которые можно продлять применение мер пресечения при истечении предельных сроков.

### *Ключевые слова*

меры пресечения, сроки применения мер пресечения, запрет определенных действий, залог, домашний арест, заключение под стражу

### *Для цитирования*

Нехороших М. Е. Проблемы определения сроков применения мер пресечения в уголовном процессе // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 2. С. 88–95. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-2-88-95

## **Problems of Determining the Terms of Application of Preventive Measures in Criminal Proceedings**

**Mikhail E. Nekhoroshikh**

Novosibirsk State University of Economics and Management

Novosibirsk, Russian Federation

mihaneh\_92@mail.ru

### *Abstract*

The article examines the main problems associated with the legislative definition of the terms of application of preventive measures in criminal proceedings. The maximum terms of application of the ban on certain actions, bail, house arrest and terms of detention are analyzed in detail. Based on the analysis, amendments to the criminal procedure legislation are proposed related to the specification of the terms of application of preventive measures during the investigation of a criminal case in the form of an inquiry; the establishment of terms of application of all prohibitions on certain actions; the consolidation in the law of the maximum terms of application of bail; the definition of specific periods of time for which the application of preventive measures can be extended upon expiration of the maximum terms.

### *Keywords*

preventive measures, terms of application of preventive measures, prohibition of certain actions, bail, house arrest, detention

© Нехороших М. Е., 2025

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 2

Juridical Science and Practice, 2025, vol. 21, no. 2

*For citation*

Nekhoroshikh M. E. Problems of determining the terms of application of preventive measures in criminal proceedings. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 2, pp. 88–95. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025- 21-2-88-95

Меры пресечения – одна из самых дискуссионных тем в науке уголовно-процессуального права. Как справедливо указывает В. В. Николук, «использование государственного принуждения обеспечивает «жизнеспособность» уголовного процесса, ограничивая при этом права и свободы человека, в том числе гарантированные Конституцией РФ» [1, с. 113]. Таким образом, всегда актуальным является поиск баланса между обеспечением надлежащего порядка производства по уголовным делам и гарантированием основных личных (гражданских) прав и свобод человека.

Как представляется, указанный баланс должен проявляться не только в содержании отдельных мер пресечения – тех ограничений, которые накладываются на подозреваемого и обвиняемого, – но и в установлении определенных сроков их применения. Причем сроки применения мер пресечения должны, с одной стороны, обеспечивать возможность реализации назначения уголовного процесса и достижения его задач, а с другой – должны быть разумными и не вызывать неоправданно длительного ограничения прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

В современном уголовно-процессуальном законодательстве урегулированы лишь сроки применения четырех мер пресечения: запрет определенных действий, залог, домашний арест и заключение под стражу. Подписка о невыезде и надлежащем поведении, личное поручительство, наблюдение командования воинской части и присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым применяются до принятия решения об их отмене/изменении или до момента приостановления/окончания производства по уголовному делу (прекращения уголовного дела, вступления в законную силу приговора).

Однако указанное выше относится только к случаям, когда меры пресечения избираются в отношении обвиняемого. В ст. 100 УПК РФ предусмотрено, что применение любых мер пресечения в отношении подозреваемого ограничено 10 сутками, по истечению которых мера пресечения должна отменяться, если только лицу не будет предъявлено обвинение. При подозрении в отдельных преступлениях, перечисленных в ч. 2 ст. 100 УПК РФ, данный срок составляет 45 суток.

Вместе с тем, как известно, статус обвиняемого лицо приобретает после вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Иными словами, в указанный в ст. 100 УПК РФ срок следователь должен составить постановление о привлечении в качестве обвиняемого и предъявить обвинение, чтобы по истечении 10 суток ранее избранная в отношении подозреваемого мера пресечения сохранялась. Но если подозреваемый не содержится под стражей или ему не была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, то он может умышленно уклоняться от явки для предъявления ему обвинения, и по истечении десятисуточного срока мера пресечения будет отменена. При этом, если следователь запланирует предъявление обвинения на десятки суток с даты избрания меры пресечения, то при уклонении подозреваемого следователь не успеет принять меры к изменению меры пресечения на более строгую.

Еще больше сложностей возникает при расследовании уголовного дела в форме дознания. В ст. 100 УПК РФ упоминается именно про предъявление обвинения, что в дознании, по общему правилу, не производится. В соответствии со ст. 224 УПК РФ, если подозреваемому будет избрана любая иная мера пресечения, кроме заключения под стражу, то по истечении десяти суток у дознавателя нет полномочий для составления постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявления ему обвинения. Учитывая, что избрание меры пресечения в виде заключения под стражу при расследовании дела в форме дознания является, скорее,

исключением, чем правилом, получается, что у дознавателя после избрания меры пресечения есть всего десять суток для составления обвинительного акта, иначе мера пресечения должна незамедлительно отменяться. Как представляется, указанные особенности не обеспечивают достижения целей, для которых избираются меры пресечения.

В связи с изложенными проблемами А. Ю. Федюкина и Е. В. Горкина указывают, что в правоприменительной практике следователи и дознаватели вынуждены идти на различного рода «ухищрения» для сохранения меры пресечения после истечения указанных сроков: повторное избрание меры пресечения, применение иных мер процессуального принуждения вместо меры пресечения (например, обязательства о явке) и т. п. [2, с. 81].

Для запрета определенных действий законодателем предусматриваются различные сроки, в зависимости от того, какие именно ограничения устанавливаются для обвиняемого. Для запрета выходить за пределы жилого помещения сроки применения дифференцированы в зависимости от категории тяжести преступлений: для преступлений небольшой и средней тяжести – один год, для тяжких преступлений – два года, для особо тяжких преступлений – три года. В этой связи И. П. Попова и О. Д. Вастьянова справедливо замечают, что данные сроки не вполне соответствуют принципу разумного срока уголовного судопроизводства, поскольку в разы превышают сроки расследования уголовных дел, предусмотренные в ст. ст. 162, 226 и 226.6 УПК РФ [3, с. 82–83].

Также следует отметить, в отличие от содержания под стражей сроки применения запрета выходить за пределы жилого помещения не разделяются по стадиям уголовного процесса. Так, например, один год запрета может распределяться следующим образом: 9 месяцев в стадии предварительного расследования и 3 месяца в судебном производстве. Как представляется, для обеспечения прав обвиняемых следует предусмотреть ограничения по применению данного запрета в зависимости от стадии уголовного процесса. В частности, по аналогии с содержанием под стражей, можно предусмотренные в настоящее время сроки применения запрета выходить за пределы жилого помещения разделить на равные части для досудебного и судебного производства.

Для остальных запретов конкретные сроки вообще не предусмотрены, что означает, что их можно применять вплоть до отмены или изменения этой меры пресечения или до приостановления/окончания производства по уголовному делу. С таким подходом законодателя нельзя согласиться в полной мере, поскольку, в отличие от подписки о невыезде и надлежащем поведении, личного поручительства, наблюдения командования воинской части и присмотра за несовершеннолетним обвиняемым, запрет определенных действий предполагает более существенное ограничение конституционных прав и свобод граждан. В этом отношении справедлива позиция О. В. Желевой и А. С. Ткача, что «любая процедура ограничения прав предполагает в том числе установление объема и продолжительности ее действия» [4, с. 54].

В связи с изложенным можно предположить, что для обеспечения большей правовой определенности следует предусмотреть конкретные сроки применения всех запретов в рамках ст. 105.1 УПК РФ, но для запрета выходить за пределы жилого помещения сроки должны быть менее продолжительными.

Федеральным законом от 07.10.2022 № 383-ФЗ впервые были предусмотрены сроки применения залога в уголовном процессе. При этом, как отмечают Е. В. Горкина, Л. В. Попова, Е. Е. Колбасина, установление срока для залога было излишним, поскольку способствует усложнению порядка применения залога, что повлечет сокращение применения этой меры пресечения [5, с. 85–86].

Согласно ч. ч. 2 и 8.2 ст. 106 УПК РФ, залог избирается на два месяца, однако если в этот срок окончить предварительное расследование будет невозможно, то данный срок может быть продлен в порядке, предусмотренном для продления сроков содержания под стражей (ст. 109 УПК РФ). Следует сразу обратить внимание на формулировку: сроки залога именно продляются в порядке, установленном для сроков содержания под стражей. Если понимать

эту формулировку буквально, то получается, что сроки применения залога в настоящее время не стали аналогичными срокам содержания под стражей.

Во-первых, содержание под стражей – это все же объективно более строгая мера пресечения, для которой законодателем должны быть предусмотрены сокращенные сроки применения по сравнению со всеми иными мерами пресечения.

Во-вторых, ч. 8.1 ст. 106 УПК РФ предусмотрена возможность одновременно с залогом установить для обвиняемого один или несколько запретов определенных действий. Соответственно, сроки применения этих запретов аналогичны срокам, предусмотренным ст. 105.1 УПК РФ. В частности, если залог будет избран по уголовному делу о тяжком преступлении и вместе с залогом будет предусмотрен запрет выходить за пределы жилого помещения, то срок его применения будет составлять максимум два года. Если же предположить, что сроки применения залога будут аналогичными срокам содержания под стражей, то получится странная ситуация: срок применения залога с учетом всех возможных продлений составит 12 месяцев, а срок применения запрета выходить за пределы жилого помещения составит 24 месяца. Получается, что через 12 месяцев залог, фактически, трансформируется в другую меру пресечения, причем без вынесения каких-либо судебных решений об этом. Как представляется, не такую модель регулирования предполагал законодатель.

Таким образом, вышеизложенное позволяет заключить, что отсылка в ч. 8.2 ст. 106 УПК РФ к ст. 109 УПК РФ предполагает не то, что максимальный срок залога должен быть аналогичным максимальному сроку содержания под стражей, а то, что сам процессуальный порядок решения вопроса о продлении срока должен быть аналогичным.

Однако вопрос остается неразрешенным: есть ли в этом случае предельный срок применения залога в уголовном процессе? Получается, что нет. Законодатель лишь установил срок, на который залог должен избираться первоначально, но не предусмотрел, на какой период времени этот срок может продляться, и не закрепил предельный срок применения залога. Данная ситуация, очевидно, является пробелом, поскольку одно из возможных ограничений в рамках залога (запрет выходить за пределы жилого помещения) ограничено конкретным сроком, в зависимости от категории тяжести преступления, а залог в целом вообще ничем не ограничен. Как представляется, следует урегулировать сроки применения залога в уголовно-процессуальном законодательстве, которые могут быть соизмеримы со сроками применения запрета определенных действий.

При определении сроков применения домашнего ареста законодатель решил использовать отсылочные нормы и указал, что сроки домашнего ареста аналогичны срокам содержания под стражей, предусмотренным ст. 109 УПК РФ. Вместе с тем в очередной раз законодатель не учел, что сроки содержания под стражей, предусмотренные ст. 109 УПК РФ, распространяются только на стадию предварительного расследования. Сроки содержания под стражей в судебном производстве урегулированы ст. 255 УПК РФ, и в ней вообще ничего не упоминается про возможность применения этих правил к домашнему аресту. Более того, и в ст. 107 УПК РФ не содержится отсылок к ст. 255 УПК РФ. Конституционный Суд Российской Федерации в связи с этим указал, что в таком случае можно применять аналогию закона и распространять сроки, предусмотренные в ст. 255 УПК РФ, на применение домашнего ареста в судебных стадиях уголовного процесса [6]. Но следует согласиться с К. Б. Калиновским, что указанный пробел должен быть устранен именно в законодательстве [7], поскольку применение аналогии, позволяющей ограничивать в большей степени конституционные права и свободы, чем следует из буквального толкования закона, недопустимо.

Подробнее всего в действующем УПК РФ урегулированы сроки содержания под стражей. Такой подход законодателя следует только приветствовать, поскольку заключение под стражу – это самая строгая мера пресечения, которая в самой значительной степени ограничивает личные права обвиняемых. Вместе с тем нельзя согласиться с той степенью свободы, которую законодатель предоставил правоприменителям при определении возмож-

ностей продления сроков содержания под стражей свыше предельных, установленных в ч. ч. 1–3 ст. 109 УПК РФ.

Самыми оптимальными следует признать правила, предусмотренные ч. 8.3 ст. 109 УПК РФ. В данной норме предусмотрено, что в случае, если предельного содержания под стражей (и по аналогии срока домашнего ареста, срока запрета определенных действий) оказывается недостаточным для проверки прокурором уголовного дела и выполнения судом действий в стадии подготовки к судебному заседанию, то указанный срок может быть продлен судом по ходатайству прокурора до 30 суток. Причем, учитывая сроки, предусмотренные в ст. ст. 221 и 227 УПК РФ (10 суток с возможностью продления до 30 суток и 14 суток соответственно), 30 суток – это оптимальное значение. Следует обратить внимание, что такое продление возможно только при расследовании уголовного дела в форме предварительного следствия, поскольку Федеральным законом от 19.02.2018 № 27-ФЗ аналогичная возможность для продления срока в дознании была исключена из УПК РФ.

Также законодатель закрепил в ч. 11 ст. 109 УПК РФ возможность продления предельных сроков содержания под стражей на 6 месяцев в случае, если они истекли в результате зачета времени содержания под стражей на территории иностранного государства или принудительного содержания в медицинском или психиатрическом стационаре. Такое продление сроков возможно при расследовании уголовного дела в любой форме, но только в отношении сроков содержания под стражей. Иными словами, буквальное толкование закона позволяет предположить, что если в описанных ситуациях истекли предельные сроки применения домашнего ареста и запрета определенных действий, то дальнейшее применение этих мер пресечения невозможно. Но это наталкивает правоприменителей на мысль, что в таких случаях нужно изменять меру пресечения на заключение под стражу для сохранения ограничений для обвиняемого. Безусловно, изменение меры пресечения на заключение под стражу в описанной ситуации будет лишь нарушать права обвиняемых, поэтому необходимо предусмотреть в ч. 11 ст. 109 УПК РФ возможность продления сроков домашнего ареста и запрета определенных действий при схожих обстоятельствах.

Еще одна возможность продления сроков содержания под стражей, которая может применяться исключительно при расследовании в форме предварительного следствия, определена в ч. ч. 6–8 ст. 109 УПК РФ. При этом буквальное толкование указанных норм предусматривает возможность продления сроков именно содержания под стражей (не упоминаются сроки домашнего ареста и запрета определенных действий) при недостаточности 30 суток для ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела. Конкретный срок продления в описанной ситуации определяется судом самостоятельно, но не может быть более 3 месяцев. Однако такое продление может происходить неоднократно, из-за чего определить окончательный срок, до которого может быть продлено содержание под стражей, невозможно.

Вместе с тем в ч. 3 ст. 217 УПК РФ предусмотрен механизм установления сроков ознакомления с материалами уголовного дела по судебному решению. Как представляется, данный механизм вполне можно использовать и для случаев, предусмотренных в ч. ч. 6–8 ст. 109 УПК РФ: если обвиняемый не успевает ознакомиться в течение 30 суток с материалами уголовного дела, то суд устанавливает срок ознакомления с такими материалами и продляет срок содержания под стражей, учитывая сроки ознакомления с материалами дела, а также сроки для направления уголовного дела прокурору, изучения прокурором материалов дела и выполнения судом действия в стадии подготовки к судебному заседанию (т. е. сроки, предусмотренные в ст. ст. 221 и 227 УПК РФ). Определить же предельный срок содержания под стражей в ст. 109 УПК РФ в данном случае невозможно, однако указанное предложение позволит исключить ситуации, когда обвиняемый может содержаться под стражей неограниченное время, так как суд изначально будет определять срок, учитывая объем материалов уголовного дела.

Продление сроков содержания под стражей свыше предельных, предусмотренных в ч. ч. 1–3 ст. 109 УПК РФ, для всех форм предварительного расследования установлено

в ч. ч. 8.1 и 8.2 ст. 109 УПК РФ. В ч. 8.1 ст. 109 УПК РФ описывается ситуация, когда следователь или дознаватель направляет прокурору уголовное дело с истекающим предельным сроком содержания под стражей, домашнего ареста или запрета определенных действий. При этом законодатель не определяет конкретный срок, на который может быть продлено применение меры пресечения. Вместо указания конкретного срока в УПК РФ содержится отсылочная норма, предусматривающая, что срок применения меры пресечения определяется с учетом сроков, закрепленных в ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 226, ч. 1 ст. 226.8 и ч. 3 ст. 227 УПК РФ. Если обратиться к указанным нормам, то можно прийти к выводу, что предельные сроки должны составлять:

- 1) для предварительного следствия – 10 + 14 суток, т. е. 24 дня;
- 2) для дознания в общем порядке – 5 суток + 14 суток, т. е. 19 суток;
- 3) для сокращенного дознания – 3 суток + 14 суток, т. е. 17 суток.

Следует сразу обратить внимание что указанную возможность продления следует отличать от ситуации, описанной в ч. 8.3 ст. 109 УПК РФ: прокурор может заявить ходатайство о продлении срока содержания под стражей до 30 суток, а по ходатайству следователя срок содержания под стражей может быть продлен лишь до 24 дней. Как справедливо замечают П. В. Седельников и Е. Е. Коробкова, правоприменительная логика должна быть следующей: следователь должен направить прокурору уголовное дело за 24 дня до истечения срока содержания под стражей, но если прокурор продлит срок изучения материалов дела с 10 до 30 суток, то он может заявить ходатайство о продлении срока содержания под стражей [8, с. 15]. Указанное предложение следует закрепить в законе, предусмотрев конкретные сроки продления содержания под стражей в ситуациях, описанных в ч. 8.1 ст. 109 УПК РФ.

В ч. 8.2 ст. 109 УПК РФ установлено правило, что продление сроков содержания под стражей, домашнего ареста и запрета определенных действий при обжаловании следователем или дознавателем постановления прокурора о возвращении уголовного дела ограничено сроками, предусмотренным в ч. 4 ст. 221, ч. 4 ст. 226, ч. 4 ст. 226.8 и ч. 3 ст. 227 УПК РФ.

Анализ вышеуказанных норм позволяет прийти к выводу, что предельные сроки применения мер пресечения должны составлять:

- 1) для предварительного следствия – 72 часа + 10 суток + 14 суток, т. е. 27 суток;
- 2) для дознания в общем порядке – 48 часов + 3 суток + 14 суток, т. е. 19 суток;
- 3) для сокращенного дознания – 24 часа + 2 суток + 14 суток, т. е. 17 суток.

Несмотря на то что все указанные сроки можно посчитать, непонятно, почему законодатель не стал закреплять конкретные промежутки времени в ст. 109 УПК РФ, а оставил возможность их определения для судей. Как представляется, и в этом случае для обеспечения большей определенности следует закрепить в ч. 8.2 конкретные промежутки времени, на которые может быть продлено содержание под стражей.

Все вышеизложенные проблемы позволяют сформулировать следующие предложения:

- 1) закрепить в ст. 100 УПК РФ, что в срок 10 суток (или 45 суток для преступлений, перечисленных в ч. 2 ст. 100 УПК РФ) должно быть вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, а предъявление обвинения должно осуществляться в указанные сроки только в случае, если обвиняемый не уклоняется от явки. Если же обвиняемый уклоняется, то мера пресечения не отменяется, а заменяется на более строгую в предусмотренном законе порядке;
- 2) в ст. 224 УПК РФ предусмотреть, что дознаватель может выносить постановление о привлечении в качестве обвиняемого, если 10 суток недостаточно для составления обвинительного акта, при избрании любой меры пресечения, а не только заключения под стражу;
- 3) в ч. 10 ст. 105.1 указать распределение предельных сроков применения запрета выходить за пределы жилого помещения отдельно в стадии предварительного расследования и в судебном производстве;
- 4) определить предельные сроки применения запретов, предусмотренных в п. п. 2–6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, также отдельно в стадии предварительного расследования и судебном производстве;

5) закрепить в ч. 8.2 ст. 106 УПК РФ предельные сроки применения залога, которые не должны превышать в любом случае предельные сроки применения запретов, предусмотренных в п. п. 2–6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ;

6) в ст. 255 УПК РФ предусмотреть, что правила определения сроков содержания под стражей в судебном производстве распространяются также на правила определения сроков домашнего ареста, залога и запрета определенных действий (для последних двух мер пресечения с учетом сроков, установленных в ч. 8.2 ст. 106 и ч. 10 ст. 105.1 УПК РФ);

7) в ч. ч. 6–8 ст. 109 УПК РФ указать, что могут продляться не только сроки содержания под стражей, но и сроки домашнего ареста, залога и запрета определенных действий, при этом допускается лишь однократное продление на срок, который определяет суд с учетом сроков ознакомления с материалами дела, направления уголовного дела прокурору, изучения прокурором материалов дела и выполнения судом действия в стадии подготовки к судебному заседанию;

8) в ч. 8.1 ст. 109 УПК РФ закрепить, что при указанных в норме обстоятельствах сроки применения мер пресечения могут быть продлены: на 24 дня – при расследовании дела в форме предварительного следствия; 19 суток – при расследовании дела в форме дознания; 17 суток – при расследовании дела в форме сокращенного дознания;

9) в ч. 8.2 ст. 109 УПК РФ предусмотреть, что при указанных в норме обстоятельствах сроки применения мер пресечения могут быть продлены: на 27 суток – при расследовании дела в форме предварительного следствия; 19 суток – при расследовании дела в форме дознания; 17 суток – при расследовании дела в форме сокращенного дознания;

10) распространить возможность продления сроков содержания под стражей на применение запрета определенных действий, залога и домашнего ареста при обстоятельствах, описанных в ч. 11 ст. 109 УПК РФ.

### Список литературы

1. **Николюк В. В.** Новые правила зачета в срок наказания времени содержания лица под стражей, изоляции от общества при применении мер пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий // Вестник Восточно-Сибирского ин-та МВД России. 2018. № 4 (87). С. 112–121.
2. **Федюкина А. Ю., Горкина Е. В.** Избрание мер пресечения в отношении подозреваемого: проблемы теории и практики // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 4 (26). С. 79–82.
3. **Попова И. П., Вастьянова О. Д.** Запрет определенных действий: актуальные проблемы // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 2 (24). С. 79–84.
4. **Желева О. В., Ткач А. С.** Некоторые проблемы исчисления и зачета срока запрета определенных действий в срок домашнего ареста, заключения под стражу и лишения свободы // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2022. № 45. С. 50–65.
5. **Горкина Е. В., Попова Л. В., Колбасина Е. Е.** Залог как мера пресечения: анализ проблем и возможностей их решения // Вестник Волгоград. академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 81–87.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тарханова Максима Викторовича на нарушение его конституционных прав статьями 110 и 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2024 № 2039-О // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision782555.pdf> (дата обращения: 20.02.2025).

7. **Калиновский К. Б.** Срок домашнего ареста в судебных стадиях устанавливается по аналогии // Уголовный процесс. 2024. № 11 (239). С. 11.
8. **Седельников П. В., Коробкова Е. Е.** Прокурор получил новые полномочия // Вестник Сибирского юрид. ин-та МВД России. 2019. № 1 (34). С. 13–21.

### References

1. **Nikolyuk V. V.** New rules for counting the time spent in custody, isolation from society when applying preventive measures in the form of house arrest, prohibition of certain actions towards the term of punishment. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4 (87), pp. 112–121. (in Russ.)
2. **Fedyukina A. Yu., Gorkina E. V.** Selection of preventive measures against a suspect: problems of theory and practice. *Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, 2020, no. 4 (26), pp. 79–82. (in Russ.)
3. **Popova I. P., Vastyanova O. D.** Prohibition of certain actions: current issues. *Siberian criminal procedure and forensic readings*, 2019, no. 2 (24), pp. 79–84. (in Russ.)
4. **Zheleva O. V., Tkach A. S.** Some problems of calculating and counting the period of prohibition of certain actions in the period of house arrest, detention and imprisonment. *Bulletin of Tomsk State University. Law*, 2022, no. 45, pp. 50–65. (in Russ.)
5. **Gorkina E. V., Popova L. V., Kolbasina E. E.** Bail as a preventive measure: analysis of problems and possibilities for their solution. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (67), pp. 81–87. (in Russ.)
6. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Maksim Viktorovich Tarkhanov regarding the violation of his constitutional rights by Articles 110 and 255 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.07.2024 No. 2039-O // Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision782555.pdf> (date accessed: 20.02.2025). (in Russ.)
7. **Kalinovsky K. B.** The period of house arrest in judicial stages is established by analog. *Criminal Procedure*, 2024, no. 11 (239), p. 11. (in Russ.)
8. **Sedelnikov P. V., Korobkova E. E.** The prosecutor received new powers. *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 1 (34), pp. 13–21. (in Russ.)

### Информация об авторе

**Михаил Евгеньевич Нехороших**, кандидат юридических наук

### Information about the Author

**Mikhail E. Nekhoroshikh**, PhD in Law, Novosibirsk State University of Economics and Management

Статья поступила в редакцию 03.03.2025;  
одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 21.03.2025

The article was submitted 03.03.2025;  
approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 21.03.2025

## Информация для авторов

---

### Уважаемые авторы!

Журнал «Юридическая наука и практика» (ISSN 2542-0410) выпускается Институтом философии и права Новосибирского государственного университета и распространяется по подписке (подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 11231).

В журнале публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам: теоретико-исторические правовые науки, публично-правовые (государственно-правовые) науки. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором в переводе на русский язык.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из цитат и пересказов ранее опубликованных научных работ. Автор несет ответственность за присутствие в представляемом материале любых форм заимствования. В случае обнаружения не согласующегося с законодательством об авторском праве и смежных правах заимствования материал безусловно отклоняется; дальнейшее сотрудничество журнала с автором прекращается.

Решение редакционной коллегии о принятии статьи к печати или об отклонении сообщается авторам по электронной почте.

Возвращение рукописи на доработку не означает, что статья принята к печати. Доработанный вариант необходимо прислать в редакцию вместе с ее начальной версией, рецензией ответом на замечания рецензента не позднее двух месяцев со дня его отсылки. В противном случае первоначальная дата поступления статьи при публикации не указывается.

После выхода журнала бесплатные (так называемые авторские) номера не предоставляются. Авторы самостоятельно приобретают журнал по розничной цене. Иногородним авторам возможна высылка журнала наложенным платежом по индивидуальной договоренности.

### Правила оформления рукописи

Авторы представляют материалы объемом: статьи – 1 п. л., научного сообщения – 0,5 п. л., а рецензии – одной трети печатного листа на русском языке. Текст должен быть набран одним и тем же шрифтом – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов, в формате Word, межстрочный интервал 1,5. Абзацный отступ – 1,25 см. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только по согласованию с редакцией.

В тексте статьи указывается индекс УДК<sup>1</sup>.

ФИО автора, место работы, адрес должны быть указаны на русском и английском языках.

К материалу должны прилагаться аннотация рукописи, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках. Объем аннотации: 1000–1500 знаков с пробелами.

При несоблюдении этого требования редколлегия оставляет за собой право вернуть представленный материал автору без рассмотрения.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются номер источника, указанного в Списке литературы, номер страницы источника (для монографий и периодических изданий). Например: [12, с. 37].

В конце статьи помещается список литературы в порядке цитирования. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, город, название издательства или издающей организации, год

---

<sup>1</sup> См. онлайн-справочник УДК: <http://teacode.com/online/udc/34/34.html>

издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). *Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы).*

В конце статьи авторы могут поместить список использованных обозначений и сокращений.

В рукописи статьи на последней странице необходимо указать следующие сведения:

- фамилия, имя, отчество (*полностью*);
- полное наименование организации – основного места работы, город, страна;
- занимаемая должность;
- ученая степень и звание (если есть);
- воинское или специальное звание (если есть);
- e-mail, ORCID (*обязательно*), SPIN и т. п. (если есть), номер мобильного, рабочего и / или домашнего телефона (данная информация необходима для оперативного взаимодействия редколлегии с автором).

### Образец оформления рукописи

УДК 341.9

**Европейское право**

**Иван Иванович Иванов**

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности (если есть)

**European Law**

**Ivan I. Ivanov**

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

Основной текст статьи

Список литературы / References

1. **Гладышев С. И.** Исполнительное производство в английском и российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 28 с.
2. **Gladyshev S. I.** Enforcement proceedings in the English and Russian law. Abstract of dis. ... Cand. of Sciences (Law). Moscow, 2001, 28 p. (in Russ.)

3. **Проскурин С. Г.** Эволюция права в семиотическом аспекте // Вестн. НГУ. Серия: Право. 2008. Т. 4, № 2. С. 11–18.
4. **Proskurin S. G.** Evolution of Law in semiotic aspect. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Law*, 2008, vol. 4, no. 2, pp. 11–18. (in Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

**Иванов Иван Иванович**, кандидат юридических наук, доцент

**Ivan I. Ivanov**, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

WoS Researcher ID

Scopus Researcher ID

SPIN

Тел.: +7-111-111-11-11

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Институт философии и права  
Новосибирского государственного университета  
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 639990, Россия

Тел.: +7 (383) 266 73 79

E-mail: [jurisprudence@mail.nsu.ru](mailto:jurisprudence@mail.nsu.ru)